

ISSN 2221-0792

**РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ
ИССЛЕДОВАНИЙ
НАЦИОНАЛИЗМА**

**RUSSIAN JOURNAL OF
NATIONALISM STUDIES**

1

**РОСІЙСЬКИЙ ЧАСОПИС
ШТУДІЙ НАЦІОНАЛІЗМУ**

**РАСІЙСКІ ЧАСОПІС
ДАСЛЕДАВАННЯЇ
НАЦЫЯНАЛІЗМА**

ISSN 2221-0792

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛИЗМА

2

2019

No 1 – 2

ISSN 2221-0792

Российский журнал исследований национализма

№ 1 – 2, 2019

Основан в 2012 году

Учредитель:

Факультет международных отношений Воронежского Государственного Университета
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран

Редакционная коллегия

к.и.н. И.Б. Горшенева

д.и.н. М. В. Кирчанов (отв. ред. ВГУ)

к.и.н. А. В. Погорельский

к.полит.н. Е.М. Поляков

к.и.н. И. В. Форет

Editorial Board

Dr. Irina B. Gorsheniova

Dr.Sc. Maksym W. Kyrchanoff (editor)

Dr. Irina V. Phoret

Dr. Alexander V. Pogorelsky

Dr. Evgenii Poliakov

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж Пушкинская 16

Воронежский государственный университет корпус № 8, ауд. 236

Все авторские материалы, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия настоящего издания доступна на официальном сайте Факультета
международных отношений Воронежского государственного университета <http://www.ir.vsu.ru>

ISSN 2221-0792

Содержание

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМА: СТАТЬИ

В.О. Шаламов, ЯЗЫК КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВЕНГЕРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	7
А. Н. Рудакова, ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ	17
К. С. Пахомова, ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ	34
В.В. Поволоцкая, ИДЕЯ БАВАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ БАВАРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	40
В.О. Шаламов, ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ	48
М.В. Кірчанаў, БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛІЗМ 2014 - 2019-Х ГАДОЎ У УМОВАХ ЎНУТРАНАЙ СТАБІЛЬНАСЦІ І ЗНЕШНІХ ПАГРОЗАЎ НЕЗАЛЕЖНАСЬЦІ: АД ГАРАЧАЙ КАНФРАНТАЦЫІ З УЛАДАЙ ДА СПРОБАЎ НАЦЫЯНАЛІЗАЦЫІ РЭЖЫМУ	52

НАЦИОНАЛИЗМЫ ВОСТОКА

Д. Э. Исакова, ХИНДУТВА КАК ФОРМА ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	66
С.И. Жетлухина, «ЗАПАДНЫЙ ИСЛАМИЗМ» КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ	74
Ю.С. Бобкова, ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ВОООБРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ	81

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

(ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, ИСТОРИЯ ИДЕЙ, КУЛЬТУРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ)

Д. Е. Иноземцев, ПРОБЛЕМЫ ФЕМИНИЗМА КАК СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АРХЕОЛОГИЯ ИДЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТАХ РДТ	89
М.В. Кирчанів, ІСТОРІЧНИЙ РЕВІЗІОНІЗМ: БАЛКАНСЬКИЙ ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ ДОСВІД (ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ НАЦІОНАЛІЗМУ І ПОЛІТИЧНА ВІДПОВІДАЛЬНІСТЬ ІНТЕЛЕКТУАЛІВ)	94

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМОВ И ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ИСПАНИИ

К.А. Федотова, ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ ИСПАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ	116
Е.А. Игнатович, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ	123
Maksym W. Kyrchanoff, THE TAMED ETHNICITY AS THE INVENTED TRADITION OF THE BASQUE NATIONALISM	130

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ВЕНГРИИ: ТЕКСТЫ

ВИКТОР ОРБАН ОБЪЯВИЛ О ПРОГРАММЕ ПО ПРЕКРАЩЕНИЮ ИММИГРАЦИИ	153
«ФИДЕС» - НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВЕНГЕРСКИХ ГРАЖДАНСКИХ	156

АССОЦИАЦИЙ ПРИНИМАЕТ СЛЕДУЮЩЕЕ РЕШЕНИЕ	
ЕВРОПА НА РАСПУТЬЕ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	157
ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ АКТ, ПО КОТОРОМУ БРЮССЕЛЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ	160
КАРТОЧКИМИГРАНТАМ	
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА - СТАРЫЕ ЦЕННОСТИ, НОВЫЕ ЦЕЛИ	162
ЧТО СДЕЛАЕТ ПОБЕДИВШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПАРТИИ «ЙОББИК»?	166
ТРИАНОН 99 (ВЕНГЕРСКАЯ ПАРТИЯ «ПРАВДЫ И ЖИЗНИ»)	169

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА: ПЕРЕВОДЫ

<i>С. Вятр</i> , ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ	174
<i>Отто фон Габсбург</i> , УКРАИНА ТОЖЕ ПРИНАЖДЛЕЖИТ К ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ	179
<i>М. Шлемкевич</i> , ГАЛИЧАНСТВО	184
<i>В. Залозецкий-Сас</i> , ИСТОРИЯ УКРАИНСКОГО ИСКУССТВА МЕЖДУ ОКЦИДЕНТОМ И ВИЗАНТИЕЙ	193

НЕВИДИМЫЕ НАЦИОНАЛИЗМЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ДИСКУРСЕ СМИ

<i>Майкл КЕННИ</i> , АНГЛИЙСКОСТЬ КАК ЗАПРЕЩЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	201
АНГЛИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ МОГУТ СТАТЬ «ЭЛЕКТОРАЛЬНО	203
АВТОРИТЕТНЫМИ» В РЕЗУЛЬТАТЕ ПАДЕНИЯ БРИТАНСКОЙ	
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ	
ОТВАЖНАЯ ПОПЫТКА ЛЕЙБОРИСТОВ РЕШИТЬ КРИЗИС АНГЛИЙСКОСТИ	205
ДЕБАТЫ О БУДУЩЕМ АНГЛИИ НАЧИНАЮТСЯ В СОЕДИНЕННОМ	207
КОРОЛЕВСТВЕ	
<i>Дэйвид ЭДГАР</i> , ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОСТИ ВДОХНОВЛЯЮТ НОВЫЕ	209
НЕРЕШАЕМЫЕ ВОПРОСЫ	
АНГЛИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПАРЛАМЕНТ	212
<i>Роберт МакКрам</i> , НЕДОБРЫЕ ТАЙНЫ АНГЛИИ	214

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМА: СТАТЬИ

ЯЗЫК КАК ИЗОБРЕТЕННАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ВЕНГЕРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Национализм как идеологию сложно представить без влияния на его развитие национального языка. В случае с венгерским национализмом, национальный язык стал мощной изобретенной лингвистической традицией, на основе которой сформировался национализм в Венгрии. В данной статье анализируется роль национального языка на развитие венгерского национализма.

Ключевые слова: Венгрия, национализм, венгерская нация, национальный язык, лингвистическая традиция.

It's really hard to explain nationalism as ideology without the national language's influence on its development. In case of Hungarian nationalism national language became the powerful invented linguistic tradition, on the basis of which nationalism in Hungary was formed. The role of the national language on the development of the Hungarian nationalism is analyzed in this article.

Key words: Hungary, nationalism, Hungarian nation, national language, linguistic tradition.

Проблема. Национальный язык или угроза его исчезновения являются мощным фактором, на основе которого может возникнуть национализм в конкретной стране. Если национализм уже возник, то его невозможно представить без национального языка, который уже превращается в лингвистическую традицию, в создании которой активно участвуют лингвисты и националисты, выделяющие различия между их и соседними народами. Именно этим путем развивался национализм в Венгрии, в котором язык предстал как мощная лингвистическая традиция.

Цель исследования. Вектор развития лингвистической традиции зависел от политической ситуации в Венгрии. Поэтому необходимо доказать, что лингвистическая традиция венгерского национализма является реакцией на происходившие с венгерской нацией политические процессы. А если национальный язык предан забвению, то саму нацию-носителя умершего языка также ждет печальный исход и ассимиляция с соседями.

Актуальность проблемы. Данная проблема актуальна не только в том случае, если изучать венгерский национализм. Ирландский национализм имеет много схожего с венгерским: историю, этапы развития, условия, которые привели к проявлению национализма в Венгрии и Ирландии. Лингвистические традиции также схожи в обеих странах, поэтому чтобы разобраться в них, нужно провести параллель между Венгрией и Ирландией. Обе страны в XIX веке входили в состав империй: Венгрия была частью Австрийской империи, а Ирландия – Британской. Соответственно, национальные языки мало использовались властями, предпочитавшие разговаривать на немецком и английском

языках и делавшие попытки окончательно вытеснить венгерский и ирландский. Угроза исчезновения национальных языков стала первым и самым мощным импульсом для зарождения национализма в Венгрии и Ирландии, ставшего мощной реакцией на проведение в этих странах языковой политики властями Вены и Лондона [3].

Венгрия в конце XVIII века. Как уже было упомянуто выше, Венгрия в XIX веке входила в состав Австрийской империи, во главе которой находилась династия Габсбургов. В состав империи также входили многочисленные славянские народы (чехи, словаки, поляки), румыны (Трансильвания) и итальянцы (Ломбардия), но только немецкий язык являлся государственным. Национальные языки было использовать нежелательно, а Габсбурги проводили политику германизации. Это привело к тому, что уже к концу XVIII века венгерский язык оказался на грани вымирания. Этнические венгры предпочитали говорить на словацком языке в Словакии, румынском в Трансильвании, сербском в Воеводине и немецком в крупнейших городах Венгрии (Буда, Пешт, Печ). Венгерский язык де-факто превращался в язык маргиналов.

Однако уже в конце XVIII века появились первые люди, которых не устраивали статус и стремительная стагнация венгерского языка. Ими стали венгерские драматург Шандор Кишфалуди и писатель Ференц Казинци, вошедшие в историю как первые реформаторы венгерского языка. Они стремились повысить статус венгерского языка в империи Габсбургов, который сначала необходимо было популяризовать среди самих венгров. Однако без необходимой лингвистической реформы венгерский язык был неспособен конкурировать с немецким. Для ее реализации Казинци и Кишфалуди обратились к венгерскому театру, который был полностью германизирован. Как результат реформы, в XIX веке реформаторам венгерского языка удалось в нелегкой борьбе вытеснить немецкий с национальной территории Венгрии [4].

Борьба немецкого и венгерского театров в Пеште и дегерманизация Венгрии. В 1812 году в Пеште был открыт крупнейший германоязычный театр в мире, что окончательно вытеснило венгерские оперы в мелкие провинциальные города Венгрии. Если добавить, что первая опера на венгерском языке была показана в 1793 году, которая впоследствии попала под запрет из-за возмущения немцев, то культурная ситуация в стране выглядела критически, а в следующий раз венгероязычная опера будет показана только в 1837 году, спустя 44 года. Однако даже несмотря на сильные позиции немецкого языка в стране, они пошатнулись, а венгерская театральная сцена начала переходить на национальный язык [5].

Существовало три версии перехода венгерского театра с немецкого языка на национальный:

1) Националистическая. Если рассматривать смену немецкого языка венгерским с точки зрения национализма, то это ни что иное как попытка сохранить и возродить национальную культуру, конечная цель которой является получение независимости от империи Габсбургов. Сам национальный театр был создан в 1837 году, который внес весомый вклад в реформирование венгерского языка, теперь уже считавшегося красноречивым, а не грубым.

2) Театроведческая. Театроведы считают, что национальный театр – это политический институт, цель которого является постепенное вытеснение главенствующей (немецкой) культуры национальной (венгерской). При этом параллельно происходили два процесса: совершенствование национального языка и распространение космополитизма литераторов на аудиторию (повторная мадьяризация малообразованных венгров).

3) Лингвистическая. Лингвисты рассматривают национальный язык как средство для достижения величия нации, которое может быть использовано националистами. Лингвисты считают, что венгерские националисты сначала желали сохранить и возродить национальный язык, затем объявить его официальным и, наконец, маргинализировать остальные языки, которые будут представлять угрозу венгерской нации [5].

В 1837 году выявился интересный факт: в Вене был только один драматургический театр, а в Пеште их было два, что вызвало соревнование между немецким и венгерским театрами. Победа, на удивление, осталась за венгероязычным театром, который получил обозначение как национальный и субсидии. Причиной победы является четкая направленность венгерского театра, развивающий ясность и мощь венгерской идиомы. Стоит отметить, что с момента образования венгерского театра тот стал центром патриотической деятельности венгерских националистов, проводящих лингвистические реформы. А вскоре, после победы в «соревнованиях», венгерский язык окончательно закрепился в национальном театре, что стало первой значительной победой националистов.

В процессе вытеснения немецкого языка венгерским формировалась лингвистическая традиция венгерского национализма. Она основывалась на угрозе вымирания венгерского языка и исчезновении венгерской нации в целом. Поэтому данная традиция предусматривала культурное и лингвистическое возрождение Венгрии, а также пресечение и искоренение

немецкого влияния на население страны. А в 1847 году немецкий театр в Пеште сгорел, что стало символическим событием, знаменующим закат культурного и лингвистического влияния немцев на Венгрию. Гораздо более важным являются подъем национального самосознания и стимулирование венгерского народа на революционные перемены, произошедшие уже в следующем году [5].

В 1848 году в Австрийской империи вспыхнули многочисленные революции за освобождение венгров, славян и итальянцев от гнета Габсбургов. Лайош Кошут, ставший лидером революции, в отличие от своих предшественников превосходно говорил на национальном языке и обладал незаурядными ораторскими навыками, позволяющие ему убеждать население в необходимости культурного возрождения и свержения власти Габсбургов. Венгерский театр стал фактически центром Венгерской революции 1848-1849 гг. В культурных зданиях венгерских городов повсеместно проводились празднества и прежде запрещенные немцами спектакли, самым известным из которых стал балет «Падение двуглавого орла».

Войска Австрийской империи, посланные на усмирение восставших венгров, настолько упорно подавляли любую театральную деятельность в Венгрии, насколько упорно венгры ее вели на национальном языке. Известны случаи, когда австрийские генералы приказывали расстреливать актеров и директоров в их же, венгерских, театрах, обосновывая это подстрекательством к революционной деятельности.

После подавления Венгерской революции Габсбурги взяли венгерский театр под свой контроль, вновь введя немецкий язык в операх и оркестрах. Одним из символов поражения революции можно считать показ поэмы «Герман и Доротея» в Пеште, приуроченная к столетию со дня рождения немецкого философа и писателя Иоганна Гете. Гораздо более унижительным следствием поражения революции считается тот факт, что теперь каждая опера в венгерских театрах должна начинаться с исполнения гимна империи Габсбургов. Венгры опасались, что австрийские власти вновь начали германизировать венгерский национальный театр [5].

Но несмотря на провал революции и ужесточение контроля за венгерским театром со стороны Габсбургов, немецкий театр продолжал терять свои позиции. Окончательный крах немецкого театра наступил во второй половине 80-х годов XIX века. Поскольку мадьяризация и дегерманизация венгерского театра, к огромному неудовольствию не только Вены, но и Берлина, продолжались, то остановить эти процессы было уже невозможно. В 80-х годах XIX века произошел очередной

всплеск антигерманских настроений в Венгрии, выраженное пересмотром юбилея венгерского национального театра венгеро-немецким критиком Адольфом Зильберштейном.

«Пятьдесят лет назад Пешт и Буда были, так называемыми, немецкими колониями... Пешт являлся пригородом Вены. Германская муза доминировала, у нее были свои дворцы, репертуары, аудитория и артисты. Венгерский театр был только мечтой.» - писал Адольф Зильберштейн.

А в 1889 году пожар окончательно уничтожил здание немецкого театра в Пеште, сведя к минимуму немецкое культурное влияние на Венгрию. Сам пожар, который предположительно является поджогом, возмутил набирающих популярность в Германии пангерманистов. В своей брошюре «Великая Германия и Средняя Европа» они написали, что политику германизации нужно не сворачивать, а усиливать, причем ее целями должны стать не только венгры, но и славяне и румыны. Как итог, миллионы германизированных венгров, славян и румын должны были впоследствии войти в состав единого пангерманского государства. К счастью, безумным и неадекватным планам пангерманистов не суждено было сбыться.

11

Изначально венгерский театр являлся лишь центром политической жизни страны, в котором собирались кружки и клубы, на которых обсуждали необходимость лингвистической реформы и популяризацию венгерского языка среди самих венгров, а также борьбу с немецким театром. Но к концу XIX века политическая жизнь переместилась на улицы венгерских городов, а венгры стали гораздо активнее заявлять о своих взглядах. Венгерский театр справился со своей задачей: внес наиболее весомый вклад в формирование лингвистической традиции венгерского национализма, он поспособствовал пробуждению национального самосознания венгерского народа и развитию венгерского национализма в целом [5].

Туранизм в Венгрии. Политическое положение Венгрии в XIX веке было неблагоприятным: немцы не считали венгров полноценной нацией, славяне и румыны также враждебно поглядывали на них, а родственные им финно-угоры находились под властью российского царя, которого венгры не могли простить за вмешательство в революцию 1848-1849гг на стороне империи Габсбургов. Венграм было тяжело найти сторонников и союзников в мире. Во второй половине XIX века в Венгрии набирают силу идеи туранизма, рост популярности которого и был вызван политическим положением венгров в это время. Венгерский национализм вступил в

новую фазу своего развития, и эти изменения не могли не отразиться на лингвистической традиции [6].

Исследователи, изучающие происхождение венгерского этноса, путешествовали по Российской и Османской империям, находили вещественные и лингвистические доказательства родства венгров с финно-уграми. Однако поскольку отношение к российскому царю, поддерживающим панславизм, было негативным, то они начали доказывать, что венгры и турки – это родственные народы, а историческая родина венгров находится на территории Средней Азии, граничащей с Уйгуристаном. С тюркоязычными уйгурами у венгров как раз много схожего, особенно в лингвистическом плане, как считали туранисты [7].

Туранистам, которые относили венгров к группе тюрских народов, было выгодно исказить результаты этнических исследований, поскольку они занимались формированием национального мифа, направленного против немцев и, в большей степени, против славян. Кроме того, они соперничали с угристами в дебатах, известных как «Угоро-тюрская война». Наиболее значимыми туранистами были Габор Сарваш и Макс Мюллер. Сарваш известен тем, что в университете, в котором он преподавал, он запретил упоминать любые доказательства о финно-угорском происхождении венгров. «Мне не нужна наука, которая пахнет рыбой» - это его слова [6,7].

Макс Мюллер, который по происхождению был немцем, также активно продвигал туранизм в умы венгров. Он часто путешествовал по западным странам, особенно по Британской империи, где венгров называли диким тюркским племенем, пришедшим в Европу вместе с азиатскими ордами, как ранее пришли гунны и авары [6]. Венгров по необъяснимым причинам всегда притягивало к Турции: Лайош Кошут после поражения революции 1848-1849гг нашел убежище именно у турецкого султана, за спиной которого он укрылся от Габсбургов [8]. Эти «необъяснимые причины» туранисты объясняли лингвистическим родством с тюркскими языками.

Туранисты не смогли основательно доказать родство венгров с тюркскими народами, их аргументы звучат неубедительно. Туранизм - это лишь продукт, национальный миф, созданный в политических целях в конкретной политической обстановке как реакция на угрозу со стороны панславизма и пангерманизма, поскольку венгерская интеллигенция могла рассчитывать на благоприятные отношения только с Османской империей. Туранизм стал воображаемой идеей части венгерских националистов, которая завершила формирование лингвистической

традиции венгерского национализма. Венгерские туранисты, в отличие от своих предшественников, наиболее активно использовали национальный язык в политических и национальных целях. Даже несмотря на активное участие в конференциях пантюркистов и сотрудничество с турецкими коллегами, венгерский туранизм потерпел крах, поскольку идеи лингвистического родства венгерского и финно-угорских языков оказались убедительнее и ближе для венгров [6,7].

Венгрия в XX веке. В 1918 году Венгрия, наконец, получила независимость от развалившейся империи Габсбургов, но уже через два года страны Антанты заставили ее подписать нечестивый, унижительный и позорный Трианонский договор. По Трианону Венгрия теряла 72% своих земель, которыми она владела столетиями, в пользу Румынии, Чехословакии и Югославии. За короткий период на утраченных территориях венгры из титульной нации превратились в этническое меньшинство, ущемляемое теперь новыми властями Бухареста, Праги и Белграда. Это спровоцировало новый виток в развитии венгерского национализма.

Лингвистическая традиция в этот период отошла на второй план, поскольку на первое место вышло национальное конструирование новообразованного государства. Власть в стране получил адмирал Миклош Хорти, подавивший Венгерскую Советскую Республику, возникшую в 1919 году. Хорти проводил националистическую политику: защищал венгров от иностранного влияния, ограничивал права евреев в стране, преследовал оставшихся коммунистов. Однако он был скован в своих действиях, поскольку существовала угроза интервенции со стороны Малой Антанты (Румыния, Чехословакия и Югославия), созданной для сдерживания венгерского реваншизма, при поддержке Лиги Наций, да и сам Хорти получил власть в Венгрии лишь с одобрения Франции и Великобритании, опасавшиеся распространения коммунистического влияния в Европе.

Особую силу обрела реваншистская пропаганда венгерских националистов, нацеленная на возврат потерянных земель, поэтому наиболее пристальное внимание националисты стали уделять политизации венгерской истории, ставшая фундаментом для конструирования национального государства. Позор и унижение Трианонского договора наиболее радикально повлияли на конструирование венгерской нации межвоенного периода [2]. Исторические символы, в частности, культ Лайоша Кошута и памятники Шандору Петефи, обрели новую силу и заняли одно из центральных мест в венгерской идеологии того времени [8]. Новым термином в венгерском

национализме стал ирредентизм, предусматривающий воссоединение разделенной венгерской нации. Венгерский ирредентизм был тесно связан с реваншизмом.

Несмотря на то, что Венгрия в 1922 года стала членом Лиги Наций, она была в полной изоляции, поскольку ее практически со всех сторон окружали враги, бывшие пешками Антанты. Повторилась аналогичная с серединой XIX века ситуация, когда мощный импульс в развитии венгерского национализма стал реакцией на политические процессы, происходящие на территории бывшей империи Габсбургов. Идея национального возрождения венгерской нации вновь стала актуальной. Венгерские националисты смогли найти союзников: сначала ими стали итальянские фашисты, а потом и нацисты Третьего Рейха, что определило внешнюю политику страны на ближайшее десятилетие. Однако, несмотря на то, что Хорти смог добиться частичных успехов в восстановлении Великой Венгрии, представляемой конечной целью венгерского национализма межвоенного периода и ирредентизма, дружба с Муссолини и Гитлером привела страну к новому поражению на мировой арене в 1945 году. По иронии судьбы, после очередного поражения в войне к власти в Венгрии вновь пришли коммунисты [2].

14

Венгрия в XXI веке. В конце XX века Венгрия вступает в новую эпоху – современную, которая отразилась на венгерском национализме. Во второй раз сместив коммунистическую власть, венгерская нация вновь обратилась к национализму, вышедшему из подполья. Лингвистическая традиция венгерского национализма, занимавшая второстепенное значение практически весь XX век, пережила свое второе рождение в конце второго тысячелетия. Она снова была актуализирована националистами в новой политической ситуации, сложившейся в конце двадцатого столетия.

Венгрии не удалось вернуть утраченные по Трианонскому договору территории, поэтому этнические венгры остались жить под властью соседних государств. Теперь венгерские националисты нацелились на налаживание прочных связей между этническими венграми и Будапештом, проживаемые на территории стран Карпатского бассейна. Они стали уделять больше внимания языковой и этнической политике соседних государств по отношению к этническим венграм в Трансильвании, Южной Словакии, Закарпатья, Воеводине, Бургенланде, Хорватии и Словении.

Где-то политика венгерских националистов принесла свои плоды: Сербия, следуя европейским нормам права, пошла на уступки этническим венграм в Воеводине, предоставив им лингвистическую автономию. В

Австрии, Хорватии и Словении венгерский язык имеет статус, близкий к региональному, а этнические венгры интегрированы в местные сообщества и являются полноправными гражданами этих стран. В то же время власти Словакии и Румынии с опаской смотрят на деятельность венгерских националистов и стараются ей препятствовать, поскольку они видят в ней угрозу своей территориальной целостности. Однако наиболее плачевная ситуация с этническими венграми – в Закарпатье, входящая в состав Украины. Местные неонацисты, подкармливаемые Киевом, не скрывают своего отношения к ним: запугивание и насильственный призыв в украинскую армию карпатских венгров для последующей отправки в зону АТО сегодня является обыденностью в регионе. Виктор Орбан, премьер-министр Венгрии, придерживающийся националистических взглядов, не раз возмущался действиями бандеровцев, но все заявления остались без ответа. Логично подвести, что в Украине, Словакии и Румынии не может быть и речи о предоставлении этническим венграм лингвистической автономии. По крайней мере, сейчас.

В 1995 году в ЕС была подписана рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Она требовала от стран-участников ЕС прекращения негативной дискриминации национальных меньшинств и предоставления им прав и свобод, в том числе в лингвистическом отношении. Сербия больше всех преуспела в создании культурной и лингвистической автономии для этнических венгров, хотя и не входит в состав ЕС, в то время как Румыния и Словакия с этим не торопятся, подписав при этом конвенцию. А в Украине позитивных сдвигов по отношению к закарпатским венграм не будет еще долго.

Несмотря на то, что до полного решения этнического вопроса еще далеко, со времени окончания Первой мировой войны и подписания Трианонского договора был проделан огромный путь к признанию венгров полноправными членами европейского сообщества. Лингвистическая политика со стороны венгерских националистов и рамочная конвенция о защите национальных меньшинств от 1995 года внесли огромный вклад в интеграцию венгров в европейское сообщество [1].

Вывод. Национальный язык стал мощным орудием в руках венгерских националистов, с помощью которого они оказывали решающее влияние на судьбу венгерской нации. Каждый раз, когда венгерский этнос сталкивался с трудностями, лингвистическая традиция, успешно изобретенная венгерскими националистами, становилась реакцией на негативные для Венгрии политические изменения. Венгерский язык стал не столько лингвистической традицией, сколько созданным национальным

и политическим мифом, которым венгерские националисты оказывали воздействие на умы венгров.

Биографический список

1. László Marác. "Empowering Hungarian Ethno-Linguistic Minorities in Central- and Eastern Europe", *Belvedere Meridionale* Vol. 28. – No. 1 – P. 21-37, 2016
2. Häkkinen Ville, "From Counterrevolution to Consolidation?", 2019 Marta Pinter, "Hungarian-Irish parallels: national language in 19-th-century Hungary and Ireland", *Bulletin of the Transilvania University of Brasov/ Series IV: Philology and Cultural Studies*, Vol. 5 (54) No.2 - 2012, 2012
3. Susan Gal, "Linguistic theories and national images in 19th century Hungary", *Pragmatics* Vol. 5. – No 2. – P. 155-166, 2009
4. Alice Freifeld, "The de-germanization of the Budapest stage", 2011
5. Alaattin Oguz, "The interplay between Turkish and Hungarian nationalism: Ottoman Pan-Turkism and Hungarian Turanism (1890-1918)", 2005
6. M. V. Kyrchnov, "*Ugor-Torok Haboru* as Invented Intellectual Tradition in Hungarian Nationalism", *SPbU Вестник СПбГУ. История*. – 2018. – Т. 63. Вып. 2. – С. 463-478, 2018
7. Martha Lampland, "Death of a hero: Hungarian national identity and the funeral of Lajos Kossuth", Vol. 8. – No. 1 – P. 29-35, 1993

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

В данной статье Россия рассматривается как национальная конструкция универсального «другого». Эта конструкция не является устойчивой. Она зависит от результатов деятельности политиков, международных связей, преемственности поколений. До 1960-х Россия представляла собой противоборствующего «другого». С появлением «Остполитики» Советская Россия была переосмыслена как экономический партнер. Данная концепция стала весьма значимой для Германии, так как, даже не смотря на грузинскую войну 2008 года и кризис на Украине, от которого данная политика временно утратила силу, достаточно изменить структурные условия и повествования об «Остполитике» вспыхнут заново.

Ключевые слова: Германия, Россия, национальная идентичность, грузинская война, кризис на Украине.

In this article, Russia is considered as the national construction of a universal "other". This design is not sustainable. It depends on the results of the activities of politicians, international relations, continuity of generations. Until the 1960s, Russia was a warring "other." With the advent of Ostpolitik, Soviet Russia was rethought as an economic partner. This concept has become very significant for Germany, since even despite the 2008 Georgian war and the crisis in Ukraine, from which this policy temporarily ceased to exist, it is enough to change the structural conditions and narratives about Ostpolitik.

Key words: Germany, Russia, national identity, Georgian war, crisis in Ukraine.

Германия широко рассматривается в качестве ключевого игрока в европейской политике. Многочисленные аналитики утверждают, что в последние несколько лет Германия все больше формирует внешнюю политику Европейского Союза[33]. Это особенно верно в отношении взаимодействия ЕС с Россией, когда немецкие политики выстраивали национальную политику по отношению к России в повестку дня ЕС и играли ведущую роль в координации реакции Союза на российскую политику в Украине в 2014–2015 годах[9,38,47]. Таким образом, анализ внешней политики Германии необходим для понимания текущих событий в европейской внешней политике и политике безопасности.

Ученые утверждают, что внешняя политика Германии основывалась на относительно стабильном наборе принципов после окончания Второй мировой войны, включая нежелание применять силу для разрешения международных споров, поддержку европейской интеграции, трансатлантический альянс с США, и политика сотрудничества с Россией[2,4,52]. Ученые-социалисты-конструктивисты тщательно проанализировали связь послевоенной национальной идентичности Германии и внешней политики. Например, они раскрыли, как опыт геноцида Третьего рейха укоренился в немецкой идентичности, что привело к формированию тихоокеанской культуры

безопасности, примирению с врагами военного времени и поиску сотрудничества на европейском уровне[2,4,52]. Однако меньше внимания уделяется эволюции послевоенной идентичности и ее связи с международными структурами. В какой степени доминирующие нарративы и восприятие внешних действующих лиц (а именно, германские «другие») со временем изменились? Каковы движущие силы преемственности и перемен?

Исследование этих процессов важно, потому что, как утверждали предыдущие ученые[41,51] дихотомия между «я» и «другим» лежит в основе конфликтов в политике и международных отношениях. Статья способствует научной дискуссии, показывая посредством диахронического анализа немецких взглядов на Россию, как можно преодолеть конфликт и допустить более позитивные формы иного влияния. Как показано в статье, позитивные формы иноземности долговечны, если они укоренились в национальной идентичности.

В данной статье рассматривается Россия с точки зрения долгосрочной перспективы Германии, а также период между российско-грузинской войной 2008 года и кризисом в Украине 2014. Мною было замечено, что преемственность и изменения в немецких внешнеполитических дискурсах во многом зависят от оспаривания среди лиц, принимающих решения, которые выступают за различные повествования о русском Другом. Это оспаривание пронизано глубоко укоренившимися нарративными повествованиями и под влиянием событий во внутренней политике, потрясений в международных структурах и агентства внешних политиков. Политики являются основными поставщиками и агентами национальной идентичности. Национальная идентичность действует как когнитивная структура, с помощью которой они интерпретируют мир и формулируют ответные меры политики[31,36]. Хотя национальная идентичность ограничивает их варианты политики, ее сложность и сосуществование конкурирующих нарративов в ней допускают некоторую гибкость в ответных мерах политики. Другими словами, разработчики политики могут принять конкретное повествование об идентичности (а не конкурирующее) в ответ на международные события или для выполнения определенной политической повестки дня.

Опираясь на вторичную литературу и первичный анализ выступления лидеров внешней политики Германии во время конфликта в Грузии в августе 2008 года и кризиса на Украине в 2014-2015 годах, можно сделать вывод, что существует два конкурирующих дискурса идентичности в отношении России: «Остполитика», определяющая ее как партнера и другая- отрицательная, указывающая на Россию, как на потенциального «другого». Изменения в построении «другого» происходят благодаря тому, что один дискурс становится более заметным по сравнению с другим в политической борьбе; однако конкурирующее повествование не исчезает из дискурсивной

среды. Следовательно, я утверждаю, что кризис в Украине не положил конец Остполитике, которая готова всплыть, как только структурные условия изменятся

Анализ национальной идентичности и построение «другого»

Национальная идентичность сложна, податлива и оспариваема. Сложность обусловлена наличием конкурирующих дискурсов национальной идентичности в национальном сообществе и их взаимодействием с классовыми, религиозными, местными и наднациональными идентичностями[37]. Национальные идентичности являются податливыми, потому что они изменяются со временем в результате их внутреннего оспаривания и внешнего влияния. Изменения происходят постепенно; Основные составляющие, такие как основополагающие мифы нации и культурные ориентиры (особенно в литературе, искусстве и музыке), относительно стабильны. Однако могут произойти внезапные изменения в дискурсах национальной идентичности, особенно когда исторические события навязывают нации пересмотр ее ценностей и интересов.

Общественные группы, борющиеся за политическую власть, являются основными действующими лицами в оспаривании национальной идентичности. Каждый пытается навязать свое собственное повествование как доминирующее, тем самым стимулируя изменение идентичности. Добившись власти, общественная группа превращает свое повествование в официальное, чтобы укрепить и узаконить свое положение[27]. Национальная идентичность является особенно мощным политическим инструментом, поскольку она способствует однородности в сообществе, преодолевая классовые и местные различия и преодолевая различия в званиях, происхождении, профессии. Поэтому он является функциональным для создания прочной связи между политическими лидерами и простыми гражданами, а также между различными слоями населения[3].

Национальная идентичность определяет интересы государства на международной арене в зависимости от того, как воспринимаются другие субъекты[51]. На такое восприятие оказывает глубокое влияние историческое взаимодействие между государством и его «другими», а именно субъектами в международной среде, которые нация (или Самость) считает отличной или противоположной. Актер, который играл роль «другого» в течение длительного исторического периода, становится интернализированным как таковой в официальном дискурсе памяти страны. Как утверждал[36], культурная ассимиляция, преданность общим ценностям и сотрудничество позволяют преодолеть дихотомию между «я» и «другим».

Россия была условно принята как «другой» в официальной памяти нескольких европейских государств, включая Германию[41,42]. В этой статье

построение национальной идентичности и ее взаимосвязь с внешнеполитическими нарративами, касающимися России, рассматриваются через интерпретирующую конструктивистскую структуру. Это отношение лучше всего рассматривать как взаимодействие дискурсивных образований, а не как причинную конкатенацию переменных. Связь между национальной идентичностью и внешнеполитическими дискурсами является диалектической и взаимно конституционной[44]. Внешнеполитические дискурсы отражают и в свою очередь составляют сущность национальной идентичности. Кроме того, на национальную идентичность влияют международные структуры и преследование в них национальных интересов[34].

Лица, принимающие решения, а именно их способность действовать и влиять на доминирующие дискурсы и политику, занимают центральное место в этом анализе. Хотя национальная идентичность направляет и ограничивает выбор лиц, принимающих решения, они могут выборочно и инструментально использовать конкретные дискурсы идентичности для достижения конкретных целей внешней политики. Например, лица, принимающие решения, которые намерены укреплять экономические отношения с Россией, будут делать упор на рассказы, изображающие ее как хорошего и надежного партнера. И наоборот, политики, которые выступают против партнерства с Россией или пытаются укрепить внутренний консенсус путем создания негативных внешних «других», скорее будут подчеркивать дискурс идентичности, изображая его угрожающим и ненадежным. Подчеркивая либо повествование, политики определяют изменения в восприятии русского «другого» и, следовательно, внешней политики Германии в отношении России. Таким образом, изменение идентичности осуществляется агентством политиков и его взаимодействием с внутренней политикой и международными структурами.

Чтобы понять происхождение и постоянство современных немецких рассказов о России, доминирующие немецкие конструкции Русского «другого» сначала исследуются в долгосрочной перспективе. Этот подход подчеркивает, когда и как развивались немецкие нарративы России в прошлом, тем самым закладывая основу для последующего исследования дискурсивных изменений между российско-грузинской войной 2008 года и украинским кризисом в 2014–2015 годах. В то время как изучение исторических конструкций Русского «другого» может опираться на обширную литературу по данной теме, изучение дискурсов в период между 2008 и 2014 годами основано на первичном анализе.

Из-за своей институциональной позиции, авторитетности и доступа к СМИ канцлер и министр иностранных дел являются основными агентами германской внешней политики; следовательно, исследование сосредоточено в основном на их дискурсах. В 2008 и 2014 годах Ангела Меркель была канцлером, а Франк-Вальтер Штайнмайер - министром иностранных дел. Упомянуты

также основные соответствующие дебаты в Бундестаге, чтобы кратко проиллюстрировать различные взгляды на Россию в рамках внутриполитической борьбы. Чтобы иметь более полную картину всей современной немецкой национальной идентичности и нарративов внешней политики, необходимо было бы также исследовать более широкие политические и общественные дискурсы[28]. Однако охват всего национального дискурсивного пространства практически невозможен, и предвзятость в отношении выбранной категории субъектов неизбежна. В рамках этих ограничений выбор концентрации внимания на дискурсах ведущих государственных чиновников мотивируется наблюдением, что с помощью своих средств массовой информации и дискурсивной власти они управляют соответствующими общественными дебатами и в значительной степени определяют когнитивные структуры, в которых спорят [50] другие люди.

Меняющаяся историческая конструкция России в немецкой идентичности

В течение 19 и 20 веков Россия была значительным «другим» в построении немецкой идентичности. Немецкое восприятие России было преимущественно негативным, подчеркивая ее предполагаемую социальную и экономическую отсталость и угрожая военной мощи. В значительной части официальных выступлений Германии подчеркивалась необходимость совместного подхода к России, которая учитывала бы ее стратегическое значение для Германии и на международной арене. С конца 1960-х годов эти дискурсы поддерживали совместную западногерманскую внешнеполитическую позицию по отношению к Советскому Союзу, которую обычно называют «Ostpolitik», Термин буквально означает «восточная политика», но он приобрел более конкретное значение в контексте разрядки «холодной войны» в конце 1960-х и 1970-х годов. В этот период западногерманская Ostpolitik установила традицию сердечных двусторонних контактов, которая остается важным элементом политики объединенной Германии в отношении России.

После большевистской революции политические дискурсы переплелись с расовыми. Большинство представителей немецкой элиты и среднего класса связывали большевизм с еврейскими комиссарами и дикими славянами, которые стремились совершить жестокие преступления и поработить Европу. Тем не менее, временное сотрудничество с Советским Союзом имело место (воплощено в Рапаллинском договоре 1922 года и пакте Молотова-Риббентропа в 1939 году), направленное на разрушение международного порядка, который не понравился как советским, так и германским лидерам. После прихода к власти Гитлера расистские и антибольшевистские нарративы стали вездесущими. С самого начала войны с Советским Союзом (июнь 1941 г.) нацистский режим непрерывно распространял пропаганду, в

которой русские и другие народы Советского Союза назывались недочеловеками (унтерменшен).

Элементы этого повествования пережили Третий Рейх и повлияли на немецкие взгляды на Россию в первые послевоенные годы. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр полагал, что Советский Союз представлял «культуру самой отсталой части Азии»[40]. В 1950-х годах Советский Союз был главным «другим», против которого была построена западногерманская идентичность. Послевоенное разделение Германии и Берлина и присутствие советских войск на немецкой земле способствовали созданию западногерманской конструкции Советского Союза как угрозы. Поскольку Западная Германия преследовала трансатлантическую интеграцию и оставила позади историческую вражду с Францией и Великобританией, Советский Союз и его спутники считались главными врагами[46].

Конкурирующие сюжеты появились в 1960-х годах, когда в дебатах в Западной Германии основное внимание уделялось преступлениям нацистов[39]. Немецкая коллективная идентичность была пересмотрена в противовес геноцидному прошлому страны, которое, таким образом, стало главным «другим» в национальной идентичности. Большая часть нацистских преступлений была совершена в Восточной Европе и Советском Союзе. Растущее осознание этого заставило немецких лидеров искать примирения со своими восточными соседями. Агентство немецких лидеров, в частности канцлера социал-демократов Вилли Брандта, внесло свой вклад в переосмысление «русского другого» в германской идентичности и внешней политике. Таким образом, изменение нарративов идентичности произошло в результате деятельности агентства, определяющего политику, на которое, в свою очередь, повлияли ключевые внутренние дебаты и стремление изменить международную структуру конфронтации между Востоком и Западом.

Брандт объединил стремление к историческому примирению с достижением экономических и стратегических целей. Его Ostpolitik расширил торговые обмены между Западной Германией и Восточным блоком и привел к серии договоров, подписанных между 1970 и 1973 годами, которые улучшили дипломатические отношения между Бонном, Советским Союзом и другими странами Восточного блока[11]. Поколение Брандта в бывшем Варшавском гетто в 1970 году стало воплощением переформулировки западногерманской идентичности вокруг идеи исторической ответственности за преступления нацистов в Восточной Европе. Остполитика была отражением этого переосмысления во внешней политике.

Негативные разговоры о России не исчезли среди западногерманской политической элиты. Однако Советский Союз больше не воспринимался как бескомпромиссный враг; образ мирного соседа, который мог бы стать

экономическим партнером, набирал силу[45,1]. Остполитик Брандта был в конечном итоге одобрен всеми политическими силами. Лидеры консервативной оппозиции не изменили курс, когда они победили на выборах и стали правящим большинством в 1980-х годах. Дальнейший позитивный поворот в немецких беседах о Советском Союзе произошел в конце 1980-х годов, когда Михаил Горбачев сыграл важную роль в прекращении холодной войны и дал согласие на воссоединение Германии. Западногерманские лидеры гордились тем, что утверждали, что мирные преобразования в Восточной Европе произошли также в результате совместной Остполитики с Советским Союзом. В эйфории воссоединения повествование о России как о угрожающем «другом» утратило господство[35].

Национальная идентичность в объединенной Германии была основана на историческом осознании геноцидных преступлений Германии и агрессивных войн в 20-м веке. Это было отражено в культуре мирной безопасности страны (особенно нежелание участвовать в военных операциях за пределами национальных границ), сильном предпочтении дипломатии как средства разрешения международных споров и ориентации на европейскую интеграцию[2,4,52]. В этих рамках официальные повествования превратили Россию в демократизирующуюся страну и в партнера по экономике и безопасности.

В годы после «холодной войны» эта точка зрения была оспорена внутренними событиями в России, в частности, бомбежками российского парламента в 1993 году, войнами в Чечне, финансовым кризисом 1998 года и ухудшением прав человека и верховенства закона[35]. Тем не менее, восстановление экономики России в 2000-х годах породило новые надежды в немецких официальных кругах. Президент России Владимир Путин пользовался поддержкой и личной дружбой канцлера Герхарда Шредера. Немецкие политики увековечили традиционный подход *Ostpolitik*, утверждая, что политическое сотрудничество и экономическое партнерство будут выгодны для обеих стран.

Тем не менее, Россия остается раскольнической темой в германской политике и обществе, и дебаты становятся все более спорными после кризиса Украины. Главная линия разлома - это линия между Руссланд-Критикер и Руссланд-Верстехер. «Руссланд-Критикер» занимает более критическую позицию по отношению к авторитарным событиям в России и агрессивной внешней политике. Среди них, в частности, члены Зеленых и Христианско-демократических партий, сторонники трансатлантической ориентации Германии и либеральные интеллектуалы. В определенной степени их позиция напоминает позицию немецких либералов по отношению к царской империи в 19 веке. «Русслан-Вестихер» возможно, более разнообразная

группа. Они включают в себя социал-демократических наследников Вилли Брандта, которые пытались применить его концепцию *Ostpolitik* к отношениям с постсоветской Россией, крупными бизнес-группами (особенно *Ost-Ausschuss der Deutschen Wirtschaft*) и другими интеллектуалами. Тем не менее, в их рядах есть также политики, которые критикуют политику США и Запада в отношении России (в основном со стороны левой партии) или сочувствуют российскому истеблишменту и консервативным ценностям, которые он защищает (в основном из правых). Альтернатива для Германии и Христианского социального союза[9]. В то время как все эти участники внесли свой вклад в дебаты по России в следующих тематических исследованиях, лидеры христианских демократов и социал-демократов были наиболее влиятельными во внешней политике, поскольку они занимали посты канцлера и министра иностранных дел как в 2008, так и в 2014–2015 годах.

Немецкие дискурсы о России и русско-грузинской войне

С середины 2000-х годов выступления немецких внешнеполитических ведомств по России проходили на фоне ухудшения отношений Организации Североатлантического договора (НАТО) с Россией и ЕС. В связи с этим, немецкие лидеры пытались противостоять негативной тенденции в отношениях с Россией и искать диалог с Москвой. Доминирующий дискурс безопасности Германии в этот период подчеркивал, что Россия была ключевым игроком на международной арене и, следовательно, незаменимым партнером для европейской безопасности. Немецкие политики попытались разоблачить сравнения между Советским Союзом и Россией как исторические анахронизмы. Их позиция отражала давние представления Германии о России как о существенном факторе европейской безопасности.

До российско-грузинского конфликта Штайнмайер утверждал, что внешняя политика Германии «направлена на объединение Европы, поддержание трансатлантического партнерства и стратегического партнерства с Россией»[16]. Знаменательно, что он сопоставил стратегическое партнерство с Россией с партнерством с США, тем самым подразумевая, что оно не менее важно. Аналогичным образом, в своей речи в Екатеринбургском университете в мае 2008 года Штайнмайер утверждал, что Россия «является и остается незаменимым партнером для Германии и ЕС, в том числе для формирования мира завтрашнего дня»[17]. Его взгляды были поддержаны канцлером Ангелой Меркель, которая неоднократно подчеркивала, что Россия является значимым партнером. Что наиболее важно, она сделала это на саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года, где отношения с Москвой по вопросу членства в НАТО для Грузии и Украины были очень спорным вопросом среди стран-членов. Вместе со своими французскими коллегами немецким лидерам удалось

отложить решение о вступлении Грузии и Украины в организацию, заявив, что это позволит сохранить хорошие отношения с Россией[10].

В контексте российско-грузинской войны возникла более критическая немецкая официальная дискуссия как ответ как на военные действия России в Грузии, так и на последующие внутривнутриполитические дебаты в Германии. В немецком парламенте критика России была высказана, в частности, членами Партии зеленых (Юрген Триттин и Мариелуиз Бек) и некоторыми правоцентристскими парламентариями[17]. Однако эта критика была осторожной (Россия не рассматривалась как единственный виновник кризиса), и ей противостояло доминирующее повествование, сформулированное социал-христианскими демократами (и, в более радикальном и пророссийском тоне, Левой партией).), которая выступала за дипломатию и диалог с Россией.

Меркель и Штайнмайер подвергли критике применение Россией силы. 15 августа 2008 года во время встречи с президентом России Дмитрием Медведевым Меркель определила военную интервенцию России как «частично непропорциональную» и заявила, что территориальная целостность Грузии является предварительным условием разрешения конфликта[48]. Во время своего визита в Тбилиси через 2 дня канцлер потребовала вывода российских войск с территории Грузии[14]. Аргументы Меркель были отражены более резким тоном в интервью Штайнмайера ежедневной газете Die Welt 17 августа: Территориальная целостность Грузии остается основой нашей политики. В ходе наших переговоров с российской стороной мы четко заявили, что, бомбардировав и отправив войска в ядро грузинской территории, они перешли красную черту[17].

Следуя теоретическим заявлениям, высказанным ранее, эту позицию можно интерпретировать как отражение основных составляющих элементов немецкой национальной идентичности во внешнеполитических дискурсах: отказ от войны как средства разрешения споров и уважение международного права[5]. Действия России в Грузии были восприняты как нарушение этих принципов, что заставило немецких лидеров сделать более критические замечания. Следовательно, когда Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, Меркель осудила это решение как «совершенно неприемлемое и противоречащее международному праву»[13]. Однако, несмотря на эти редкие пики напряженности, дискурсы Германии во время конфликта были в основном сбалансированными и никогда не принимали антироссийского тона. Штайнмайер заявил, что у конфликта есть корни, уходящие далеко в прошлое, и «мы должны основывать свои оценки на том факте, что нападению Грузии на Цхинвали предшествовали дни взаимных провокаций между грузинами и южными осетинами»[18]. Такое толкование событий было функциональным для агентства немецких политиков, которое в первую очередь

стремилось ослабить напряженность в отношениях с Россией и вернуться за стол переговоров.

15 августа, в то время как российские войска до сих пор работают на бесспорной грузинской территории, Меркель и Медведев согласились, что диалог по безопасности между Россией и Западом следует продолжать[48]. Штайнмайер высказался против приостановления сотрудничества с Россией на уровне ЕС и в Совете Россия-НАТО[17]. В сентябре 2008 года он полностью вернулся к своей довоенной беседе, подчеркнув необходимость партнерства с Россией «для формирования европейского порядка в области безопасности и мира и для решения глобальных вызовов»[19]. Глубоко укоренившиеся германские конструкции России как ключевого партнера в европейской безопасности помогают понять настойчивость Меркель и Штайнмайера в привлечении российских лидеров для достижения урегулирования кризиса путем переговоров.

Заявления Штайнмайера в пользу сотрудничества с Россией часто сопровождались решительным неприятием дискурса современных СМИ о новой холодной войне. Вскоре после окончания российских военных операций в Грузии он заявил следующее: Я не понимаю, что побуждает некоторых делать легкомысленные сравнения с историческими ситуациями, такими как Мюнхен 1938 или Сараево 1914. Ясно, что наши конфликты больше не руководствуются системными различиями и идеологиями[18].

Штайнмайер использовал дискурсивную стратегию перспективизации[53], чтобы выразить свое решительное неприятие предполагаемых аналогий между августовским кризисом 2008 года и некоторыми из самых трагических событий современной европейской истории. В августе 2008 года такие аналогии были сделаны некоторыми комментаторами и международными лидерами и нашли резонанс в средствах массовой информации[29]. Кроме того, Штайнмайер подчеркнул различия между германской и европейской безопасностью в 2008 году и во время холодной войны: «Все те, кто безрассудно говорит о новой холодной войне сегодня, похоже, забывают, что такое Берлинская стена и колючая проволока, идеологическое соперничество и ядерное оружие»[16].

Кризис на Украине: конец остполитики?

Прошло немногим более 5 лет между российско-грузинской войной и украинским кризисом. Тем не менее, этот период был богат событиями, которые бросили вызов дискурсу «Восточная политика» и построению России как партнера в немецких официальных повествованиях. Неумелое руководство российскими парламентскими и президентскими выборами в 2011–2012 годах, подавление протестов после выборов и принятие законодательства, ограничивающего гражданское общество и личные свободы, поставили под сомнение мнение о том, что Россия находится на пути

демократизации[12]. Аннексия Крыма Россией и поддержка сепаратистов на Донбассе усугубили ухудшение ее отношений с Западом.

В этом контексте лидеры внешней политики Германии отреагировали иначе и более критично, чем во время конфликта 2008 года. Они утверждали, что Россия была главным виновником эскалации кризиса. Выступая перед парламентом Германии, Меркель заявила, что «действия России на Украине, несомненно, представляют собой нарушение основополагающих принципов международного права»[15]. Точно так же Штайнмайер подчеркнул, что Россия «поставила под сомнение один из основополагающих принципов мирного порядка в Европе: нерушимость границ»[23]. После первоначальной попытки разрешить кризис путем переговоров немецкие лидеры координировали введение санкций ЕС против России, утверждая, что экономическое партнерство не может продолжаться из-за действий России на Украине[47]. Штайнмайер, обычно сторонник сотрудничества с Россией, публично заявлял, что такие действия «ставят под сомнение фундаментальные условия мирного сосуществования в Европе»[22].

Ответ немецких лидеров на украинский кризис можно понять в рамках послевоенной национальной идентичности Германии. Россия использовала военную силу в явном нарушении международного права, чтобы помешать третьей стране установить более тесные отношения с ЕС; это противоречило культуре мирной безопасности Германии и поддержке европейской интеграции. Российская интервенция в Украине пробудила коллективные воспоминания об исторических событиях, на которых построена нынешняя немецкая идентичность, в частности, о двух мировых войнах и разделении Германии во время холодной войны. Это проявляется, например, в утверждении Меркель в немецком парламенте о том, что украинский конфликт «связан со сферами влияния и территориальными претензиями, такими как те, которые мы знаем с 19-го и 20-го века, но думали, что оставили позади нас»[15].

Это заявление предполагает, что в качестве реакции на международную динамику (вмешательство России в Украину) некоторые ключевые составляющие германской идентичности (особенно ее мирная культура безопасности) вступили в конфликт с нарративом «Остполитики» и в конечном итоге одержали верх над ним в борьбе за дискурсивное доминирование. Эти разработки подтверждают теоретические аргументы, приведенные в статье. Международные события повлияли на внутреннее оспаривание различных рассказов немецкой идентичности. В свою очередь, исход этого оспаривания повлиял на внешнеполитические дискурсы по России.

Тем не менее, тщательный анализ официальных выступлений Германии показывает, что повествование об Остполитике продолжало играть свою роль и

вновь обрело влияние, когда военный конфликт в Украине обострился, особенно среди социал-демократических лидеров[9]. В декабре 2014 года во время официального визита в Россию Штайнмайер высказался за «более тесный диалог между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом с целью более эффективного использования нашего совместного экономического потенциала»; он также заявил, что «в Европе может быть прочная безопасность только с Россией, а не против России»[23]. Более того, как Меркель, так и Штайнмайер, похоже, стремились к примирению прошлых конфликтов с Россией, несмотря на напряженность вокруг украинского кризиса. Хотя она не присутствовала на традиционном военном параде, Меркель была одним из немногих западных лидеров, которые приехали в Москву, чтобы отпраздновать 70-летие окончания Второй мировой войны. Штайнмайер присутствовал на празднованиях в российском городе Волгограде и похвалил ветеранов за их вклад в «освобождение Европы от нацистской диктатуры»[24].

В течение 2015 года немецкие лидеры поддерживали возобновление совместных энергетических проектов с участием немецкого и российского бизнеса, в частности, строительство трубопровода Nord Stream-2[47]. Такое отношение было воплощено в заявлениях вице-канцлера и министра экономики и энергетики Германии Сигмара Габриэля во время официального визита Путина в Москву в октябре 2015 года. Габриэль призвал к «новым способам возобновления сотрудничества, особенно между Германией и Россией». Более того, он утверждал, что существуют «различные возможности» для дальнейшего развития германо-российских экономических отношений «несмотря на существующие политические проблемы»; он также подчеркнул, что проект «Северный поток-2» должен быть реализован, несмотря на возражения официальных лиц ЕС и некоторых стран-членов[43].

Важно отметить, что экономическое и энергетическое сотрудничество были важными компонентами восточной политики Германии (на западе) как во время холодной войны, так и в первые два десятилетия после окончания холодной войны. Тот факт, что официальный дискурс, отстаивающий их, снова стал заметным, как только кризис в Украине стал обостряться, свидетельствует о том, что нарратив «Восточная политика» и концептуализация России как экономического партнера глубоко укоренились в немецкой идентичности и внешней политике. Немецкие чиновники, возможно, подвергли сомнению эти взгляды после вмешательства России в Украину, но, похоже, не отказались от них. Выносимость Остполитики о построении России как экономического партнера объясняется также той легкостью, с которой немецкие лидеры вне времен высокой политической напряженности могут примирить их с другими ключевыми составляющими немецкой идентичности. Сотрудничество с Россией

можно развивать в гармонии с мирной культурой безопасности и чувством исторической ответственности за прошлые преступления Германии в Советском Союзе.

Таким образом, в немецкой идентичности до сих пор не произошло фундаментальной реконцептуализации русского «иного». Во внутриполитических дебатах взгляды на Россию по-прежнему оспариваются между «Руссланд-Критикер» и «Руссланд-Верстехер». Нынешние правительственные лидеры Германии, особенно социал-демократы, сохраняют надежду на то, чтобы в конечном итоге восстановить экономические отношения и отношения в сфере безопасности с Москвой. Критические разговоры о России связаны в основном с мирной и нормативной культурой безопасности Германии в контексте украинского кризиса, а не с негативным влиянием России.

Вывод

Хотя верно то, что национальная идентичность имеет тенденцию формироваться по отношению к внешним субъектам, эти отношения не всегда являются оппозиционными. Это было продемонстрировано на основе анализа немецких рассуждений о России. Анализ подчеркнул, что Россия была построена главным образом как отрицательный «другой» в немецкой идентичности для большей части современной истории страны. Однако с конца 1960-х годов конкурирующий официальный дискурс изображал Советский Союз в качестве экономического партнера. Это повествование стало доминирующим в немецких официальных кругах, и после окончания холодной войны Россия была переосмыслена как демократизирующаяся страна и ключевой партнер европейской безопасности.

В статье исследуются факторы преемственности и изменения в построении национального «иного». Также утверждается, что изменение (или преемственность) является результатом многочисленных факторов, в частности, развития внутренних дебатов, агентства политиков и взаимодействия с международными структурами. В случае Германии внутренние дебаты о преступлениях Третьего рейха в Восточной Европе привели к переосмыслению немецкой идентичности вокруг идеи исторической ответственности за такие преступления. Это побудило немецких политиков искать примирения со странами Восточной Европы и, в частности, с Советским Союзом, который воспринимался как главный политический собеседник Германии и худшая жертва нацистских преступлений.

В статье также анализируется, как Остполитика взаимодействовала с некоторыми из последних вызовов, в частности с российскими военными интервенциями в Грузии в 2008 году и на Украине в 2014 году. Российско-грузинский военный конфликт не оказал существенного влияния на официальные германские конструкции России. С другой стороны, немецкие

лидеры воспринимали российскую аннексию Крыма и военные действия на востоке Украины как гораздо более глубокий шок. Следовательно, они были более откровенны в своей критике и поддержали введение санкций ЕС против Москвы. Российская военная интервенция в Украине, в явном нарушении международного права, противоречила мирной культуре безопасности Германии, дипломатическому подходу к разрешению международных споров и поддержке европейской интеграции - все это являются ключевыми составляющими современной немецкой национальной идентичности. В этих обстоятельствах повествование об остполитике было частично и временно отодвинуто на второй план в официальном дискурсе.

Тем не менее, немецкие лидеры не вернулись к предполитическим повествованиям, в которых Россия изображалась как угрожающая по своей природе, и не переосмыслили ее как негативного «другого». Кроме того, Остполитикдискурс быстро восстановил свое место в официальных дебатах, как только напряженность в Украине, по-видимому, уменьшилась. Во второй половине 2015 года немецкие лидеры стали поддерживать несколько форм экономического сотрудничества, в частности проект «Северный поток-2», как способ улучшения отношений с Россией. Это говорит о том, что даже когда происходят серьезные потрясения в международных структурах, изменения в построении «другого» могут не быть радикальными и внезапными.

Остполитика укоренилась в немецком официальном мышлении, благодаря благоприятной внутренней и международной связи. Хотя вполне возможно, что дискурс «Восточная политика» в конечном итоге потеряет свое место в немецких внешнеполитических повествованиях, этот анализ показал, что он до сих пор был примечателен своей стойкостью.

Биографический список

1. Альберт, Р. (1995) Das Sowjetunion-Bild in der sozialliberalen Ostpolitik 1969–1975 . Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte 24: 299 - 326 .
2. Banchoff, T (1999) Немецкая идентичность и европейская интеграция . Европейский журнал международных отношений 5 (3): 259 - 289 .
3. Беннер, Е (2001) Есть ли основная национальная доктрина? Нации и национализм 7 (2): 155 - 174 .
4. Бергер С. (1997). Поиск нормальности: национальная идентичность и историческое сознание в Германии с 1800 года. Оксфорд : Бергхан .
5. Бергер, т. (1996) Нормы, личность и национальная безопасность в Германии и Японии . В: Каценштейн, Р (ред.) Культура национальной безопасности: нормы и идентичность в мировой политике. Нью-Йорк : издательство Колумбийского университета , стр. 317 - 356 .
6. Bjola, C, Kornprobst, M (2007) Сообщества безопасности и привычка сдержанности: Германия и США по Ираку . Обзор международных исследований 33 (2): 285 - 305 .

7. Checkel, J (2006) Конструктивизм и политика ЕС . В кн .: Йоргенсен К.Э., Поллак М., Розамонд Б. Руководство по политике Европейского Союза. Лондон : SAGE Publishing , с. 57 - 76 .
8. Де Кюстин, А (1989) Царская империя: путешествие по вечной России. Окленд, Новая Зеландия : якорные книги .
9. Форсберг, Т (2016) От Остполитика к «Фростполитике»? Меркель, Путин и внешняя политика Германии в отношении России . Международные отношения 92 (1): 21 - 42 .
10. Галлис, Р (2008) Саммит НАТО в Бухаресте, 2008 [онлайн]. Отчет исследовательской службы Конгресса . Доступно по адресу: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RS22847.pdf> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
11. Garton Ash, Т (1993) Во имя Европы: Германия и разделенный континент. Лондон : мыс Джонатан.
12. Гельман, В. (2013) Трещины в стене. Вызовы электоральному авторитаризму в России . Проблемы посткоммунизма 60 (2): 3 - 10.
13. Федеральный канцлер Германии (2008 г.) Пресс-релиз, 26 августа . Доступно по адресу: https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/EN/Archiv17/Reiseberichte/ee-It-merkel-estland_en.html (по состоянию на 25 июля 2017 г.).
14. Федеральный канцлер Германии (2008 б) Пресс-релиз [онлайн]. +17 августа . Доступно по адресу: <https://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Reiseberichte/ge-merkel-tiflis.html> (по состоянию на 25 июля 2017 года).
15. Федеральный канцлер Германии (2014) Выступление Меркель: Бундестаг, 13 марта . Доступно по адресу: https://www.bundesregierung.de/Content/EN/Reden/2014/2014-03-13-regierungserklaerung-ukraine_en.html (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
16. Министерство иностранных дел Германии (2007) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Бундестаг, 21 марта . Доступно по адресу: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2007/070321-Abruestung-Btg.html> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
17. Министерство иностранных дел Германии (2008 г.) Интервью Ф.В. Штайнмайера с Die Welt Am Sonntag, 17 августа , с. 38 - 41 . Доступно по адресу: http://www.bundesregierung.de/Content/DE/PeriodischerBericht/StichworteSicherheitspolitik/2008/2008-09-09-sipo-jul-aug.pdf?__blob=publicationFile (по состоянию на 25 июля 2017 года).
18. Министерство иностранных дел Германии (2008 б) Интервью Ф. В. Штайнмайера с Süddeutsche Zeitung, 27 августа , с. 49 - 53 . Доступно по адресу: http://www.bundesregierung.de/Content/DE/PeriodischerBericht/StichworteSicherheitspolitik/2008/2008-09-09-sipo-jul-aug.pdf?__blob=publicationFile (по состоянию на 25 июля 2017 года).
19. Министерство иностранных дел Германии (2008 с) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Министерство иностранных дел Германии, 8 сентября . Доступно по адресу: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2008/080908-Rede-BM-Boko-Eroeffnung.html> (по состоянию на 26 мая 2008 г.).
20. Министерство иностранных дел Германии (2008 г) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Фонд Хайнца Шварцкопфа, 11 декабря . Доступно по адресу: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2008/081210-schwarzkopf.html> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
21. Министерство иностранных дел Германии (2008 е) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Екатеринбургский университет, 13 мая . Доступно по адресу: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Reden/2008/080513-BM-Russland.html> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
22. Министерство иностранных дел Германии (2014 г.) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Немецкий исторический музей, 9 апреля . Доступно по адресу: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Reden/2014/140409-BM_east_forum.html?nn=582128 (по состоянию на 26 мая 2016 г.).

23. Министерство иностранных дел Германии (2014 б) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Уральский федеральный университет в Екатеринбурге, 9 декабря . Доступно по адресу: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Reden/2014/141209-BM-Jekaterinburg_ENG.html (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
24. Министерство иностранных дел Германии (2015) Выступление Ф. В. Штайнмайера: Волгоград, 7 мая . Доступно по адресу: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Reden/2015/150507_Wolgograd.html (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
25. Парламент Германии (2008) Пленарпротоколл 16/175: Берлин, 17 сентября . Доступно по адресу: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btp/16/16175.pdf> (по состоянию на 9 декабря 2016 года).
26. Парламент Германии (2014) Пленарпротоколл 18/20: Берлин, 13 марта . Доступно по адресу: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18020.pdf> (по состоянию на 10 декабря 2016 г.).
27. Guibernau, M (2004) Энтони Д. Смит о нациях и национальной идентичности: критическая оценка . Нации и национализм 10 (1–2): 125 - 141 .
28. Haas, P (2004) Когда власть слушает правду? Конструктивистский подход к политическому процессу . Журнал европейской публичной политики 11 (4): 569 - 592 .
29. Генрих Х., Танаев К. (2009) Грузия и Россия: противоречивое освещение в СМИ августовской войны . Кавказский обзор международных отношений 3 (3): 244 - 260 .
30. Хопф, Т. (1998) Перспектива конструктивизма в теории международных отношений . Международная безопасность 23 (1): 171 - 200 .
31. Хопф, т. (2002) Социальное конструирование международной политики: идентичности и внешней политики, Москва, 1955 и 1999. Итака, Нью-Йорк : издательство Корнеллского университета .
32. Иссиг, П (2016) В москве странный зеехофер зум Путин-Верстехер . Die Welt [онлайн], 3 февраля . Доступно по адресу: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article151819684/In-Moskau-wird-Seehofer-zum-Putin-Versteher.html> (по состоянию на 10 декабря 2016 года).
33. Яннинг, J (2015) Внешняя политика Германии и ЕС: лидер по умолчанию? [блог]. Доступно по адресу: http://www.ecfr.eu/article/commentary_german_foreign_policy_and_the_eu_leader_by_default420 (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
34. Джепперсон, Р., Вендт, А., Катценштейн, П. (1996) Нормы, идентичность и культура в национальной безопасности . В: Каценштейн, Р (ред.) Культура национальной безопасности: нормы и идентичность в мировой политике. Нью-Йорк : издательство Колумбийского университета , стр. 33 - 78 .
35. Krumm, R (2012) Возвышение реализма: восприятие Германии России от Горбачева до Медведева . В: Крумм Р., Шредер Г., Медведев С. (ред.) Построение идентичностей в Европе: взгляды Германии и России. Баден-Баден : Номос , с. 114 - 123 .
36. Лебоу Р.Н. (2008) Культурная теория международных отношений. Кембридж : издательство Кембриджского университета .
37. Миллер, Д. (1997) О гражданстве. Оксфорд : издательство Оксфордского университета .
38. Mischke, J, Umland, A (2014) Новые Остполитика Германии [онлайн]. Иностранные дела. Доступно по адресу: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/2014-04-09/germanys-new-ostpolitik> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
39. Moeller, R (2003) Военные истории: поиск полезного прошлого в Федеративной Республике Германии. Беркли, Калифорния : Университет Калифорнии Пресс .
40. Moeller, R (1993) Защита материнства: женщины и семья в политике послевоенного Запада. Беркли, Калифорния : Университет Калифорнии Пресс .

41. Морозов В., Румелили Б. (2012) Внешняя конституция европейской идентичности: Россия и Турция как европейцы . Сотрудничество и конфликт 47 (1): 28 - 48 .
42. Нейман, я, Медведев, S (2012) Проблемы идентичности в отношениях ЕС и России . В: Крумм Р., Шредер Г., Медведев С. (ред.) Построение идентичностей в Европе: взгляды Германии и России. Баден-Баден : Номос , стр. 9 - 29 .
43. Президент России (2015) Встреча с вице-канцлером и министром экономики и энергетики ФРГ Зигмаром Габриэлем [онлайн]. Президент России, 28 октября . Доступно по адресу: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50582> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
44. Призель, я (1998) Национальная идентичность и внешняя политика: национализм и лидерство в Польше, России и Украине. Кембридж : издательство Кембриджского университета .
45. Шильдт, А. (2003) Исправление заборов: Федеративная Республика Германия и Восточная Европа . В: Мюле, Е (ред.) Германия и европейский Восток в двадцатом веке. Oxford; Нью-Йорк : Берг , с. 153 - 179 .
46. Шредер, Н. (2012) Изображение «странной страны»: эволюция немецкого образа России . В: Крумм Р., Шредер Г., Медведев С. (ред.) Построение идентичностей в Европе: взгляды Германии и России. Баден-Баден : Номос , стр. 97 - 113 .
47. Сидди, М. (2016) Внешняя политика Германии по отношению к России после кризиса на Украине: новая политика? Исследования по Европе и Азии 68 (4): 665 - 677 .
48. Spiegel Online (2008) Георгиен-Крайз: Меркель переименовывается в Medwedew ins Gewissen, 15 августа . Доступно по адресу: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/georgien-krise-merkel-redet-medwedew-ins-gewissen-a-572360.html> (по состоянию на 26 мая 2016 г.).
49. Тенорио, ЕН (2011) Анализ критического дискурса, обзор . Северный журнал изучения английского языка 10 (1): 183 - 210 .
50. Вендт, А. (1999) Социальная теория международной политики. Кембридж : издательство Кембриджского университета .
51. Виттлингер, R (2011) Немецкая национальная идентичность в двадцать первом веке: другая республика в конце концов? Бейзингсток : Палгрейв Макмиллан .
52. Водак Р. (2002) Дискурсивно -исторический подход . В кн .: Водак Р., Мейер М. Методы анализа критического дискурса. Лондон : SAGE Publishing , с. 63 - 94 .

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Автор анализирует проблемы визуализации идентичности и различные формы визуализации идентичности в массовой культуре. Предполагается, что визуализация стало фактором трансформации и формой развития идентичности. В статье показана форма и роль визуализации как фактора содействующего трансформации идентичности в продукт массовой культуры.

Ключевые слова: визуализация, идентичность, потребление, изобретение традиций

The author analyzes the problems of visualization of identity and its various forms in popular culture. It is assumed that visualization has become a factor in transformation and a form of identity development. The article shows the form and role of visualization as a factor contributing to the transformation of identity into a product of mass culture. Keywords: visualization, identity, consumption, invention of traditions

Изначально визуализация была представлена в виде рисунка или в виде политического плаката, которой делался профессиональными художниками, а потом массовое развитие привело к тому, что любой человек может купить фотоаппарат и делать фотографии, даже не читавши инструкции. Визуализация делится на два типа. Высокий стиль - это плакат 19 века, когда он был нарисован и актуализировал различные виды этничности и идентичности. На смену плакату пришел визуальный поворот из фотографий и фотошопа, а фотошоп любую историю может исправить, отредактировать, добавить и удалить. Так же есть маргинальный вариант идентичности и оно пагубно для традиционного общества и для следующих поколений. Он подменяет традиционную систему национализации в рамках своего неформального сообщества.

Один из маргинальных вариантов – это фотографии ЛГБТ. С каждым годом их становится всё больше и больше. Но это течение становится всё более неадекватным. Они придумывают разные течения. Например, асексуалы, аромантисты, грейсексуалы, демисексуалы, пансексуалы, поликсексуалы, куиры, панромантики, литромантики, антисексуалы, андрогиносексуал... и это лишь некоторые. Вариаций тучи и придумывают все новые и новые, любое отклонение, любое предпочтение становится новой ориентацией. Понятие нормы им совершенно неизвестно. Но они везде лезут и требуют, чтобы к этому относились совершенно нормально.

Современное общество – это общество потребления, поэтому актуальным становится вопрос: «Как человек в современном мире может проявить свою идентичность?», который можно рассмотреть с четырёх сторон. Во-первых, с помощью визуализации фотографий, в которых они могут само выражаться. При этом, людям мало просто иметь эти фотографии у себя в

телефонах, они начинают их выкладывать в социальные сети. Для этого стали создаваться дополнительные сайты, так называемые «желтые», с ненормативным уклоном и выражением человеческих обнаженных частей тела. И как не странно по статистике они требуются спросом, а количество находящихся на подобных сайтах составляет 28,3 тысячи человек. Учитывая то, что 70% мужчин и 30% женщин являются постоянными пользователями порнографических порталов, их статистику сложно назвать чем-то заслуживающим пренебрежения, и более того, ни один из других способов изучения общества не способен настолько глубоко проникнуть в сферу, разговоры о которой часто являются табу.

Во-вторых, они визуализируют гендерную идентичность. Какая-нибудь сторонница феминистской критики, напишет, что это протест радикального феминизма против маскулинного традиционного общества. А если это еще напишет и феминистка, которая относится к мусульманской диаспоре – это будет, по ее мнению - секуляризация. С помощью конструктивизма, грубо говоря любое нецензурное слово на заборе можно интерпретировать как творчество. «Я художник, я так вижу» и это будет их аргументом.

В-третьих, все эти фотографии с ненормативным содержанием выкладываются не просто для визуализации своей идентичности, но и для пиара, черного пиара. Ведь лучший способ попасть на экраны телевизоров или стать известным - это с помощью публичного заявления о себе, даже если придется прибегнуть к позору или скандалу. Возьмем банальный пример с Дианой Шурыгиной, благодаря своему поведению, откровенным фотографиям она добилась той популярности, которую преследовала, но долго это не продержится, ей придётся все время выкладывать все больше и больше подобного...

Современное общество охотно использует поисковые системы, такие как: Google, Bing, Yandex, DuckDuckGo, Boardreader, Dogpile, Creative Commons Search, Giphy, Quora, Vimeo, WolframAlpha, StartPage, Ask.com и SlideShare [10]. По статистике если мы введём такой запрос, как «порно», количество результатов будет 197 000 000 (0,27 сек.), в сравнении с «вымирающие животные» 165 000 (0,53 сек.), «глобальное потепление» 3 960 000 (0,34 сек.) и самое банальное «Instagram» 10 600 000 (0,42 сек.). Так же характерная разница «порнофильм» 6 040 000 (0,25 сек.) и «порно» 197 000 000 (0,27 сек.).

В-четвертых, это парадигмы классической культурологии. Это запоздалая попытка конструирования античности в обществе массового потребления. Попытка реставрировать античность. Не политически, а, например, отношение к телу на примере античности, или это визуализация тела на примере античности. Сейчас происходит полная реставрация античности на примере гендера. Семья в традиционном понимании возникает только в средневековье,

до этого подобного понятия не существовало. Для древних римлян и греков пол, скорее всего был как гендер, ибо сейчас всех жителей античности относят к людям с нетрадиционной ориентацией.

Принимая во внимание выше сказанное, можно сделать вывод, что для современного общества характерно стремление к сексуальному самовыражению, определяемому как «проговаривание секса» [9], хотя интерес к нему носит в определённой степени естественный, биологический характер, а гендерно маркированные, эротические образы на грани с порнографическими в той или иной степени были характерны для большинства архаичных крестьянских, аграрных сообществ [1,7,8], традиционных до современных культур европейских наций. Не стоит преуменьшать роль и значение порно в современном мире с его тенденциями к виртуализации культурного продукта. «На одном только PornHub за 2015 год люди просмотрели 4 392 4863 580 часов порнографии – это в 2,5 раза больше, чем Homo sapiens вообще живут на планете» [3] - утверждают некоторые критики, вовлеченные в процесс изучения порно как «удивительно невинного универсального кинематографического жанра» [6] и как части современной культуры. Секс везде и всюду, в кино и в Интернете, в искусстве и в моде [6].

36

Сейчас, слово «порнография» в большинстве случаев, понимается как «символ нашей эпохи, и в моральном и в идеологическом смысле этого слова, имеющей отношение и к плоти человеческой и к тому, за что ее можно купить... Порнография в нашей жизни стала обыденностью, мы видим ее на рекламных щитах, по телевизору, в прессе» [2]. Мы видим лишь ее символическое значение, но не способность ее наделять наше

пространство новыми смыслами и содержанием.

Вполне возможно, что люди выкладывают свои обнажённые фотографии, не с целью продажи или пиара, а для освобождения... «сексуального освобождения». Переступить свои комплексы или же ради новых ощущений. Но сейчас, уже никого этим не удивить. Приведём статистические данные. По приблизительным оценкам, в 2003 году действовало 1.300.000 порно сайтов, за которыми скрывалось 260.000.000 веб-страниц с контентом порнографического характера [5]. И с каждым годом их всё больше и больше.

Можно ли визуализировать идентичность? Если любой человек может надеть костюм, принадлежащий к любой национальности и заявить, что он один

из них. Бывают случаи, например, выходец из негроидной расы родился в другой стране, он понимает, что отличается от них по внешним данным, но его менталитет как у них, он празднует их праздники, носит одежду данной национальности.

Мы так же можем взять одного человека и переодеть его в разные народные костюмы. По фотографиям сложно понять к какой нации принадлежит человек. Поэтому визуализировать идентичность человека крайне сложно и неправильно. Учитывая, что большинство данных фотографий делаются исключительно ради реклам и продаж.

37

Появлялись ли у вас мысли, что все эти матрёшки, балалайки, самовары, вышиванки и прочие атрибуты исконно русской культуры - не торт? Более того, от наблюдения за подобным и разряженными в кокошники людьми появляется резкое чувство испанского стыда? Кто-то скажет, что на чужом лугу трава всегда зеленее и часть людей просто привыкла к своей культуре, опостылела и стала привычной, из-за чего возникла тяга к диковинкам.

Но так ли это? В "исконно русской" (да и не только) культуре есть несколько важных недочётов:

1) Многонациональность

В состав Российской Федерации входит множество самых разных народностей, и для большинства из них все эти расписные ложки и караваи не более чем пустой звук. У них есть свои национальные наряды, праздники, традиции, культура.

Одна из проблем этой самой культуры в том, что она полна стереотипов, никак не связанных с реальностью, но определенным рядом лиц проталкиваемых в сознание масс. А те, кто упорно пытается им следовать, в глазах рядового гражданина зачастую выглядят как ряженные клоуны, ведь с реальной жизнью всё это никак не связано и лишь на словах пришло из какого-то далекого прошлого.

3) Прошлые...

Изначально князь Владимир решил Русь крестить, он считал это хорошей идеей, при этом затоптав самобытную культуру язычества и поставив во главе угла греческую икону с еврейским богом. Затем из-за неоднократных набегов Золотой Орды вносились свои порядки. Большое количество войн с переменным успехом и захватыванием территорий, также отразилось на культурном облике, из-за чего постепенно начало вновь появляться нечто более-менее самобытное, пускай и построенное на чьем-то примере. В XVIII веке Пётр решил всё устроить, по-новому. Не сказать, что нововведения были плохими, даже наоборот, но снова самобытность канула в Лету. А потом пришел Ленин и всех разогнал. В итоге традиционные христианские ценности, уступают неоязычеству.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов определяющих основные векторы и траектории визуализации идентичности: в общество, в потребление. Таким образом, общий вывод заключается в том, что все происходящее в XXI веке было всегда, только раньше люди не выставляли это на всеобщее обозрение. Массовая культура становится более визуализирована с конца XIX века, что практически совпадает с появлением кинематографа и уже через несколько лет сняли первый порнофильм. «Розовая» эротика, с точки зрения современности загнана в маргинальные сферы культуры. Оно было и все об этом знали, но из-за отсутствия интернета, это не могло быть визуализировано. Он это делает не просто visual (визуализировано), а available (доступно) или downloadable (все загружаемо и сохраняемо). То есть, понятие приватность в современной массовой культуре исчезает, его заменяет публичность. Не даром celebrity (знаменитость) звучит как publicity (публичность). В те времена чтобы получить информацию

В XIX веке доминировало традиционная модель культуры. Она была оффлайновой, потому что тогда интернета не было. Для получения информации, нужно было уметь читать книги. В XX веке культура становится массовой. Она сначала визуализируется. Например, можно не читать, а послушать радио, а если нет радио, но есть деньги, можно пойти сходить в кино и посмотреть фильм. Потому что в 20-е – 30-е годы перед фильмом крутили такой выпуск новостей. Например, выпуск про политическую информацию о том, что они делали, про достижения националистического народного хозяйства. Начинается массовое развитие издательской индустрии, в следствии этого расходы удешевляются, соответственно больше информации становится через печатные СМИ. С конца 90-х годов развивается интернет, то есть сфера доминирования культуры переместилась из оффлайновой модели (аналоговой) в виртуальное пространство. Визуализация тоже стала дешевле, проще загрузить картинку в сеть, чем ее распечатать. Не нужно расходов на краску и

бумагу. Поэтому некоторые СМИ отказываются от аналоговой версии, от оффлайна в печатной форме и переходят сразу в онлайн. Продаются они зачастую по подписке. Эта визуализации проявляется исключительно в онлайн-сфере.

Библиографический список

1. Гидиков С. Половата свитост на българина като основа на неговия характер / С. Гидиков. – (https://librev.com_2013-03-30-08-56-39/scribbles/essavs/1352-2011-09-16-08-23-23)
2. Лобач У. Секс I эротика у белоруской традиционной культуры / У. Лобач // Arche. – 2004. - № 3 (32). – (<http://archive.li/jVtAB#selection-31.0-31.9>)
3. Мостовщиков Е. Порнобизнес. Эпизод1. Самоубийство папы римского / Е. Мостовщиков. – (<https://snob.ru/entry/36765>)
4. Попова Л. Эротика тела в дизайне / Л. Попова // Теория моды. – 2013. - № 27. – (<http://www.nlobooks.ru/node/3309>)
5. Сенатов С.С. Опыт съемок в фильмах порнографического содержания в контексте индивидуальных биографий. Магистерская диссертация / С.С. Сенатов. – СПб: Санкт-Петербургский филиал ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет «ВШЭ», 2013. – С. 44
6. Хорроры и порно – удивительноневинные жанры: интервью с Мирославом Слабошпицким. – (<http://www.furfur.me/furfur/heros/heroes-furfur/179553-intervyu-miroslav-slaboshpitskiy>)
7. Шейтанов Н. Култ на тялото / Н. Шейтанов. – Софи, 1928
8. Шейтанов Н. Сексуалната философи на българина / Н. Шейтанов // Философски преглед. – 1932. – Год 4. - №3. (<https://librev.com/index.php?option=comcontent&view=article&id=640&Itemid=5>)
9. Foucault M. The History of Sexuality / M. Foucault. – NY., 1978. – Vol. 1. An Introduction / trans. R. Hurley. – P. 77.
10. Sitechecker (<https://sitechecker.pro/ru/search-engines/>)
11. Statistics on Pornography, Sexual Addiction and Online Perpetrators. – (<http://www.safefamilies.org/sfStats.php>).

ИДЕЯ БАВАРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ БАВАРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы баварской идентичности в аспекте не только внутренней политики Германии и Баварии, а также во взаимодействии Свободной земли с европейскими странами и ее влияния на европейскую политику. Эти взаимодействия связаны с главными целями баварского государства: сохранением баварской государственности, социально-культурных особенностей, политической культуры и материального благосостояния; реализацией исторически обоснованной претензии Баварии на соучастие в немецкой и европейской политике.

Ключевые слова: Бавария, национализм, идентичность, прусский централизм, политическая самобытность, европейская политика, Европейский союз.

Summary: The problems of Bavarian identity are analyzed in the context of not only the internal policy, but also of the interactions with European countries and its influence on the European policy. These interactions are based on the main goals of Bayern: conservation of the Bavarian nationhood, of the social and cultural special aspects, political culture, and financial security, realization of the historical rights to take part in German and European policy.

Keywords: Bayern, nationalism, identity, Prussian centralism, political originality, European policy, European Community.

40

Обостряющийся кризис в правящей коалиции ФРГ наглядно продемонстрировал, что пропасть между баварским Христианско-социальным союзом (ХСС) и берлинским истеблишментом, который представляет канцлер Ангела Меркель, углубляется. ХСС и его лидер Хорст Зеehoфер прямо заявили о возможном разрыве с «братским» Христианско-демократическим союзом (ХДС), который возглавляет Меркель. Речь идет не о простом расхождении во вопросах миграционной политики, за этим противостоянием все четче проглядывается баварский национализм, который намерен дать бой «свиньям-пруссакам» (Saupreussen), как издавна называли баварцы северных соседей. Недавний опрос общественного мнения показал: уже треть баварцев выступают за независимость от Германии. А ведь каких-то десять лет назад сторонников независимой Баварии было ничтожно мало. Почему проблема возникла именно сейчас?

На самом деле, идея баварского «особого пути» существовала всегда, но в условиях послевоенного экономического подъема и военной оккупации ФРГ западными державами она не имела шансов на реализацию. Однако на фоне миграционного кризиса, вызванного «гостеприимной» политикой Ангелы Меркель, а также в связи с ослаблением Евросоюза и подъемом национал-популистских движений во всей Европе баварские националисты вновь активизировались. Чтобы понять глубинные причины нынешнего «баварского бунта», стоит вспомнить относительно недавнюю историю.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что в нынешней ситуации особая позиция Баварии может иметь решающее значение для Европы. Бавария рассматривается как ключ к Германии - стране, на которой держится весь европейский проект.

В работе были использованы следующие методы исследования: изучение источников информации; анализ научных статей, интервью, новостных статей, статистических данных для получения точной информации; синтез полученной информации для получения общего представления об изучаемом явлении.

Важнейшей задачей королевства Бавария (1806– 1918) и его наследников – первого и второго Свободного государства Бавария (1918–1933 и с 1946 по сегодняшний день) – являлось соединение пестрого мира франков, швабов и бывшей Старой Баварии (Kurbayern) в государственное единство. Важнейшими принципами политики просвещенного государственного абсолютизма были объединение, централизация и укрепление суверенитета. Централизованное бюрократическое государство стало инструментом интеграции раздробленных территорий[9].

Бавария доказала в своей истории, что, например, в период между 1815 и 1866 гг., она смогла урегулировать свои проблемы и не представляла угрозы для ее соседей. За это время Бавария пережила этап научного, экономического, а также демократического развития.

В 1866 году Бавария терпит поражение в быстрой войне с Пруссией. И когда в 1871 году, после побед Пруссии сначала над Австрией, а потом над Францией, решается вопрос о создании объединенной Германской империи, Людвиг II Баварский вынужден подписать письмо о признании императором Вильгельма I. Суверенитет Баварии был ущемлен, чувство независимости баварцев оскорблено.

Образование Германской империи, на основе которого Бавария сегодня находится на территории Германии, явилось прямым следствием прусского гегемонистского стремления 19 века.

После основания Германской империи в 1870–1871 гг. перед баварским правительством встала двойная задача – продолжение внутривнутриполитической интеграции, осуществлявшейся по-прежнему административными элитами, и интеграция самой Баварии во Вторую рейх. В этом долгосрочном процессе государственная администрация превратилась в весомый, традиционный фактор. В этом – одна из исторических причин нынешней значимости Баварии в германской политике. Баварский король Людвиг II (1845–1886, король с 1864) выразил ту формулу коллективной идентичности, которая и по сегодняшний день определяет баварскую политику: «Мы хотим быть немцами и остаться баварцами».

Тем не менее, национализация, сопровождавшая утверждение Германской империи, воспринималась в Баварии как прусский централизм, давление, принуждение. Формирование коллективной идентичности ментально сопровождалось чувством униженности и протеста, в первую очередь по отношению к «Пруссии». Лишь после окончательного заката «Пруссии» в 1947 г. баварский комплекс неполноценности исчез и в условиях западногерманского государства постепенно сменился баварским чувством превосходства.

Вместе с тем в Баварии отдают себе отчет, что нынешнее процветание было достигнуто за счет общегерманских технологий, капиталов и рынка. Это тот урок, который забывают на Украине и в Каталонии: любое отделение от «большой страны» будет неизбежно означать экономическую деградацию.

Ситуацию в Баварии в настоящее время охарактеризовал немецкий политик и писатель Вилфред Шарнагл[10]. Он утверждает, что Бавария по своей истории, экономической мощи, численности населения и своему конституционному порядку является самостоятельным государством. Население федеральной земли составляет 12,5 млн. человек – по числу жителей это вторая административная территория в Германии после Северного Рейна-Вестфалии. Бавария – это регион с наиболее мощной экономикой, с высочайшими достижениями в области науки и техники. Такой народ, по мнению Шарнагла, способен взять управление в свои руки. Шарнагл убежден, что, став самостоятельным государством, Бавария не должна выходить из ЕС. Также назвал ряд причин, по которым страна должна именно сейчас усилить борьбу за независимость: «Мы входим в состав трансфертного союза Германии. В рамках бюджетного регулирования Бавария платит больше других земель. Должно быть, в Германии что-то не так с финансовым равновесием, поскольку в 2012 году три земли платили деньги, а 13 – получали. Значит, равновесие нарушено. И то же самое происходит в Европе. Мы являемся основным плательщиком в ЕС. Но, несмотря на нашу долю финансового участия в Евросоюзе, мы там практически ничего не решаем». Кроме того, перелом в настроениях баварской политической элиты произошел в 2015-м в связи с миграционным кризисом, который вызвала непродуманная политика Ангелы Меркель. Поскольку основные миграционные потоки проходят именно через пограничную Баварию, мгновенно сработал защитный местнический рефлекс.

В Баварии было проведено исследование, в рамках которого её жителям задали вопрос: «Хотите ли вы, чтобы у Баварии было больше политической силы?» 39% опрошенных ответили «да». На вопрос «Хотите ли вы, чтобы Бавария стала полностью независимым государством?» положительный ответ дали 24% респондентов. «Можно сказать, что показатели небольшие, – согласился Вилфред Шарнагл, – Но они достойны внимания, особенно

учитывая тот факт, что ни одна партия не выступает за независимость Баварии, то есть это не входит в программу ни одной партии»[10].

Действенная сила ХСС как в земельной, так и в федеральной политике – результат той его институциональной и политической двойной роли, которую играет он, будучи автономной земельной партией с особым, федеральным характером. Эта двойная роль позволяет ему выступать в качестве партии одновременно и в земельной, и в федеральной политике, причем не просто партии, а представительницы Свободного государства Бавария. Эта партия продолжила исторически обоснованную претензию государства Бавария на право голоса в немецкой и европейской политике, на конституционно-политическом уровне подкрепленную концепцией федерализма. В рамках фракции ХДС/ХСС партия постоянно выступает как «страж баварского федерализма» и германского федерализма в целом.

С момента своего создания ХСС подчеркивал важность принципа субсидиарности, который в своих основах принадлежал к социальной доктрине католицизма. Приверженность этому принципу показывала, что ХСС при всем его межконфессиональном характере находился под сильным воздействием католицизма и его социальной концепции. Несмотря на все изменения социальной структуры и продолжающуюся миграцию населения из северных областей Германии, Бавария оставалась и остается по преимуществу католической. Это снова и снова находило отражение в программатике ХСС. В своем «светском» варианте принцип субсидиарности предполагает, что высшие государственные институты передают нижестоящим инстанциям столько компетенций, сколько те могут самостоятельно осилить. Иными словами – что можно решить на уровне коммунальной политики, не следует передавать на уровень высших государственных инстанций, а высшим инстанциям не следует вмешиваться в то, что может быть решено на низших управленческих и демократических уровнях. В программатике ХСС этот принцип связан с принципами федерализма. Депутаты ХСС в Европарламенте, равно как и правительство Баварии, выдвигают этот принцип и в дебатах о европолитике, требуя его укоренения в системе функционирования европейских институтов[1]. В силу этого Бавария категорически отвергала проявлявшиеся в ходе развития Евросоюза централистские и конституционно-политические тенденции, выступая против введения новых или расширения старых компетенций общеевропейских органов в тех сферах, где проблемы могут быть решены самими государствами – членами ЕС. В своей программе на выборах в Европарламент в 2004 г. ХСС говорил: «Коммунальное самоуправление – базис демократии и оно не может подчиняться европейским правовым нормативам. В Германии, например, культурные учреждения, детские сады, региональный транспорт содержатся и финансируются коммунами или федеральными

землями. В ходе коммунальных и земельных выборов граждане могут непосредственно повлиять на развитие этих структур. Мы хотим, чтобы этот порядок сохранился».

Кроме Христианско-социального союза, существует такая партия, как Bayernpartei. Основой её убеждений является также принцип субсидиарности. Они утверждают, что каждое политическое сообщество может лучше всего заниматься своими делами. Поэтому политические решения должны приниматься на самом низком административном уровне, т.е. как можно ближе к населению. Они полагают, что юридически это возможно: в баварской Конституции, а также в Основном Законе могут быть определены правовые пути к государственности[6].

Важнейшие спорные вопросы европолитики последних лет связаны с расширением ЕС. Основные пункты этих дискуссий могут быть, разумеется, в сокращенном и упрощенном виде, сведены к следующим положениям.

1. Вступление Турции в ЕС versus «привилегированное партнерство» с ней.

2. Европейская «политика соседства» versus неукротимое расширение Евросоюза.

3. Атлантическая ориентация на США (атлантизм) versus самостоятельная внешняя и оборонная политика «старой Европы».

4. Федерация государств Европы («Европа наций») versus Соединенные штаты Европы.

5. Четкое определение европейских ценностей, Европа как «сообщество единых ценностей» versus неопределенность идентичности, усиливающаяся в ходе «мультикультурализации» европейской идеи.

6. «Европа регионов» как дополнение «Европы наций». Конечно, эта классификация достаточно схематична, ибо идеи во многих пунктах пересекаются друг с другом, так что четкие границы между ними определить сложно. Взгляд на Европу показывает, что Бавария с её стремлениями не одинока. Баварская партия является членом Европейского Свободного альянса, в который вошли более сорока региональных европейских партий. Их идея федеративной Европы регионов приобретает все большее число последователей[5].

В программе ХСС от 1993 г. речь еще идет о «немецких федеральных землях, т.е. регионах», так что субъекты федерации, очевидно, приравниваются к регионам. В другом месте говорится о структурно слабых и обездоленных регионах одной федеральной земли и приводится в качестве примера район Баварии, граничащий с Чехией. Далее следует пассаж о «землях, регионах и автономных сообществах», под которыми, возможно, подразумеваются автономные регионы Испании – Каталония, Страна Басков, Галиция, т.е. так

называемые «три испанские нации». В Великобритании таковыми могли бы быть Северная Ирландия, Уэльс и Шотландия, во Франции, например, католический Руссильон, Корсика, Бретань и Эльзас. Таким образом, подразумеваются, очевидно, исторически сложившиеся так называемые «культурные регионы» с более или менее выраженной коллективной идентичностью. Однако тут же идет речь и об экономических структурных единицах, пересекающих национальные границы и включающих в себя области, принадлежащие различным национальным государствам, например области, соседствующие с регионом Альп (Швейцария, Австрия, Северная Италия, Бавария), с присущими им всем проблемами альпийского транзита. В другом месте говорится о «новых региональных конфликтах» в контексте «проблемы Север – Юг», причем подразумеваются, очевидно, уже регионы мира. Так или иначе, во всех программных документах Баварии концепция «Европы регионов» остается достаточно туманной. Отсутствие концептуальной отточенности дополняется и неясностью по поводу того, что же представляет собой «мультикультурная Европа», от возникновения которой так страстно предостерегает ХСС. Сможет ли «Европа регионов» действительно разрядить региональные конфликты, решить назревшие проблемы и способствовать прогрессу европейской интеграции? Ответы могут быть противоположными – в зависимости от «модели» (Швейцария, Испания, Германия, Бельгия) и от соответствующего контекста. Псевдосубсидиарная интеграционная концепция «Европы регионов» прикрывает регионалистские концепции автономии, обладающие собственной динамикой и отражающие специфические дезинтеграционные интересы. Реализацию их можно было наблюдать не только в Восточной Европе (Чехия и Словакия), но и в ходе распада Югославии. Именно из-за своей содержательной нечеткости баварская «концепция», похоже, потеряла свою актуальность для современных европейских конституционно-политических дебатов. Программные и «концептуальные» заявления о «регионах» приобретают реальные очертания лишь там, где речь идет о структурных проблемах экономических областей. В таких случаях говорится о структурной политике, об ущемлении прав в ходе экономической конкуренции, о поддержке аграрного сектора, о транспорте и транзите, о рынке труда и иных проблемах, выдвигаются соответствующие структурно-политические требования к европейским институтам, подчеркивается необходимость финансовой поддержки регионов Евросоюзом.

В системе разноуровневых переговоров Свободное государство Бавария является типичным примером того, как немецкая федеральная земля (т.е. переговорное звено «третьего уровня»), определяющая себя как жизнеспособный культурный регион Европы с традицией собственной государственности, защищается от прогрессирующего наступления на ее право

соучастия в европейском интеграционном процессе. Во имя сохранения культурных традиций и защиты интересов Баварии баварские политики стремятся сохранить хотя бы те возможности соучастия в принятии европолитических решений, которые им остались. С этой целью они развивают межрегиональные и транснациональные стратегии. Они используют свою роль в Комитете регионов ЕС, пытаются оказать влияние на его структурную политику и используют свои непосредственные связи с Еврокомиссией. Через баварский ландтаг и баварское правительство Свободное государство Бавария реализует, по отношению как ко «второму» (Германия), так и к «первому» уровню (институты ЕС), европолитики те компетенции, которые на конституционно-правовом уровне закреплены за ним как субъектом федерации, и стремится реализовать свои интересы. Равновесие между обобщающими процессами интеграции, взаимного приспособления и соблюдением особых интересов, защитой особой коллективной идентичности может быть достигнуто лишь на путях субсидиарности. На федеральном уровне ХСС и баварское правительство считают себя «защитниками федерализма и прав федеральных земель», на европейском – они выступают поборниками федеральных принципов в развитии ЕС. Речь идет о балансе между интеграцией и самоутверждением в сложном, многоуровневом сплетении различных институтов. Установление такого баланса – важнейшая задача европейского конституционного процесса. Пока существует Бавария, а в ней – ее ведущая и правящая партия ХСС, «баварская проблема» не исчезнет из немецкой и европейской истории и политики. При всех исторических и политических изменениях цели баварского государства остаются неизменными. Первой целью является сохранение баварской государственности, социально-культурных особенностей, политической культуры и материального благосостояния. Вторая цель – реализация исторически обоснованной претензии Баварии на соучастие в немецкой и европейской политике. «Бавария и ХСС» – формула, выражающая «баварскую идентичность» и региональное самосознание.

Список литературы:

1. Bayernpartei Grundsatzprogramm. – München, 2018. – S. 56
2. Bayernpartei Wege zur Eigenstaatlichkeit Bayerns [Электронный ресурс] // Bayernpartei, 2018. URL: <https://bayernpartei.de/programm/>
3. „Die Bayerische Identität wahren“. — Bayerische Staatszeitung, 2017.
4. “Regionale Identität” [Электронный ресурс] //Bayerisches Staatsministerium der Finanzen und für Heimat, 2018. URL: http://www.stmfh.bayern.de/heimat/regionale_identitaet/Default.asp

5. EU-Erweiterung und Nachbarschaftspolitik. – München, 2005. – S. 5.
6. Grundsatzprogramm der Christlich-Sozialen Union in Bayern. – 5. ergänzte Auflage. – München, 2005. – S. 20.
7. Heike Springer «Wie steht's um die bayerische Identität?» [Электронный ресурс] // Lebensformen, 2018. URL: <http://www.lebensformen-tv.de/wie-stehts-um-die-bayerische-identit-t>
8. Heike Springer „Wie steht's um die bayerische Identität?“ [Электронный ресурс] // Sonntagsblatt, 2018. URL: <https://www.sonntagsblatt.de/artikel/lebensformen-das-magazin-des-evangelischen-fernsehens/medien/wie-stehts-um-die-bayerische>
9. Mintzel A. Die Christlich-Soziale Union in Bayern (CSU). Politik für Bayern, für Deutschland und für Europa. — S. 27.
10. Питер Оливер «Немецкий политик: Баварский народ способен взять управление в свои руки» [Электронный ресурс] // RT, 2013. URL: <https://russian.rt.com/article/9115>

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ

Венгрия – это страна, в которой наиболее сильны националистические настроения и традиции национализма, который и определяет вектор развития государства в XXI веке. Сама венгерская история содержит в себе немало событий, которые сыграли важнейшую роль в становлении венгерского этнического национализма, самое значимое из которых это, без сомнения, подписание навязанного странами Антанты позорного и нечестивого Трианонского договора в 1920 году. Этнические националисты стали флагманом венгерской политики, которые вели страну вперед, желая стереть позор Трианона, и такое положение сохраняется и на современном этапе развития Венгрии.

В стране действует несколько националистически настроенных партий, самые значимые из которых это «Фидес», «Йоббик» и Венгерская партия Правды и Жизни. Эти партии и будут кратко рассмотрены в комментариях.

С 2010 года партия «Фидес» является правящей партией в Венгрии. Имеет собственный веб-сайт в Интернете, на котором выкладываются последние новости венгерской политики: отношения с Брюсселем, выступления премьер-министра страны и главы партии «Фидес» Виктора Орбана, а также высказывания министров страны и депутатов «Фидес». Чтобы определить вектор политики партии, достаточно проанализировать несколько статей, взятые с веб-сайта партии «Фидес».

Виктор Орбан призывает остановить миграционный поток в страны Европы, пересмотрев миграционную политику Брюсселя и прекратив поддержку Джорджа Сороса, сторонника иммиграции. Действуя в духе национализма, Орбан требует полной самостоятельности от ЕС в политике миграционного регулирования. Он не хочет, чтобы в будущем венгры смешались с мигрантами, а требует этнической чистоты нации. Но Брюссель не хочет идти на уступки, поддерживая миграционные программы Сороса¹.

Петер Сийярто, министр иностранных дел, считает, что ЕС должен изменить свою политику и дать больше самостоятельности государствам-членам. Венгрия сказала «нет» миграционному пакету ООН, и это, по мнению Сийярто, пример для гордости венгров своей родиной. Его возмущает политика Брюсселя, согласно которой страны Восточной Европы, включая Венгрию,

¹ Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/orban-viktor-programot-hirdetett-a-bevanderlas-megallitasaert> (дата обращения: 16.06.2019)

должны принимать мигрантов, не спрашивая мнения правительств и населения данных стран².

Венгерские националисты полагают, что Брюссель, выдавая мигрантам карточки, не считается с мнением стран Восточной Европы и не выражает интересы европейцев, что и подчеркивает Тамаш Дойч, член партии «Фидес». Мигранты получают анонимные карточки, но никто не проверяет, кем были эти мигранты на своей родине. Таким образом, террорист имеет все шансы получить миграционную карточку, а это уже будет угрозой для жизни обычных европейцев. «Фидес» не согласен с такой политикой³.

Поэтому Виктор Орбан окончательно отверг план Джорджа Сороса. Действуя в интересах Венгрии и ее будущего, премьер-министр не хочет, согласно этому плану, впускать мигрантов в страну, так как это поставит венгерскую нацию на грань существования⁴.

Таким образом, националисты из «Фидес» стремятся отстаивать независимость венгерской нации и не боится ссориться с Брюсселем, особенно из-за миграционной политики ЕС.

«Йоббик» также является партией националистических взглядов, но у них есть определенные различия с «Фидес». «Йоббик» также имеет собственный веб-сайт в Интернете, который сход по своей тематике с веб-сайтом «Фидес». Там можно найти целую статью о трагедии Трианонского договора 1920 года, которая и будет кратко рассмотрена.

Националисты из партии «Йоббик» наиболее активно размышляют о проблеме этнических венгров в соседних странах, которая стала следствием Трианонского договора. Проблема этнических венгров заключается в том, что они всячески ущемляются правительствами тех стран, которые почти 100 лет назад под указкой Антанты разорвали Венгрию на куски, оторвав от нее 2/3 территорий. Наиболее опасная ситуация сложилась в Карпатской Руси, являющаяся частью Украины, в которой местные неонацисты позволяют себе слишком много по отношению к этническим венграм, проживающих там. Националисты из «Йоббик» отстаивают право на урегулирование венгерского вопроса, приводя в качестве примера немцев из Южного Тироля, добившиеся своего признания в Италии еще в конце 60-х годов XX века.

В самой Венгрии также есть национальные меньшинства, наибольшее количество которых – цыгане. «Йоббик» не хотят следовать примеру румынского или словацкого правительств. Для них примером являются немцы

² Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/europa-valaszut-elott-all-tortenelmi-a-felelosseg> (дата обращения: 16.06.2019)

³ Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/felhaborito-szinjatek-amit-brusszel-eload-a-migranskartyakrol> (дата обращения: 16.06.2019)

⁴ Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.fidesz.hu/newsite/documents-file/zat/1516211926-fidesz-orszagos-valasztmany-hatarozat.pdf> (дата обращения: 16.06.2019)

из Южного Тироля: существующие в Венгрии национальные меньшинства стоит поддерживать и стремиться к сохранению их национального самосознания, не отказываясь от идей национализма по их ассимиляции⁵.

В целом, «Йоббик», в отличие от «Фидес», усерднее требует решения вопроса по этническим венграм, но и обвинять «Фидес» в бездействии будет неуместно.

Как и партии «Фидес» и «Йоббик», Венгерская партия «Правды и Жизни» имеет собственный веб-сайт в Интернете. На главной странице веб-сайта находится статья о Трианоне. Данная партия, как и «Йоббик», уделяет Трианону много внимания, и это вполне объяснимо: без Трианонского договора не было бы и венгерских этнических националистов в современном понимании.

В данной статье, которая является вводной для понимания основных принципов партии, описывается Трианонский договор и события, которые ему предшествовали. Националисты из Венгерской партии «Правды и Жизни» считают, что сегодняшних мер недостаточно для того, чтобы разорвать оковы Трианона, нужны более решительные меры. Особенно серьезно они предлагают отнестись к 100-летию Трианонского договора в 2020 году, что может стать отправной точкой к его денонсации или пересмотру. Что касается национальных меньшинств на территории Венгрии, то цыганский вопрос необходимо вовремя закрыть, так как он может стать одним из катализаторов для разрушения страны изнутри. Националисты из данной партии не скрывают того, что сегодня быть и оставаться венгром необычайно тяжело.

К проблеме Трианона прибавляется еще и миграционный кризис, но и тут националисты из Венгерской партии «Правды и Жизни» предлагают способы, как защититься от мигрантов. Но для начала необходимо, чтобы вся венгерская нация воссоединилась, а потом уже стоит объединяться с европейцами для сопротивления и перенаправления миграции обратно в Африку и на Ближний Восток, сохранив тем самым национальную идентичность венгров и других европейских народов⁶.

Это не все политические партии и движения националистического характера, которые действуют в Венгрии. Рассмотренные в комментариях партии единым целым не станут, поскольку они обладают разными подходами при решении целого ряда вопросов. Например, «Йоббик» никогда не сможет смириться с авторитаризмом Виктора Орбана, лидера партии «Фидес». Кроме того, все 3 националистические партии по-разному рассматривают решение проблемы этнических венгров. Если «Фидес» действует довольно аккуратно, то его соперники предлагают действовать более решительно и настойчиво.

⁵ Jobbik. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jobbik.com/policies> (дата обращения: 16.06.2019)

⁶ Magyar Igazság és Élet Pártja. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miepinfo.hu> (дата обращения: 16.06.2019)

Несмотря на соперничество партий друг с другом, и «Фидес», и «Йоббик», и Венгерская партия «Правды и Жизни» объединяют их националистический уклон, жажда пересмотра Трианонского договора, а также схожие мнения при решении миграционного кризиса. Но самое главное, националисты всех трех партий стремятся привести Венгрию к славному и независимому будущему, в котором не будет места позорному и бесчестному Трианонскому договору, который уже почти 100 лет сковывает венгерскую нацию.

Библиографический список

1. Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/orban-viktor-programot-hirdetett-a-bevandozlas-megallitasaert> (дата обращения: 16.06.2019)
2. Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/europa-valaszt-elott-all-tortenelmi-a-felelosseg> (дата обращения: 16.06.2019)
3. Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/felhaboritoszinjatek-amit-brusszel-eload-a-migranskartyakrol> (дата обращения: 16.06.2019)
4. Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.fidesz.hu/newsite/documents-file/zat/1516211926-fidesz-orszagos-valasztmany-hatarozat.pdf> (дата обращения: 16.06.2019)
5. Magyar Igazság és Élet Pártja. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miepinfo.hu> (дата обращения: 16.06.2019)
6. Jobbik. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jobbik.com/policies> (дата обращения: 16.06.2019)

БЕЛАРУСКІ НАЦЫЯНАЛІЗМ 2014 - 2019-Х ГАДОЎ У УМОВАХ ЎНУТРАНАЙ СТАБІЛЬНАСЦІ І ЗНЕШНІХ ПАГРОЗАЎ НЕЗАЛЕЖНАСЦІ:

ад гарачай канфрантацыі з уладай да спробаў нацыяналізацыі рэжыму

Аўтар аналізуе асаблівасці і кірункі развіцця беларускага нацыяналізму ў другой палове 2010-х гадоў. У артыкуле дадзена агульная характарыстыка беларускага нацыяналізму да сярэдзіны 2010-х гадоў. Мяркуецца, што падзеі 2014 года ў Украіне прымусілі беларускія ўлады змяніць стаўленне да нацыяналізму. Спробы ўладаў Беларусі палепшыць адносіны элітаў і нацыяналістаў сталі следствам знешніх фактараў і усведамлення пагрозы страты дзяржаўнай незалежнасці. Палітыка элітаў Беларусі ў другой палове 2010-х гадоў ўключае ў сябе некалькі спробаў знайсці кампраміс з нацыяналістамі і інтэграваць беларускі нацыяналізм у афіцыйны ідэалагічны канон. Аўтар аналізуе розныя формы і праявы нацыяналістычнага дыскурсу ў сучаснай Беларусі, асаблівая ўвага нададзена спробам палітычных актывістаў змагацца за правы беларускай мовы. Мяркуецца, што перспектывы трансфармацыі і развіцця беларускага нацыяналізму застаюцца няяснымі і нявызначанымі. Аўтар аналізуе магчымыя сцэнары развіцця сітуацыі.

Ключавыя словы: Беларусь, нацыяналізм, нацыяналізацыя рэжыму, публічная палітыка, гістарычная памяць, «Дзень Волі», беларуская мова

The author analyzes the features and directions of development of Belarusian nationalism in the second half of the 2010s. The article provides a general description of Belarusian nationalism by the middle of the 2010s. It is assumed that the events of 2014 in Ukraine forced the Belarusian authorities to change their attitude towards nationalism. Attempts by the Belarusian authorities to improve the relations of elites and nationalists became the result of external factors and awareness of the threat of losing state independence. The policy of the elites of Belarus in the second half of the 2010s was marked by several attempts to find a compromise with the nationalists and integrate the Belarusian nationalism into the official ideological canon. The author analyzes the various forms and dimensions of the nationalist discourse in modern Belarus, special attention is paid to the attempts of political activists to fight for the rights of the Belarusian language. It is assumed that the prospects for the transformation and development of Belarusian nationalism remain unclear and uncertain. The author analyzes possible scenarios for the development of the situation.

Keywords: Belarus, nationalism, nationalization of the regime, public policy, historical memory, "Day of Freedom", Belarusian language

Автор анализирует особенности и направления развития белорусского национализма во второй половине 2010-х годов. В статье дана общая характеристика белорусского национализма к середине 2010-х годов. Предполагается, что события 2014 года в Украине заставили белорусские власти изменить отношение к национализму. Попытки властей Беларуси улучшить отношения элит и националистов стали следствием внешних факторов и осознания угрозы утраты государственной независимости. Политика элит Беларуси во второй половине 2010-х годов отмечена несколькими попытками найти компромисс с националистами и интегрировать белорусский национализм в официальный идеологический канон. Автор анализирует различные формы и проявления националистического дискурса в современной Беларуси, особое внимание уделено попыткам политических активистов бороться за права белорусского языка. Предполагается, что перспективы трансформации и развития белорусского национализма остаются неясными и неопределенными. Автор анализирует возможные сценарии развития ситуации.

Ключевые слова: Беларусь, национализм, национализация режима, публичная политика, историческая память, «День Воли», белорусский язык

Пастаноўка праблемы. Распад Савецкага Саюза ў 1991 годзе прывёў да з'яўлення на палітычнай мапе Усходняй Еўропы некалькіх новых дзяржаў, сярод якіх была і Рэспубліка Беларусь. Вектары і траекторыі развіцця гэтых краін апынуліся рознымі, але нацыяналізм стаў тым фактарам, які на працягу 1990-х - 2010-х гадоў гуляў значную ролю ў жыцці практычна ўсіх постсавецкіх дзяржаў. Беларусь у кантэкстах актывізацыі нацыяналізму ва Украіне, Малдове, Латвіі, Літве, Эстоніі, Грузіі, Арменіі здавалася выключэннем з гэтай універсальнай логікі палітычнага развіцця краін, якія сталі адгалінаваннямі савецкага праекта ў яго постсавецкай версіі. У параўнанні з Грузіяй, Украінай ці Латвіяй нацыяналізм у Беларусі належаў да ліку палітычна нябачных фактараў. Сітуацыя пачала мяняцца толькі ў сярэдзіне 2010-х гадоў, што стала вынікам ўкраінскай рэвалюцыі, пачаткам грамадзянскага супрацьстаяння і змены статусу Крыма. Палітычныя эліты Беларусі ўсвядомілі небяспеку страты дзяржаўнага

суверэнітэту і пачалі мяняць сваё стаўленне да нацыяналізму, якое ў папярэднія гады вар'іравалася ад ігнаравання да непрымання.

Мэта артыкула. Таму ў цэнтры аўтарскай увагі ў гэтым артыкуле будуць актуальныя палітычныя трансфармацыі беларускага нацыяналізму і спробы элітаў Беларусі знайсці кампраміс з нацыяналістамі, інтэграваўшы нацыяналістычны дыскурс у палітычную сістэму краіны. Аўтар не аналізуе асаблівасці развіцця беларускага нацыяналізму да 2014 года, адсылаючы ўсіх зацікаўленых у двум сваім манаграфіям, выдадзеным у 2011 і 2012 гадах⁷.

Беларускі нацыяналізм да сярэдзіны 2010-х гадоў: арыентацыі ў інтэлектуальным ландшафце. Перш чым аналізаваць асаблівасці, вектары і траекторыі развіцця беларускага нацыяналізму ў другой палове 2010-х гадоў, неабходна даць кароткую характарыстыку чым быў беларускі нацыяналізм у пачатку гэтага перыяду. У параўнанні з іншымі постсавецкімі краінамі роля нацыяналізму ў Беларусі была нязначная. Нацыяналізм стаў ахвярай палітычных рэпрэсіяў. Таму нацыяналістычны дыскурс са сферы палітыкі зрушыўся ў гуманітарныя навукі і культуру. Тры часопісы, "ARCHE-Пачатак", "Беларускі гістарычны агляд" і "Дзеяслоў", да сярэдзіны 2010-х гадоў сталі інтэлектуальнымі цэнтрамі беларускіх нацыяналістаў. Цэнтрамі культурнага і палітычнага прыцягнення нацыянальных інтэлектуалаў сталі Варшава, Прага і Вільня, таму што іх вопыт зносін з беларускімі ўладамі фактычна быў негатыўным і вымусіў некаторых інтэлектуалаў эміграваць.

"Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт" і існуючы ў яго структуры "Інстытут гістарычных даследаванняў Беларусі" сталі інстытуцыянальнымі цэнтрамі нацыянальна арыентаваных інтэлектуалаў. "Інстытут беларусістыкі" ў Вільні і "Беларускае гістарычнае таварыства" ў Беластоку сталі двума іншымі інтэлектуальнымі цэнтрамі культурнага і інтэлектуальнага беларускага нацыяналізму. Найбольш значнымі нацыянальнымі інтэлектуаламі і папулярызатарамі нацыяналізму да сярэдзіны 2010-х гадоў сталі Валер Булгакаў⁸, Генадзь Сагановіч⁹, Віктар Марціновіч¹⁰. Да сярэдзіны 2010-х гадоў

⁷ Кирчанов М.В. Интеллектуальная история белорусского национализма. Краткий очерк / М.В. Кирчанов / под ред. А.Е. Тараса. – Смоленск: «Посох», 2011. – 212 с.; Кирчанов М.В. «Верым, можам, пераможам»: праблемы інтэлектуальнай історыі беларускага нацыяналізму / М.В. Кирчанов. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 408 с.

⁸ Булгакаў В. Гісторыя беларускага нацыяналізму / В. Булгакаў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. – 331 с.; Булгакаў В. Беларусь 1994 – 2004 гг.: разбудова дзяржавы і пераслед нацыі / В. Булгакаў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2012. – 118 с.; Булгаков В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс: Институт белорусистики, 2006. – 331 с.

⁹ Сагановіч Г. Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках яе гісторыкаў / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1 – 2 (32 – 33). – С. 225 – 229; Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2013. – Т. 20. – Сш. 1 – 2 (38 – 39). – С. 173 – 188; Сагановіч Г. Чаму ў БССР не было гістарычнага часопіса / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2017. – Т. 24. Сш. 1 – 2 [Электронны рэсурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/genadz-saganovich-chamu-u-bssr-ne-bylo-gistarychnaga-chasopisa/>; Сагановіч Г. Дзесяць гадоў беларускай

беларускі нацыяналізм ужо меў корпус знакавых і класічных тэкстаў, якія фармавалі канон беларускага нацыянальнага ўяўлення і нацыянальна арыентаваных спробаў напісання гісторыі¹¹. Тэксты нацыянальна арыентаваных інтэлектуалаў¹² ясна адрозніваліся ад тэкстаў афіцыйных гісторыкаў і іншых аўтараў, звязаных з дзяржаўнымі універсітэтамі і залежнымі ад сістэмы. У другой палове 2010-х гадоў, ва ўмовах спробаў уладаў знайсці кампраміс з нацыяналістамі, гэты корпус папоўніўся новымі тэкстамі¹³. Важным фактарам у

гістарыяграфіі (1991 – 2000) / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2001. – Т. 8. Сш. 1 – 2 [Электронны рэсурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/henadz-sahanovich-dzesyac-gadov-belaruskaj-gistaryyagrafii-1991-2000/>; Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1 – 2 (32 – 33). – С. 89 – 116; Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1 – 2 (36 – 37). – С. 213 – 238.

¹⁰ Мартинович В. Параноя / В. Мартинович. – М.: АСТ, 2009; Мартинович В. Озеро радости / В. Мартинович. – М.: Время, 2016. – 416 с.; Марціновіч В. Мова / В. Марціновіч. – Менск: 34таг, 2014. – 264 с.; Марціновіч В. Ноч / В. Марціновіч. – Менск: 34таг, 2018. – 411 с.; Марціновіч В. Сфагнум / В. Марціновіч. – Менск: 34таг, 2013; Марціновіч В. Сцюдзёны вырай / В. Марціновіч. – Менск: 34 таг, 2011.

¹¹ Адамовіч А. Да гісторыі беларускае літаратуры / А. Адамовіч. – Менск.: ІП Зьміцер Колас, 2005. – 1464 с.; Беларусь. Сцэнары рэформаў / рэд. Р. Вайннене, Э. Крулікоўска, Ю. Пласконка, У. Раманаў, А. Анціпенка, В. Булгакаў. – Менск: Фонд імя Сьцяпана Батуры. 2003. – 351 с.; Геапалітычнае месца Беларусі ў Эўропе і сьвеце / пад рэд. В. Булгакава. – Варшава: Wyższa Szkoła Handlu i Prawa im. Ryszarda Łazarskiego w Warszawie, 2006. – 242 с.; Беларуская палітычная сцэна і прэзыдэнцыя выбары 2006 году. Аналітычныя артыкулы / пад рэд. В. Булгакава і В. Сіліцкага. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. – 284 с.; Быць (або ня быць) сярэднеэўрапейцам. Сучаснае польскае мысьленьне / пераклад В. Булгакаў. – Менск: Выдавецтва «Энцыклапедыкс», 2000. – 472 с.; Найноўшая гісторыя беларускага парлямэнтарызму / пад рэд. В. Булгакава. – Менск: Аналітычны Грудок, 2005. – 321 с.; Сіліцкі В., Казакевіч А. Беларусь: ні Эўропа, ні Расея. Меркаваньні беларускіх эліт / В. Сіліцкі, А. Казакевіч / пад рэд. В. Булгакава. – Варшава: Выдавецтва „ARCHE”, 2006. – 260 с.; Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі / Л. Юрэвіч. – Менск: Рэдакцыя часопісу ARCHE «Пачатак», 1999. – 256 с.; Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі (да 2006 г.) / пад агульнай рэд. В. Булгакава. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2011. – 1228 с.; Хрышчэнне нацыі. Масавыя акцыі 1988 – 2009. – Беласток – Вільня – Мінск: Інстытут беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, Палітычная сфера, 2011. – 576 с.

¹² Дарыюш К. Полацк 1579 / Д. Купіш. – Менск: «ARCHE», 2011. – 138 с.; Луцкевіч А. Барацьба за вызваленьне / А. Луцкевіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. – 650 с.; Станкевіч А. З Богам да Беларусі. Збор твораў / укл., нав. рэд., камэнт., прадм. Алесь Пашкевіч, Андрэй Вашкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1098 с.; Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня. Інстытут беларусістыкі, 2008. – 902 с.; Станкевіч С. Беларускія элементы ў польскай рамантычнай паззіі / С. Станкевіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 211 с.; Станкевіч Я. Крыўя-Беларусь у мінуласьці. Гістарычныя творы / Я. Станкевіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 769 с.; Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Смаленск: Інбелкульт, 2013. – 368 с.; Шумскі Я. Савецызацыя Заходняй Беларусі (1944 – 1953 г.). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі / Ян Шумскі. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 326 с.

¹³ Апазіцыя Беларускага Народнага Фронту ў Вярхоўным Савеце Беларусі XII склікання: дакументы, факты, каментарыі / уклад. А.В. Кур'яновіча. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 800 с.; Насевіч В. Беларусь: станаўленьне этнасу і нацыянальная ідэя / В. Насевіч. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 526 с.; Сіліцкі В. Доўгая дарога ад тыраніі: посткамуністычны аўтарытарызм і барацьба за дэмакратыю ў Сербіі і Беларусі / В. Сіліцкі. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 368 с.

актуалізацыі беларускай ідэнтычнасці сталі пераклады з еўрапейскіх моў¹⁴, якія дэманстравалі якая іншы вектар развіцця ідэнтычнасці і акадэмічнай культуры.

«Адкладзены нацыяналізм»: праблемы метадалогіі вывучэння нацыяналізму ў аўтарытарным грамадстве. Аналіз любога сучаснага нацыяналізму патрабуе ад даследчыка выбару пэўнай метадалагічнай парадыгмы, у рамках якой ён будзе апісваць і аналізаваць нацыяналізм. Здавалася б, у выпадку вывучэння нацыяналізму не можа ўзнікаць складанасцяў з выбарам метадалогіі, таму што ўклад Nationalism Studies не выклікае сумненняў, але аўтар мяркуе, што тэарэтычныя прынцыпы класічных штудыі нацыяналізму, якія могуць быць эфектыўнымі для вывучэння гісторыі нацыяналізму, фарміравання нацый, трансфармацыі традыцыйных аграрных груп у мадэрныя палітычныя нацыі як вынайдзеныя традыцыі і ўяўныя супольнасці. Nationalism Studies цалкам ужывальныя і могуць быць эфектыўнымі пры вывучэнні гісторыі беларускай ідэнтычнасці і нацыяналізму ў 19 стагоддзі або ў савецкі перыяд, але нацыяналістычныя штудыі не могуць стаць універсальнай метадалагічнай мовай для аналізу сучаснага беларускага нацыяналізму, асноўных асаблівасцяў развіцця і тэндэнцыяў яго трансфармацыі ў недэмакратчным і аўтарытарным палітычным рэжыме. Таму аўтар мяркуе, што для вывучэння сучаснага беларускага нацыяналізму неабходная якая іншая метадалогія. Аналізуючы асаблівасці беларускага нацыяналізму, прымаючы пад увагу яго няўдачы ў кантэксце нацыяналістычнага прагрэсу ў іншых суседніх дзяржавах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, аўтар схільны меркаваць, што гэтыя спецыфічныя рысы могуць быць растлумачаны ў рамках іншай метадалогіі, якая змястоўна будзе адрознівацца ад класічных Nationalism Studies. Аўтар артыкула мяркуе, што канцэпцыя беларускага палітолага Віталія Сіліцкага¹⁵ дастасоўная для аналізу нацыяналізму ў сучаснай Беларусі. Віталь

¹⁴ Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. / Э. Гімжаўскас. – Мінск: Інбелкульт, 2013. – 217 с.; Мечысловас Ю. Грунвальдская бітва / Ю. Мечысловас. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 242 с.; Плахій С. Рускі Вавілон: Дамадэрныя ідэнтычнасці ў Расіі, Украіне і Беларусі / С. Плахій. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 300 с.; Пятраўскас Р. Літоўская знач у канцы XIV – XV ст.: Склад – структура – улада / Р. Пятраўскас. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 386 с.; Роўэл С. Уздым Літвы: паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295 – 1345 / С. Роўэл. – Мінск: Медысон, 2015. – 423 с.; Бярнацкі В. Паўстанне Хмяльніцкага: Ваенныя дзеянні ў Літве ў 1648 – 1649 г. / В. Бярнацкі. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 183 с.; Рэйн Л. Каралі і пешкі: калабарацыя ў Беларусі ў час Другой сусветнай вайны / Л. Рэйн. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 443 с.; Дубоніс А. Лейці вялікага князя літоўскага: з гісторыі ранніх дзяржаўных структур літоўскага грамадства / А. Дубоніс. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 146 с.; Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918 – 1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 496 с.; Бракель А. Пад чырвонай зоркай і свастькай: Баранавіччына ў 1939 – 1944 гг. Заходняя Беларусь пад нямецкай і савецкай акупацыяй / А. Бракель. – Смаленск: Інбелкульт, 2018. – 486 с.

¹⁵ Сіліцкі В. Адкладзеная свабода: посткамуністычны аўтарытарызм у Сербіі і Беларусі / В. Сіліцкі. – Вільня: Беларускі калегіум, 2012. – 130 с.; Сіліцкі В. Доўгая дарога ад тыраніі: посткамуністычны аўтарытарызм і барацьба за дэмакратыю ў Сербіі і Беларусі / В. Сіліцкі. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. –

Сіліцкі прапанаваў некалькі дэфініцый для апісання палітычнага рэжыму Беларусі – тэрыторыя свабоды і адкладзеная свабода. Пад тэрыторыяй свабоды Віталь Сіліцкі разумеў незалежную прастору і арганізацыю жыцця людзей, якія не згодны з дзеючым рэжымам, але аб'яднаныя агульнымі інтарэсамі і заняткамі. Тэрыторыя свабоды – гэта паралельнае грамадства, якое існуе ва ўмовах дамінуючага аўтарытарызму. Адкладзеная свабода – запознены працэс палітычнага транзіту і пераходу ад аўтарытарызму да дэмакратыі. Трансплантуючы гэтыя канцэпты ў сучасную гісторыю беларускага нацыяналізму, аўтар мяркуе, што беларускі нацыяналізм стаў тэрыторыяй свабоды – свабоды мовы, свабоды ад аўтарытарызму, грамадзянскай свабоды і правоў чалавека. Таму сучасны беларускі нацыяналізм стаў увасабленнем тых паняццяў і прынцыпаў, якія актуальны палітычным рэжым у Беларусі ігнаруе і душыць. Адкладзеная свабода – гэта храналагічна адкладзены працэс актуалізацыі каштоўнасцяў і прынцыпаў беларускага нацыяналізму, хоць храналагічныя перспектывы інстытуцыяналізацыі беларускага грамадзянскага і палітычнага нацыяналізму застаюцца нявызначанымі.

Інструменталізацыя ідэнтычнасці – абмежаваная нацыяналізацыя. На працягу 2014 - 2019 гадоў стаўленне ўладаў Беларусі да беларускага нацыяналізму не было сталым, але змянялася, залежачы ад палітычнай і ідэалагічнай кан'юнктуры. Пачынаючы з 2014 года, эліты Беларусі пачалі актыўна выкарыстоўваць нацыянальныя сімвалы і элементы народнай культуры як форму палітычнай мабілізацыі. У красавіку 2016 года ў Мінску прайшоў фестываль “Этна стыль”¹⁶, які стаў спробай актуалізаваць беларускую ідэнтычнасць і зрабіць яе больш бачнай у грамадскім, палітычным і культурным дыскурсах. Улады ў другой палове 2010-х гадоў ініцыявалі кампанію па папулярызацыі беларускай народнай культуры. Таму беларускую мову пачалі больш актыўна выкарыстоўваць ў рэкламе¹⁷. У 2015 годзе ў Мінску на вуліцы Рабкораўская з'явілася гіганцкая графіці з дзяўчынай у вышыванцы¹⁸. Важным

364 с.; Сіліцкі В. Русіфікацыя + каланіялізм = грамадзянская нацыя? Сацыялогія моўна-культурнага пытання ў Беларусі / В. Сіліцкі // Arche. – 2011. – № 1 – 2 (100 – 101). – С. 11 – 35; Сіліцкі В. Дагнаць і перагнаць Еўропу. Новая логіка лукашэнкаўскай трансфармацыі / В. Сіліцкі // Arche. – 2008. – № 6 (69). – С. 5 – 15; Сіліцкі В. Памятаць, што дыктатуры руйнуюцца / В. Сіліцкі // Arche. – 2006. – № 7 – 8 (47 – 48). – С. 5 – 16; Сіліцкі В. Беларусь: анатомія прэзэнтывага аўтарытарызму / В. Сіліцкі // Arche. – 2007. – № 10 (61). – С. 44 – 69; Сіліцкі В. Адкладзеная свабода: Посткамуністычны аўтарытарызм у Сэрбіі і Беларусі / В. Сіліцкі // Arche. – 2003. – № 3 (26). – С. 124–142; 2003. – № 4 (27). – С. 224–240; 2003. – № 5 (28). – С. 278 – 288.

¹⁶ Юринцев П. Тянет на красное. Как официальный Минск использует вышиванку для национальной мобилизации / П. Юринцев // Лента.ру. – 2016. – 6 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/06/vishivanka/>

¹⁷ Водчиц А. Семь доказательств того, что приходит бум на одежду с народной вышивкой / А. Водчиц // Салідарнасць. – 2014. – 29 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://gazetaby.com/post/7-dokazatelstv-togo-chto-prihodit-bum-na-odezhu-s-narodnoj-vyshivkoj/84066/>

¹⁸ Балай С. В Минске появилось гигантское граффити с девушкой в вышиванке / С. Балай // Tut.by медиа новости. – 2015. – 15 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tut.by/culture/472808.html?crnd=98518>

паказчыкам адносін элітаў да нацыяналістаў стала святкаванне Дня волі¹⁹. Традыцыйна ў 1990-я і 2000-я гады ўлады ставіліся да гэтых мерапрыемстваў вельмі негатыўна, актыўна ужываючы фізічны гвалт да іх удзельнікаў, але у 2018 дазволілі нацыяналістам сабрацца ў цэнтры Мінска. У 2019 годзе ўлады зноў ўжылі адміністрацыйныя меры ўздзеяння да ўдзельнікаў Дня Волі. Верагодна, у сярэдзіне 2010-х гадоў у найноўшай і актуальнай гісторыі палітычнага рэжыму сучаснай Беларусі пачаўся новы этап, які можна вызначыць як абмежаваная нацыяналізацыя. Органы дзяржаўнай улады абнавілі афіцыйныя сайты, стварыўшы іх версіі на беларускай мове. Дзяржаўныя СМІ паспрабавалі перахапіць ініцыятыву ў нацыяналістаў, актывізаваўшы вяшчанне на дзяржаўнай мове. Гэтыя фармальныя практыкі інтэграцыі беларускай ідэнтычнасці ў дзяржаўны дыскурс спалучаліся з перыядычнымі спробамі ўладаў актуалізаваць суверэнітэт і незалежнасць Беларусі ў двухбаковых расійска-беларускіх адносінах. Праявай актыўнага выкарыстання нацыяналізму стала галасаванне беларускага прафесійнага журы на конкурсе песні “Еўрабачанне – 2019”, калі Расія не атрымала ніводнага голасу ад Беларусі. Гэтыя дзеянні ўладаў Беларусі сведчаць пра спробы абмежаванай інтэграцыі нацыяналізму ў афіцыйны палітычны і ідэалагічны дыскурс, хоць рэальныя перамены ў дачыненні да нацыяналістаў з боку ўладаў фактычна адсутнічаюць: улады актыўна прымяняюць меры адміністрацыйнага ўздзеяння да лідэраў нацыянальнага руху. Спробы ўладаў выкарыстоўваць беларускі нацыяналізм і нацыяналістычную рыторыку сведчаць, з аднаго боку, пра страх перад пагрозай перад пагрозай росту папулярнасці і актывізацыі нацыяналізму (ва ўмовах адсутнасці рэальных каналаў для выражэння альтэрнатыўнага меркавання) і, з другога боку, аб паступовай нацыяналізацыі рэжыму, які сутыкнуўся як з вонкавымі пагрозамі, так і запозненым усведамленнем дэфіцыту уласнай легітымнасці ва ўмовах адсутнасці рэальнага выбару і імітацыі дэмакратычных працэдур.

Інтэграцыя нацыяналізму ў афіцыйны канон. Другі формай актуалізацыі нацыяналізму сталі спробы ўладаў інтэграваць беларускі нацыяналізм у грамадскія і сацыяльныя прасторы, ператварыўшы яго ў больш бачны фактар культурнага і інтэлектуальнага жыцця рэспублікі. У 2014 годзе ўлады сталі больш актывы ў сваіх спробах выкарыстаць нацыяналізм для развіцця гістарычнай памяці і кантролю над ёй. Напрыклад, у чэрвені 2014 года быў афіцыйна адкрыты помнік літоўскаму князю Альгерду ў Віцебску, а ўлады

¹⁹ Вячорка В. *Дзень Волі. Дзень Незалежнасці. Як называць галоўнае свята* / В. Вячорка // *Радзё Свабода*. – 2017. – 26 сакавіка [Электронны ресурс]. – URL: <https://www.svaboda.org/a/dzien-voli-ci-niezaleznasci/28391606.html>; Навумчык С. *Які дзень дзяржаўнасці нам патрэбны* / С. Навумчык // *Радзё Свабода*. – 2019. – 20 красавіка [Электронны ресурс]. – URL: <https://www.svaboda.org/a/29893383.html>; Вашкевіч А., Чарнякевіч А. *25 сакавіка: вытокі нацыянальнага свята* / А. Вашкевіч, А. Чарнякевіч // *ARCHE-Пачатак*. – 2008. – № 3 (66). – С. 62 – 85.

заявілі пра гатоўнасць ўсталяваць помнікі іншым лідэрам Вялікага Княства Літоўскага, уключаючы князя Міндоўга. У 2017 годзе ў Мінску адбыўся VII з'езд беларусаў свету, на якім прысутнічалі афіцыйныя асобы - былы міністр замежных спраў Пётр Краўчанка і міністр замежных спраў Уладзімір Макей, якія паспрабавалі актуалізаваць ўдзел уладаў у развіцці і падтрымцы беларускай ідэнтычнасці.

Напрыклад, Пётр Краўчанка прапанаваў у 2018 адсвяткаваць стагоддзя з дня абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі, што стала паказальным момантам у развіцці афіцыйных версій палітычнай і гістарычнай памяці, таму што ў папярэднія гады ўлады настойвалі на на дзяржаўнай пераемнасці паміж Беларускай ССР і Рэспублікай Беларусь, ігнаруючы альтэрнатыўныя версіі палітычнай генеалогіі беларускай дзяржаўнасці. Кіраўнік Адміністрацыі прэзідэнта Наталля Качанава заявіла, што ўлады гатовыя сумесна святкаваць стагоддзе БНР разам з апазіцыяй, што адлюстравала змяненне стаўлення да нацыяналістаў і тэндэнцыі збліжэння з імі. Дэпутат беларускага парламента Валерый Варанецкі таксама актуалізаваў значнасць юбілейных урачыстасцяў у афіцыйнай версіі гістарычнай памяці, падкрэсліваючы, што 25 сакавіка 1918 года з'яўляецца "адным з кансалідуючых беларусаў фактаў"²⁰.

58

Былы намеснік міністра замежных спраў і начальнік упраўлення знешняй палітыкі Адміністрацыі прэзідэнта, старшыня камісіі па міжнародных справах Палаты прадстаўнікоў РБ Валерый Варанецкі таксама паспрабаваў актуалізаваць ролю і значэнне БНР у гісторыі беларускай дзяржаўнасці, дэкларуючы, што "БНР – гэта быў беларускі праект – не нямецкі і ня савецкі ... і калі правесці паралелі, а яны напрошваюцца самі сабой, сённяшняя незалежная і суверэнная Беларусь – гэта таксама беларускі праект... і калі глядзець у гісторыю, то ўбачым, што нашы продкі заўсёды стваралі і мелі сваю дзяржаўнасць ... Можна толькі ўяўляць сабе, якіх вярыняў мы маглі б дасягнуць, калі б не тыя непераадольныя выклікі і велізарныя страты, якія наш народ панёс на працягу сваёй гісторыі"²¹. Змены афіцыйнага пункту гледжання на БНР актуалізавалі спробы ўладаў пачаць дыялог з нацыяналістамі, перахапіць ініцыятыву ў напісанні гісторыі і фарміраванні палітычнай і культурнай ідэнтычнасці, таму што на працягу папярэдніх гадоў нацыяналісты ў гэтай сферы былі больш паспяховыя чым афіцыйныя ўлады.

Мова і нацыяналізм. Трэцім праявам змены палітыкі ўлады адносна нацыяналізму стала стаўленне да беларускай мовы. Першыя тэндэнцыі да

²⁰ Цит. по: Зотов В. Батькины нацисты. Белорусские правые защищают страну от России. Лукашенко не против // Лента.ру. – 2018. – 3 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2018/04/03/belonazi/>

²¹ Лощиц В. Белорусский национализм и конец эпохи Лукашенко / В. Лощиц // EA daily. – 2018. – 6 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2018/03/06/belorussskiy-nacionalizm-i-konec-epohi-lukashenko>

актывізацыі выкарыстанні беларускай мовы сталі прыкметныя ў пачатку 2010-х гадоў: у 2010 годзе пісьменнік Андрэй Герашчанка быў звольнены з дзяржслужбы за тое, што назваў беларускую мову сродкам зносінацыйна-нацыяналістычна настроенай інтэлігенцыі, заявіўшы, што беларусы – частка рускага народа. У 2013 годзе Глеб Лабадзенка напісаў скаргу ў жыллёва-эксплуатацыйную службу на беларускай мове, але атрымаўшы адказ на рускай, звярнуўся ў пракуратару: у выніку суд прысудзіў дырэктара службы да штрафу. Гэтае рашэнне фактычна стала першым у гісторыі сучаснай Беларусі пакараннем на выкарыстанне рускай мовы.

Пасля 2014 года ўлады сталі больш актыўныя ў абароне нацыянальнай мовы. У 2016 годзе Юрый Паўлавец, Дзмітрый Алімкін і Сяргей Шыпценка былі арыштаваныя па абвінавачванні ў распальванні міжнацыянальнай варожасці таму, што крытыкавалі палітыкі беларусізацыі і настойвалі на ліквідацыі Беларусі як нацыянальнай дзяржавы²². У 2014 годзе ўлады паспрабавалі перахапіць эстафету па абароне мовы з рук нацыяналістаў: ў 2014 прэзідэнт Аляксандар Лукашэнка ўпершыню выступіў з прамовай на беларускай мове, а пазней заявіў, што "мы не рускія, мы беларускія! ... Калі мы развучымся гаварыць на беларускай мове, мы перастанем быць нацыяй"²³. У тым жа 2014 годзе віцэ-прэм'ер Анатоль Тозік заявіў, што "гэта будзе жахліва, калі мы страцім нашу мову! Чым мы тады будзем адрознівацца ад нашых суседзяў?!"²⁴. У другой палове 2010-х моўныя актывісты ініцыявалі некалькі судовых працэсаў за абразу беларускай мовы²⁵. У 2016 годзе актывіст Ігар Случак напісаў скаргу на падлетка, які на адным з інтэрнэт-форумаў назваў беларускую мову мёртвай²⁶. У 2017 годзе ў Гомелі быў асуджаны былы міліцыянер, які ў сацыяльнай сетцы назваў беларускую мову "трупам"²⁷.

Папярэднія высновы. Падводзячы вынікі артыкула, неабходна прымаць пад увагу некалькі фактараў. Развіццё нацыяналізму ў Беларусі ў перыяд

²² Зотов В. Не опять, а снова. Повторит ли Белоруссия путь Украины, запрещая русский язык / В. Зотов // Лента.ру. – 2017. – 1 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/01/mova/>

²³ Штогадовае Пасланне Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі беларускаму народу і Нацыянальнаму сходу Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tvr.by/bel/events/sobytiya/ezhegodnoe-poslanie-prezidenta-respubliki-belarus-a-g-lukashenko-beloruskomu-narodu-i-natsionalnomu/>

²⁴ Тозик А. Это будет ужасно, если мы потеряем язык / А. Тозик // Наша ніва. – 2014. – 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=137241&lang=ru>

²⁵ Шведович В. Игорь Случак, добившийся наказания за оскорбление белорусского языка: «Мова сама сябе абараніць не можа» / В. Шведович // Наша ніва. – 2017. – 29 января [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=184448&lang=ru>

²⁶ Ровда Н. Игорь Случак перессорился с полинтернета из-за больного подростка, назвавшего белорусский язык «мертвым» / Н. Ровда // Наша ніва. – 2017. – 23 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=191110&lang=ru>

²⁷ Шведович В. «Тот комментарий был глупостью» — экс-милиционера в Гомеле осудили за оскорбление белорусского языка / В. Шведович // Наша ніва. – 2017. – 1 января [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=184386&lang=ru>

незалежнасці значна адрознівалася ад аналагічных працэсаў у іншых постсавецкіх дзяржавах. Таму, на працягу доўгага часу нацыяналізм заставаўся нябачным фактарам, а палітычныя эліты ігнаравалі яго ролю ў культурным жыцці краіны. Актывізацыя нацыяналізму ў другой палове 2010-х гадоў стала наступствам ўплыву знешніх фактараў.

Палітычныя эліты, усвядоміўшы небяспеку страты суверэнітэту пачалі актыўна выкарыстоўваць нацыяналізм для вырашэння ўласных задач. Калі адносіны паміж уладай і нацыяналістамі ў другой палове 1990-х - першай палове 2010-х гадоў могуць быць вызначаны як канфрантацыйныя або прахалодныя, то ў другой палове 2010-х гадоў сталі прыкметныя тэндэнцыі да збліжэння і кампрамісу. Нацыяналісты і палітычныя эліты застаюцца няроўнымі палітычнымі партнёрамі. Эліты імкнуцца і спрабуюць выкарыстоўваць некаторыя элементы ідэалогіі беларускага нацыяналізму і ўкараніць іх у сваю палітычную і адміністрацыйную практыку. У збліжэнні паміж элітамі і нацыяналістамі нацыяналісты апынуліся на другіх ролях, але гэтая сітуацыя не можа быць вызначана як стабільная. Аўтар мяркуе, што існуе некалькі магчымых сцэнарыяў развіцця сітуацыі.

Па-першае, улады могуць выкарыстаць нацыяналізм толькі ў сваіх палітычных мэтах і інтэграваць яго ў афіцыйны палітычны дыскурс настолькі глыбока, наколькі гэта будзе адказваць іх уласным інтарэсам - эліты ў гэтай сітуацыі стануць той сілай, якая будзе кантраляваць беларускі нацыяналізм, які ўзмоцніць свой уплыў у палітычным, культурным і інтэлектуальным жыцці Беларусі. Гэты сцэнар выгадны як элітам, так і нацыяналістам, але прэферэнцыі, якія атрымаюць абодва бакі, нераўназначныя.

Па-другое, магчымы і іншы сцэнар, але яго рэалізацыя ў бліжэйшай храналагічнай перспектыве здаецца малаверагоднай. Радыкальная актывізацыя беларускага нацыяналізму магчымая толькі ў выпадку змены палітычных элітаў, калі сучасныя неасавецкія эліты будуць заменены нацыянальнымі. Гэта справакуе хвалю нацыяналізацыі грамадскага, палітычнага, культурнага і інтэлектуальнага жыцця Беларусі. У гэтым выпадку нельга выключаць кампраміс паміж нацыяналістамі і часткай палітычных элітаў: недэмакратычны рэжым, які існуе ў Беларусі з сярэдзіны 1990-х гадоў, стварыў досыць эфектыўную сістэму кантролю і кіравання. Таму нельга выключаць гіпатэтычную магчымасць, што нацыяналісты захочуць выкарыстаць аўтарытарны дзяржаўны механізм для нацыяналізацыі рэжыму.

Па-трэцяе, магчымы яшчэ адзін сцэнар, які, як мяркуе аўтар артыкула, з'яўляецца найменш верагодным. Калі расійскія палітычныя эліты фарсіруюць працэс інтэграцыі, гэта прывядзе да ліквідацыі беларускай дзяржаўнасці, адмене дзяржаўнага статусу беларускай мовы, што справакуе непазбежны канфлікт элітаў і прывядзе да росту нацыяналізму. Паглыннанне Беларусі Расіяй

натхніць збліжэнне элітаў з нацыяналістамі, актуалізуе ролю беларускага нацыяналізму.

Завяршаючы артыкул, аўтар мяркуе, што неабходна нагадаць яго здагадку, прапанаваную ў яго манаграфіях 2011 і 2012 гадоў аб беларускам нацыяналізме: у выпадку пачатку ў Беларусі дэмакратычнага транзіту роля і значэнне нацыяналізму рэзка ўзрасце. Ступень праявы і ўплыву нацыяналістычных пачуццяў прагназаваць вельмі складана, але ў выпадку нацыяналістычнага выбуху ва ўмовах палітычнага транзіту адказнасць будзе ляжаць не на лідэрах і тэарэтыках беларускага нацыяналізму, але на сучасных палітычных элітах, якія праводзячы асіміляцыйную палітыку, фактычна ствараюць умовы для нацыяналістычнага адраджэння, наступствы якога могуць перасягнуць вынікі нацыянальных мабілізацый ва Украіне і дзяржавах Балтыі.

Библиографический список

1. Адамовіч А. Да гісторыі беларускае літаратуры / А. Адамовіч. – Менск.: ІП Зьміцер Колас, 2005. – 1464 с.
2. Апазіцыя Беларускага Народнага Фронту ў Вярхоўным Савеце Беларусі XII склікання: дакументы, факты, каментарыі / уклад. А.В. Кур'яновіча. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 800 с.
3. Балай С. В Минске появилось гигантское граффити с девушкой в вышиванке / С. Балай // Tut by медиа новости. – 2015. – 15 ноября [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tut.by/culture/472808.html?crnd=98518>
4. Беларуская палітычная сцэна і прэзыдэнцкія выбары 2006 году. Аналітычныя артыкулы / пад рэд. В. Булгакава і В. Сіліцкага. – Вільня: Інстытут Беларусістыкі, 2006. – 284 с.
5. Беларусь. Сцэнары рэформаў / рэд. Р. Вайнене, Э. Крулікоўска, Ю. Пласконка, У. Раманаў, А. Анціпенка, В. Булгакаў. – Менск: Фонд імя Сыцяпана Батуры. 2003. – 351 с.
6. Бракель А. Пад чырвонай зоркай і сваastyкай: Баранавіччына ў 1939 – 1944 гг. Заходняя Беларусь пад нямецкай і савецкай акупацыяй / А. Бракель. – Смаленск: Інбелкульт, 2018. – 486 с.
7. Булгакаў В. Беларусь 1994 – 2004 гг.: разбудова дзяржавы і перасьлед нацыі / В. Булгакаў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2012. – 118 с.
8. Булгакаў В. Гісторыя беларускага нацыяналізму / В. Булгакаў. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. – 331 с.
9. Булгаков В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс: Институт белорусистики, 2006. – 331 с.
10. Быць (або ня быць) сярэднеўрапейцам. Сучаснае польскае мысьленьне / пераклад В. Булгакаў. – Менск: Выдавецтва «Энцыклапедыкс», 2000. – 472 с.
11. Бярнацкі В. Паўстаньне Хмяльніцкага: Ваенныя дзеянні ў Літве ў 1648 – 1649 г. / В. Бярнацкі. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 183 с.
12. Вашкевіч А., Чарнякевіч А. 25 сакавіка: вытокі нацыянальнага сьвята / А. Вашкевіч, А. Чарнякевіч // АРСНЕ-Пачатак. – 2008. – № 3 (66). – С. 62 – 85.
13. Водчиц А. Семь доказательств того, что приходит бум на одежду с народной вышивкой / А. Водчиц // Салідарнасць. – 2014. – 29 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://gazetaby.com/post/7-dokazatelstv-togo-chto-prixodit-bum-na-odezhdu-s-narodnoj-vyshivkoj/84066/>

14. Вячорка В. Дзень Волі. Дзень Незалежнасці. Як называць галоўнае свята / В. Вячорка // Радыё Свабода. – 2017. – 26 сакавіка [Электронны ресурс]. – URL: <https://www.svaboda.org/a/dzien-voli-ci-niezalezznasci/28391606.html>
15. Геапалітычнае месца Беларусі ў Эўропе і свеце / пад рэд. В. Булгакава. – Варшава: Wyższa Szkoła Handlu i Prawa im. Ryszarda Łazarskiego w Warszawie, 2006. – 242 с.
16. Гімжаўскас Э. Беларускі фактар пры фармаванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. / Э. Гімжаўскас. – Менск: Інбелкульт, 2013. – 217 с.
17. Дарыюш К. Полацк 1579 / Д. Купіш. – Менск: «ARCHE», 2011. – 138 с.
18. Дубоніс А. Лейці вялікага князя літоўскага: з гісторыі ранніх дзяржаўных структур літоўскага грамадства / А. Дубоніс. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 146 с.
19. Зотов В. Батькины нацисты. Белорусские правые зачищают страну от России. Лукашенко не против // Лента.ру. – 2018. – 3 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2018/04/03/belonazi/>
20. Зотов В. Не опять, а снова. Повторит ли Белоруссия путь Украины, запрещая русский язык / В. Зотов // Лента.ру. – 2017. – 1 июня [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/01/mova/>
21. Кирчанов М.В. «Верим, можем, переможем»: проблемы интеллектуальной истории белорусского национализма / М.В. Кирчанов. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 408 с.
22. Кирчанов М.В. Интеллектуальная история белорусского национализма. Краткий очерк / М.В. Кирчанов / под ред. А.Е. Тараса. – Смоленск: «Посох», 2011. – 212 с.
23. Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Смаленск: Інбелкульт, 2013. – 368 с.
24. Лоциц В. Белорусский национализм и конец эпохи Лукашенко / В. Лоциц // EA daily. – 2018. – 6 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/03/06/beloruskiy-nacionalizm-i-konec-epohi-lukashenko>
25. Луцкевіч А. Барацьба за вызваленне / А. Луцкевіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. – 650 с.
26. Мартинович В. Озеро радости / В. Мартинович. – М.: Время, 2016. – 416 с.
27. Мартинович В. Паранойя / В. Мартинович. – М.: АСТ, 2009.
28. Марціновіч В. Мова / В. Марціновіч. – Менск: 34mag, 2014. – 264 с.
29. Марціновіч В. Ноч / В. Марціновіч. – Менск: 34mag, 2018. – 411 с.
30. Марціновіч В. Сфагнум / В. Марціновіч. – Менск: 34mag, 2013.
31. Марціновіч В. Сцюдзёны вырай / В. Марціновіч. – Менск: 34 mag, 2011.
32. Мечысловас Ю. Грунвальдская бітва / Ю. Мечысловас. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 242 с.
33. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918 – 1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці / Д. Міхалюк. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 496 с.
34. Навумчык С. Які дзень дзяржаўнасці нам патрэбны / С. Навумчык // Радыё Свабода. – 2019. – 20 красавіка [Электронны ресурс]. – URL: <https://www.svaboda.org/a/29893383.html>
35. Найноўшая гісторыя беларускага парлямэнтарызму / пад рэд. В. Булгакава. – Менск: Аналітычны Грудок, 2005. – 321 с.
36. Насевіч В. Беларусы: станаўленне этнасу і нацыянальная ідэя / В. Насевіч. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 526 с.
37. Палітычная гісторыя незалежнай Беларусі (да 2006 г.) / пад агульнай рэд. В. Булгакава. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2011. – 1228 с.
38. Плахій С. Рускі Вавілон: Дамадэрныя ідэнтычнасці ў Расіі, Украіне і Беларусі / С. Плахій. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 300 с.

39. Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст.: Склад – структура – улада / Р. Пятраўскас. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 386 с.
40. Ровда Н. Игорь Случак перессорился с полиинтернета из-за больного подростка, назвавшего белорусский язык «мертвым» / Н. Ровда // Наша ніва. – 2017. – 23 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=191110&lang=ru>
41. Роўэл С. Уздым Літвы: паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295 – 1345 / С. Роўэл. – Мінск: Медысонт, 2015. – 423 с.
42. Рэйн Л. Каралі і пешкі: калабарацыя ў Беларусі ў час Другой сусветнай вайны / Л. Рэйн. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 443 с.
43. Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2013. – Т. 20. – Сш. 1 – 2 (38 – 39). – С. 173 – 188.
44. Сагановіч Г. Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках яе гісторыкаў / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1 – 2 (32 – 33). – С. 225 – 229.
45. Сагановіч Г. Дзесяць гадоў беларускай гістарыяграфіі (1991 – 2000) / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2001. – Т. 8. Сш. 1 – 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/henadz-sahanovich-dzesyac-gadov-belaruskaj-gistaryyagrafii-1991-2000/>
46. Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1 – 2 (36 – 37). – С. 213 – 238.
47. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1 – 2 (32 – 33). – С. 89 – 116.
48. Сагановіч Г. Чаму ў БССР не было гістарычнага часопіса / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2017. – Т. 24. Сш. 1 – 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/genadz-saganovich-chamu-u-bssr-ne-bylo-gistarychnaga-chasopisa/>
49. Сіліцкі В. Адкладзеная свабода: посткамуністычны аўтарытарызм у Сербіі і Беларусі / В. Сіліцкі. – Вільня: Беларускі калегіум, 2012. – 130 с.
50. Сіліцкі В. Адкладзеная свабода: Посткамуністычны аўтарытарызм у Сербіі і Беларусі / В. Сіліцкі // Arche. – 2003. – № 3 (26). – С. 124—142; 2003. – № 4 (27). – С. 224—240; 2003. – № 5 (28). – С. 278 – 288.
51. Сіліцкі В. Беларусь: анатомія прэвэнтывнага аўтарытарызму / В. Сіліцкі // Arche. – 2007. – № 10 (61). – С. 44 – 69.
52. Сіліцкі В. Дагнаць і перагнаць Еўропу. Новая логіка лукашэнкаўскай трансфармацыі / В. Сіліцкі // Arche. – 2008. – № 6 (69). – С. 5 – 15.
53. Сіліцкі В. Доўгая дарога ад тыраніі: посткамуністычны аўтарытарызм і барацьба за дэмакратыю ў Сербіі і Беларусі / В. Сіліцкі. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 368 с.
54. Сіліцкі В. Памятаць, што дыктатуры руйнуюцца / В. Сіліцкі // Arche. – 2006. – № 7 – 8 (47 – 48). – С. 5 – 16.
55. Сіліцкі В. Русіфікацыя + каланіялізм = грамадзянская нацыя? Сацыялогія моўна-культурнага пытання ў Беларусі / В. Сіліцкі // Arche. – 2011. – № 1 – 2 (100 – 101). – С. 11 – 35.
56. Сіліцкі В., Казакевіч А. Беларусь: ні Эўропа, ні Расея. Меркаваньні беларускіх эліт / В. Сіліцкі, А. Казакевіч / пад рэд. В. Булгава. – Варшава: Выдавецтва „ARCHE”, 2006. – 260 с.
57. Станкевіч А. З Богам да Беларусі. Збор твораў / укл., нав. рэд., камэнт., прадм. Алесь Пашкевіч, Андрэй Вашкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. – 1098 с.
58. Станкевіч С. Беларускія элементы ў польскай рамантычнай паэзіі / С. Станкевіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 211 с.
59. Станкевіч Я. Крыўя-Беларусь у мінуласьці. Гістарычныя творы / Я. Станкевіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 769 с.
60. Тозик А. Это будет ужасно, если мы потеряем язык / А. Тозик // Наша ніва. – 2014. – 17 октября [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=137241&lang=ru>
61. Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня. Інстытут беларусістыкі, 2008. – 902 с.

62. Хрышчэнне нацыі. Масавыя акцыі 1988 – 2009. – Беласток – Вільня – Мінск: Інстытут беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, Палітычная сфера, 2011. – 576 с.
63. Шведовіч В. «Тот комментарий был глупостью» — экс-милиционера в Гомеле осудили за оскорбление белорусского языка/ В. Шведович // Наша ніва. – 2017. – 1 января [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=184386&lang=ru>
64. Шведовіч В. Игорь Случак, добившийся наказания за оскорбление белорусского языка: «Мова сама сябе абараніць не можа» / В. Шведовіч // Наша ніва. – 2017. – 29 января [Электронный ресурс]. – URL: <https://nn.by/?c=ar&i=184448&lang=ru>
65. Штогадовае Пасланне Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі беларускаму народу і Нацыянальнаму сходу Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tvr.by/bel/events/sobytiya/ezhegodnoe-poslanie-prezidenta-respubliki-belarus-a-g-lukashenko-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu/>
66. Шумскі Я. Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944 – 1953 г.). Прапаганда і адукацыя на службе ідэалогіі / Ян Шумскі. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 326 с.
67. Юринцев П. Тянет на красное. Как официальный Минск использует вышиванку для национальной мобилизации / П. Юринцев // Лента.ру. – 2016. – 6 мая [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/06/vishivanka/>
68. Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі / Л. Юрэвіч. – Менск: Рэдакцыя часопісу АРСНЕ «Пачатак», 1999. – 256 с.

НАЦИОНАЛИЗМЫ ВОСТОКА

ХИНДУТВА КАК ФОРМА ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. В данной статье автор анализирует исторические предпосылки индийского национализма и его развитие на современном этапе. предполагается, что основные идеи национализма были заложены во времена колониального периода и отражали мнение британской империи касательно истории Индии. В настоящее время идеи активно используются правящими кругами для достижения своих интересов.

Annotation. In this article the author analyzes the historical background of Indian nationalism and its development at the current stage. It is assumed that the main ideas of nationalism arose far back in the colonial period and represented the views of British empire regarding the history of India. In today's India these ideas are extensively used by political elite to achieve their goals.

Ключевые слова. Индия, национализм, хиндутва, политика моды, реформа образования, винаяк саварка, бхаратия джаната парти

Key words and phrases. India, nationalism, hindutva, the policy of modi, education reform, vinayak savarkar, bjp

Постановка проблемы. Национализм как концепция появился в Европе на рубеже 18 и 19 веков и вплоть до 20 века оставался прерогативой исключительно европейской культуры. Все изменилось в начале 20 века, когда национальное сознание распространилось на все континенты и ознаменовало собой начало колониальной борьбы. Исторически национализм считался силой прогресса, поскольку в борьбе за национальную идентичность многим народам удалось нанести на карту мира абсолютно новые государства. Эти «войны за национальное освобождение» начались с латинской Америки, способствовали появлению на Балканах новых государств, а после второй мировой войны охватили Азию и Африку. Таким образом, национализм уничтожил старую империалистическую систему и дал толчок к экономическому, культурному и политическому развитию ранее не существовавшим или не имеющим самостоятельности нациям.

Вскоре стало очевидно, что национализм имеет и обратную сторону. В ситуациях, когда народ излишне сильно ассоциирует свою национальность с государством, его лояльность может быть использована для продвижения идеи национального господства. Именно эта ситуация наблюдается в последнее время в современной Индии. Среди важнейших условий успешности ее национально-освободительного движения являлось развитие индийского национализма. Именно он, начиная с 1920-х годов становился опорой тех, кто стремился к независимости страны.

Хиндутва. В основе этой борьбы лежит хиндутва – националистическая идеология, идеей которой служит объединение индусов. Термин хиндутва был введен Винаяком Саваркаром. Он признается отцом индуистского национализма, идеологии, которая является приоритетной для правящей

партии Бхаратья Джанаты. Борец за свободу, индеец Винаяк Дамодар Саваркар (1883-1966) еще будучи студентом колледжа начал призывать к колониальной борьбе. В 1921 году, находясь в тюрьме, Саваркар написал книгу, которая впоследствии стала основным текстом индуистского национализма: «хиндутва. кто такой индус?»

Именно через эту публикацию он популяризировал термин hindutva как национальную идентичность, которую он позиционировал чем-то более широким, чем индуизм. Его главная идея заключается в том, что индусы- нация, связанная не только культурой, но и географией, происхождением и историей. индийские мусульмане и христиане, по его мнению, являются потомками новообращенных из индуизма. Чтобы стать частью нации, им необходимо вернуться к первоначальной религии и начать рассматривать индию не только как свою родину, но и как свою святую землю. Таким образом, для сторонников хиндутвы определяющую роль в признании человека «своим» играла не этническая или национальная идентичность, поскольку, скажем, индийцы-мусульмане или индийцы-христиане рассматривались как чужеродные группы, а принадлежность к индийской культуре [10]. На первый взгляд, хиндутва - это очень всеобъемлющее понятие, направленное на ассимиляцию меньшинств. но на практике, этого не было даже на начальных этапах становления национализма. В настоящее время в национальной политике страны прослеживается к формированию национальной идентичности в контексте религиозных взглядов, согласно которым индия является исключительно страной индусов. История, рассматриваемая индуистским религиозным национализмом в его воплощении как хиндутва, является повествованием о том, что индусы были исконными жителями земли, позже известной как британская индия, и, следовательно, законными наследниками прошлого. согласно ей, когда-то у индусов было великое и славное прошлое, которое было разрушено мусульманскими завоевателями. следовательно, создание индуистского государства проектируется как законное возвращение к законному наследству.

Хиндутва на современном этапе. Выборы нарендры модии и его партии бхаратия джаната, или бдп, в 2014 году привели к возобновлению попыток переписывания истории индии с целью легитимизации индуистской националистической идеологии. Первые попытки переписать историю также связывают с периодом правления бдп в 1999-2004 годах. История партии тесно связана с раштрия сваямсевак сангх - индуистской националистической организацией, берущей свое начало в 1925 году и придерживающейся крайне правых взглядов. Именно с деятельностью данной организации и связывают распространение идей хиндутвы.

В январе 2018 года правительство индуистского националистического премьер-министра Нарендры Моды назначило комитет ученых, работа которых будет заключаться в пересмотре истории: поиске доказательств того, что сегодняшние индусы являются прямыми потомками первых жителей земли. Для этого привлекаются археологические находки, днк, древние индийские писания, которым в настоящее время уделяется пристальное внимание. Целью является замена исторически принятой точки зрения о том, что современная индия является мульти национальной страной, сложившийся в результате миграций, нашествий и религиозных обращений. данная точка зрения имеет под собой основания, так как согласно статике мусульмане и представители других конфессий составляют около 20%, или пятую часть населения [7], но не является популярной у нынешней власти. Правящая партия склонно поддерживать идею о том, что сегодняшнее индуистское население напрямую происходит от первых жителей земли. Историк Ромила Тапар говорит, что вопрос о том, какая нация является первой, важен для националистов, объясняя это тем, что: «если индусы хотят иметь первенство как граждане в индуистской раштра (королевство), их основополагающая религия не может быть импортированной»[13].

68

В дебатах активное участие принимает ррс, лидеры которой, с отсылкой на теорию саваркара полагают, что предки всех людей индийского происхождения - включая мусульман - были индуистами и что они должны принять свое общее происхождение как часть бхарат мата, или матери индии. Ссылаясь на символический цвет индуистского националистического движения, пресс-секретарь rss манмохан вайдья заявил, что «истинный цвет индийской истории - шафран, и для того, чтобы добиться культурных изменений, необходимо переписать историю»[2].

Нельзя не отметить, что эти попытки в первую очередь распространяются на школьное образование. начиная с 2005 года в стране проводится ряд реформ, направленных на улучшения качества среднего и высшего образования[9]. В соответствии с изменениями, в 2011 году государственный институт исследований и обучения в области образования, и благотворительный отдел icici bank, фонд инклюзивного роста icici, совместно запустили «программу реформы школьного и педагогического образования» в раджастане. одной из его основных целей была разработка учебников[14]. Новые учебники были введены в школах в 2016 году и уже встретили ряд критики. Группа педагогов и ученых, проанализировав новые учебники по ряду критериев, которые включали достоверность прилагаемых знаний, степень научности информации и отсутствие гендерных стереотипов пришли к выводу, что учебники не отвечают принятым стандартам. Было отмечено, что новые учебники опираются на индуистское мажоритарное воззрение и игнорируют

идентичности национальных меньшинств. наука объясняется историями из индийской мифологии, и не подтверждается какими бы то ни было научными фактами, в каждом учебнике по математике от 3 до 8 класса есть глава о ведической математике. Целью многих книг является желание привить детям национализм и безоговорочное уважение к вооруженным силам.

Школьная программа строиться на религиозных сюжетах. Так в учебнике по хинди за 5 класс содержится письмо, в котором корова объявляет себя поставщиком «силы, мудрости, долголетия, здоровья, счастья, процветания и славы», призывает детей служить ей и защищать ее, и подписывает «ваши, камдхену гаумата».

Исторические факты также были искажены. так, во многих учебниках была намеренно принижена роль мусульман в исторических событиях индии. б. р. амбедкар и бирса мунда признаны известными индийцами, но представление о личности далитов и адиваси искажено. Ниведита виджай бедадур, который анализировал учебники английского языка для шикша вимарш, отметил, что в этих историях племенные и сельские общины представлены самоотверженными. «В учебниках есть три урока о племенах, маргинальных народах [для классов 6, 7 и 8], и все три требуют, чтобы племена пожертвовали собой и своими детьми или подвергли себя серьезной опасности ради богатых или сильных». В учебнике 7 класса итоги битвы при халдигати, в которой император великих моголов акбар победил рана пратап из мевара, представлены как полная противоположность принятой исторической точки зрения.

В учебниках также опущена критика кастовой системы. «Эндогамия поддерживается, потому что она ведет к чистоте крови».из учебных пособий для 9 класса были убраны целые главы, посвященные кастовым конфликтам[6].

Патриотизм ассоциируется с уважением к вооруженным силам и часто связан с принятием насильственной смерти во имя нации. в учебнике хинди 3-го класса рассказана история «сахаси балика», в которой семилетняя девочка майна, представленная как дочь наны фаднавис, отправляется на костер, так как жаждет «независимости для страны». фаднавис был исторической личностью, служителем маратхи 18-го века, который сопротивлялся продвижению ост-индской компании, но историчность описанного эпизода сомнительна[4].

Наряду с этим попустительство со стороны властей приводит к сегрегации религиозного меньшинства.

В последние пять лет в индии наблюдается рост уровня преступлений на почве ненависти, зачастую религиозных нападениях, совершаемых индусами против мусульман. Модии подвергся критике за то, что он замалчивает эти преступления, а лидеры партии все чаще поднимают антимусульманские темы.

Так в начале августа правительство индии объявило, что оно отменяет статьи 370 и 35-а конституции индии, которые на протяжении семидесяти лет предоставляли штатам джамму и кашмиру, населенным в значительной мере мусульманским населением, значительную автономию[5]. Совсем недавно индия отказала в гражданстве двум миллионам индийцев, проживающим в штате ассам на востоке индии, исторически заселенным мусульманами[1]. Национализм моди, как и многие другие агрессивные разновидности, имеет некоторые авторитарные оттенки. Правительство моди преследовало активистов и адвокатов оппозиции, обвиняло протестующих студентов в подстрекательстве к мятежу, а также на время заморозила счета таких крупных европейских компаний, как «гринпис» и «амнистия»[3].

И теория двух наций, и теория арийского происхождения уходят корнями в колониальную интерпретацию истории индии в XIX веке. нынешняя история страны создавалась британской империей и в ее интересах. На этом этапе построение национализма велось путем объединения многих идентичностей в одну общность. Это положило начало индийскому национализму и религиозной вражде индусов и мусульман. колониальная теория строится на трех аспектах. Первым является периодизация. Джеймс милль в «истории британской индии» (1817–1826) почти двести лет назад разделил историю индии на три периода, сделав это с опорой на религиозный фактор: индуистская цивилизация, мусульманская цивилизация и британский период. его теория была основана на том, что индийское общество всегда состояло из двух противоборствующих монолитных религиозных общин: индусов и мусульман. разделение было поддержано предположением, что единицами индийского общества всегда были монолитные религиозные общины - прежде всего индуистские и мусульманские, которые были взаимно враждебными. считалось, что доминирующее положение в государстве играла не власть, а именно религия. в соответствии с представленной теорией, британцы позиционировали себя как освободителей индийской цивилизации от мусульманского гнета. С опорой на перепись населения 1882 года, главным критерием нации для которой служила религия, индусы были определены как несравненное большинство. В число индуистов также были включены представители буддизма и джайнизма. Остальные общности были признаны меньшинством [12]. Данная интерпретация положила начало конфликту, который продолжал углубляться с течением времени.

Второе утверждение было основано на вере британцев в то, что индийская доколониальная модель развития представляла собой восточный деспотизм, что обуславливало статичность индийского общества и неизменность индийских институтов. статическое общество означало, что в нем отсутствовало чувство истории.

Третий аспект заключался в том, что индуистское общество всегда было разделено на четыре основные кастовые группы - варны. Утверждалось, что это разделение основывалось на том, что индийское общество представляет собой совокупность сегрегированных рас, а каста - это механизм, который контролирует сегрегацию через свод правил, определяющий функционирование общества. В связи с набирающей в то время популярностью «наукой о расе», понятие касты было соотнесено колониальными учеными с арийскими основами индийской цивилизации. сделано это было для того, чтобы с научной точки обосновать историческую связь народа метрополии и колонии. Даже не смотря на то, что это точка зрения не раз опровергалась экспертами, она остается популярной у индийских националистов как доказательство их преимущества над мусульманами [12].

Колониальные историки утверждали, что для изучения истории колонии применяются лишь рациональные критерии. но, по сути, они навязывали историю, которая оправдывала бы колониальное господство. их предрассудки, подкреплявшиеся установленной исторической хронологией, и определяли трактовку истории. Колониальные историки опирались на тексты, отражающие элитно-кастовые взгляды индийского общества, и распространяли его на все общество. И хоть многие из этих теорий и были поставлены под сомнение, они положили начало формированию определенного самосознания народов современной индии, что впоследствии привело к образованию и дальнейшему усилению национализма[11].

Выводы. В заключение хотелось бы отметить, что политическая власть хоть и играет роль в национализации индии, но опирается она на историческое прошлое, описанное британскими колонизаторами. Идеи хиндутвы и национализма не получили бы такой популярности, если бы не имели под собой конкретных исторических фактов. Идеи об религиозной вражде индугов и мусульман, а так же о том, что индия является страной происхождения арийского народа были импортированы извне и внедрены в сознание индугов не в последние несколько десятков лет, а гораздо раньше - в период британской колониальной системы. Термин хиндутва был введен как попытка объединения коренного населения против владычества британской империи на полуострове. существующая власть всячески развивает и пропагандирует исторически сложившиеся концепции, пытаясь с их помощью объединить разрозненные языковые и культурные общности, проживающие на территории страны на протяжении сотен лет, в единую нацию.

Библиографический список

1. a mass citizenship check in india leaves 2 million people in limbo [электронный ресурс]. – url.: <https://www.nytimes.com/2019/08/31/world/asia/india-muslim-citizen-list.html>
2. by rewriting history, hindu nationalists aim to assert their dominance over india [электронный ресурс]. – url.: <https://www.reuters.com/investigates/special-report/india-modi-culture/>
3. greenpeace and amnesty accuse indian government of 'smear campaign' [электронный ресурс]. – url.: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/25/greenpeace-and-amnesty-accuse-indian-government-of-smear-campaign>
4. inspired by the rss, dictated by bjp minister: the inside story of rajasthan's textbook revisions [электронный ресурс]. – url.: <https://scroll.in/article/901314/inspired-by-the-rss-dictated-by-bjp-minister-the-inside-story-of-rajasthans-textbook-revisions>
5. kashmir special status explained: what are articles 370 and 35a? [электронный ресурс]. – url.: <https://www.aljazeera.com/news/2019/08/kashmir-special-status-explained-articles-370-35a-190805054643431.html>
6. ncert is removing caste conflict chapters from class 9 history textbooks for hrd ministry exercise [электронный ресурс]. – url.: <https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/ncert-is-removing-caste-conflict-chapters-from-class-9-history-textbooks-1481496-2019-03-19>
7. religion census 2011: all india religion census data 2011 [электронный ресурс]. – url.: <https://www.census2011.co.in/religion.php>
8. romila thapar. reporting history: early india// social scientist. 2012. vol. 40. no. 7/8. p. 31-42
9. salient features of national curriculum framework 2005 [электронный ресурс]. – url.: <https://johnparankimalil.wordpress.com/2015/11/09/salient-features-of-national-curriculum-framework-2005/>
10. savarkar had many faces – but hindutva has only one [электронный ресурс]. – url.: <https://scroll.in/article/939737/savarkar-had-many-faces-but-hindutva-has-only-one>
11. the colonial roots of hindutva 'nationalism' [электронный ресурс]. – url.: <https://www.outlookindia.com/magazine/story/the-colonial-roots-of-hindutva-nationalism/297420>

- 12.trautmann th.r. reviewed work: aryans and british india // indian anthropologist. 1997. vol. 27. no. 2. p. 91 – 95.
- 13.why the hindu right hates one of india's most renowned historians [электронный ресурс]. – url.: <https://www.trtworld.com/opinion/why-the-hindu-right-hates-one-of-india-s-most-renowned-historians-29943>
- 14.bjp's major achievement in rajasthan: rewriting school textbooks to reflect rss worldview[электронный ресурс]. – url.: <https://scroll.in/article/901001/bjps-major-achievement-in-rajasthan-rewriting-schools-textbooks-in-the-rss-worldview>

«ЗАПАДНЫЙ ИСЛАМИЗМ» КАК ФОРМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Столкнувшись с растущим исламизмом на Западе, магрибские писатели выходят из тени, чтобы публиковать свои работы, целью которых является борьба с кризисом идентичности, с которым сталкивается сегодня общество. Одним из таких писателей является Буалем Сансаль, признанный за его работы по данной тематике, чей жизненный путь сильно повлиял на его точку зрения и позволяет рассуждать об исламизме исходя из личного опыта. В данной статье анализируется творчество данного автора и полезность его работ для понимания социально-политических подтекстов мира, в котором мы живем.

Ключевые слова: Франция, кризис идентичности, ислам, исламизм, миграционная политика, интеграция, Буалем Сансаль.

Faced with the growing Islamism in the West, Maghreb writers stepped out from shadow to publish their work, the purpose of which is to combat the identity crisis that society is facing today. One of these writers is Boilem Sansal, known for his works on this topic, whose life path had a strong influence on his point of view and allows us to talk about Islamism speaking from personal experience. This article analyzes the work of this author and the usefulness of his work for understanding the socio-political subtexts of the world in which we live.

Keywords: France, identity crisis, Islam, Islamism, migration policy, integration, Boilem Sansal.

74

Сегодня Запад подвержен явлениям способным поставить под угрозу судьбу его цивилизационных ценностей. «Свобода, равенство и братство» сейчас проходят проверку на прочность благодаря миграционной политике, привлечшей значительное число мигрантов, бегущих от экономического и политического кризиса в своих родных странах. Проблема заключается в нежелании или невозможности мигрантов измениться и принять чужие обычаи и порядки. Неинтеграция общин прибывающих из арабско-мусульманских стран послужила толчком для многих общественных дебатов, вызванных исламским фундаментализмом. Помимо прочего, стоит учитывать огромную роль религии в обычаях и нравах мусульман. Этот аспект является причиной того возникновения ассоциаций религиозной культуры с террористической группировкой.

Действительно, ислам в своей исламистской и салафистской версиях требует все больше власти и общественного вмешательства, пытается вводить новшества, в устоявшийся образ жизни, подрывая при этом основы западной цивилизации в попытке создать единую исламскую общину, однородную, могущественную и завоевывающую. В то время как жители и не подозревали, что происходит, исламизм тихо проникал все глубже, воспользовавшись геополитическими ошибками запада и арабской весной.

Для понимания роста воинствующего исламизма и представления его в литературной перспективе, необходимо рассмотреть современную беллетристику франкоязычных авторов стран Магриба и рассмотреть их

аргументы и свидетельства. Буалем Сансаль, известный за противоречивый характер его работ идеально подходит для этой цели. Рассмотрим роль ислама на западе в контексте кризиса идентичности и миграции, опираясь, главным образом, на работы Сансала, чтобы осветить различные стороны противостояния и религиозную основу.

Буалем Сансал родился 15 октября 1949 года в Тениет-эль-Хад, в Алжире, где продолжает жить и сегодня несмотря на риск и постоянные угрозы ему и его семье в беспокойной обстановке современного арабо-мусульманского мира. Свое решение остаться в Алжире он объясняет тем что если он будет жить во Франции, в безопасности, его труды будут иметь меньшую ценность и будут неспособны создать такой резонанс. Сансаль получил ученую степень по инженерии и докторскую степень по экономике, а в 1990 году начал работать в министерстве торговли Алжира, затем в министерстве промышленности. Также начинал карьеру в качестве учителя из-за чего был подвергнут давлению из за его радикальной позиции, противоречащей арабизации образования. Эта позиция повлияет на всю его дальнейшую карьеру и будет решающей в определении его будущего, поскольку он находится буквально в центре проблемы. Сансал начинает интересоваться написанием текстов после своего увольнения из министерства торговли, перешедшего во владение салафитской группировки. Исламизация страны очень сильно повлияет на его личную жизнь. В 1999 году он публикует свой первый роман «Клятва варваров», и в этом же году он удостоивается нескольких премий. Роман, выдающий себя за триллер рассказывает историю предназначенную, на самом деле, для критики Алжира 90-х годов. Это противоречивое произведение наполнено неутомимым описанием Алжира, которых так хорошо знаком автору. Сансал продолжает писать выражая в своем творчестве озабоченность кризисом идентичности алжирского народа, подвергшегося исламизации, рассказывает о жизни мужчин и женщин в условиях насильственного изменения привычного образа жизни. С 2006 по 2013 Буалем Сансал занимается эссеизмом и в 2013 году пишет книгу, имеющую невероятную задачу, предупредить западных людей о росте и опасности исламизма. Этот спорный комментарий принесет ему известность которая достигнет своего пика с выходом его следующей работы. «2084: конец света» книга 2015 года, будет признана лучшей книгой года по версии журнала «l'ige», и даст мощный толчок карьере автора. Антиутопия рассказывает читателю об амнезии народа, завоеванного тоталитарной теократией, и обо всех вытекающих из этого последствий: постоянным наблюдением за любыми действиями, абсолютным контролем правительства и неинтересной жизни. Вымышленный текст имеет преимущество в виде свободной позиции и позволяет легче вовлечь читателя в вопрос.

Благодаря своим книгам Сансаль приобрел известность и легитимность в литературном мире. «2084: конец света» становится знаковым романом, который опускает занавес лицемерной терпимости и ставит под сомнение западную идентичность, призывая начать осознанно бороться с подъемом исламизма.

Буалем Сансаль берет на себя роль разоблачителя пороков Алжирского общества. Писатель часто любит повторять слова одного своего друга: «Если ты говоришь, ты умрешь. Если ты не говоришь, ты умрешь. Так говори и умирай.» Он призывает других франкоязычных писателей, непосредственно заинтересованных в теме, также использовать письмо и речь, чтобы поддержать либертарианское движение. Трудность, если не почти законная невозможность для европейских авторов публично ставить под сомнение эти темы, не будучи обвиненными в расизме и исламофобии, естественно, заставляет европейское общество обратить внимание на то что говорят сами арабские авторы-мусульмане. Во первых потому что они имеют возможность говорить об их религии и самобытности из личного опыта, а также потому что публикуясь за рубежом, за пределами своих стран, где существует большая опасность быть арестованными или убитыми, они более свободны в своем творчестве.[1]

76

Невозможно обойти и роль французского языка в интересующем нас вопросе. Буалем Сансаль, также как и многие другие магрибские писатели, отказывается от использования простого английского, который, по их мнению, не в состоянии выразить всю их борьбу. Писатель не раз восхищался французским языком, ведь он является для него языком, символизирующим историю великих цивилизаций, передающимся из поколения в поколение, выражающий культуру и знания многих наций. Английский же является продуктом глобализации, иными словами, аморфный язык классифицируемый как «снобистский». Как говорит сам Сансаль: «Французский язык – это язык дипломатии, знаний и просвещения. Мы забываем что он происходит от латыни, греческого и арабского языков, он впитал в себя все источники что нашел на своем пути.» Важность языка также рассматривается в книге «2084: конец света», где писатель поднимает проблему языков в своей собственной стране, Алжире. Действительно, языковая ситуация в Алжире становится все более сложной, особенно из за его политико-религиозных действий. Французский язык, который до 1962 года, практиковался в повседневной жизни среднего алжирца, теперь ограничивается властями, что привело, по мнению Сансаля, к «очень серьезному регрессу». Теперь французский передается тайно среди интеллигенции страны. По мнению писателя, эта тайность, носит даже некий положительный эффект, так как французский стал языком сопротивления и надежды. В то время как навязывание арабского языка

глубоко и отрицательно ощущается в Алжирском обществе. Язык служит инструментом для промывания мозгов и обработки толпы и может оказывать большое влияние особенно на молодых людей. Поддержка языка ассоциирующегося с исламизмом и религиозным экстремизмом, который мы видим сегодня, преследование интеллектуалов и политических активистов ни приведет ни к чему хорошему. «Когда то Алжир говорил на трех языках, в идеальном рабочем состоянии, берберский, французский и арабский диалект. Но однажды утром, по указу, они были заменены и распущены, импортированы крупными торговцами и нам говорят, что это хорошо.»[2]

Франкоязычная литература Магриба может оказаться инструментом для ответов на вопросы о совместном существовании культур на Западе. Она может и должна оказывать культурное и политическое влияние, для защиты устойчивости Запада и его ценностей. Ибо огромное количество мигрантов и приносимая ими религия, которая настолько отличается, культурно и цивилизованно, от религий в западной культуре, должна адаптироваться к новому образу жизни и быть открытой для дебатов. Но в то время как, например еврейский вопрос не является проблемой в христианском обществе, исламская община создает проблему при попытке ее интеграции в западную культуру. Литература это способ осветить данную проблему, которая только усугубляется.

Заставили ли теракты 2015 года Запад проснуться от сна терпимости, культурного и межкультурного разнообразия? Франция, страна с ярко выраженными светскими обычаями, приверженная демократической и республиканской концепциям, возникшим в годы революции, в тот год подверглась религиозному экстремизму, послужив театром действий для исламистских фундаменталистов. Исламизм раскрывает другую свою сторону, шокируя европейский мир своей жестокостью и хладнокровием. Именно потому что запад всегда строился и хотел быть светским, с открытым толерантным обществом, верховенством прав и свобод человека и было так сложно принять то что опасность исходила от двух неразрывно связанных между собой понятий, ислама и исламизма. Растущее присутствие исламизма сейчас вызывает бурные дебаты, затрагивающие Каран и его неоднозначную природу, одновременно мирную и агрессивную. Так, например Сура, одна из 114 глав Карана, призывает к миру и запрещает убийства, но в тоже время говорит сражаться со всеми неверующими в Аллаха и теми, кто не исповедует истинную религию. В этом отношении Каран, как и Ветхий завет передает неоднозначные сообщения. Но в то время как Библия допускает и даже требует толкования, Каран является словом Бога, снизошедшим на пророка Мухамеда и не подлежит толкованию и переосмыслению. Также следует упомянуть Хадисы, предание о словах и действиях пророка Мухаммеда, затрагивающие

разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины, которые можно изменять и интерпретировать, но они также очень противоречивы. Более того их часто переписывали, в соответствии с течениями каждой эпохи. Некоторые из них, как считается, являются выдумкой, придуманной для служения интересам той или иной группы. Кроме того существует Шариат, представляющий собой комплекс предписаний применимых к индивидуальной жизни каждого отдельного мусульманина, который также не может подвергаться сомнениям. Он отделяет хорошего благочестивого мусульманина от плохого и неприменим, как таковой, на Западе, где совершенно иной правовой режим. Также и мусульманину просто невозможно жить в мире обязывающем верить в фундаментальный либерализм и секуляризм.

Другой вопрос касается различных движений ислама. Сунниты, шииты, салафиты, хариджиты, йеменские зайди, алавиты из Сирии и другие. Это движения выражают культурное разнообразие ислама и являются причиной конфликтов внутри религии. Даже несмотря на согласованные аспекты, такие как, Каран и Последний день путь ведения джихада, борьбы за веру, у всех течений различается и может принимать довольно жесткое и радикальное направление. Если для салафитов джихад является индивидуальной обязанностью использовать оружие против любого неверного, то большинство других направлений представляют джихад мирно. И это действительно создает проблему, ведь невозможно сказать кто прав и кто мусульман больше чем другие.

Дискуссия о совместимости ислама с мирным демократическим существованием не умолкает как в средствах массовой информации на Западе, так и в литературе. Надежда вызванная «Арабской весной», 2011 года, была быстро разрушена прогрессом салафистских фундаменталистов. Бежавшие на Запад исламисты впервые сталкиваются с гражданскими ограничениями в выполнении своих заповедей, при том, что Шариат обязателен для выполнения каждым верующим. Сансаль считает что главный разрыв между исламом и республикой заключается в том что, для мусульман фраза «так сказано в Каране» закрывает любую дискуссию. Ислам, как религия, просто не позволяет интерпретировать его так, чтобы он соответствовал реалиям сегодняшнего дня. Единственный путь для обновления исламского мышления, как считает Сансаль, лежит в освобождении слова мусульман, чтобы каждый мог безопасно выражать себя как личность и гражданин.

Как далеко может зайти терпимость и можно ли начать диалог? Существует мнение что мусульмане в Европе пользуются мультикультуризмом чтобы заставить принимающие их страны адаптироваться к их религиозным обычаям. Эту точку зрения также выражает Буалем Сансаль в книге «Правление

во имя Аллаха» 2013 года. «Ислам оседает на Западе, тонко и искусно диктуя свою политику.» В каком то смысле, прогрессирующий исламизм извлекает выгоду из благих намерений западного населения, разрешая, например, строительство мечетей что, по мнению Сансала, является формой территориального завоевания. Ведь чтобы построить мечеть нужно освободить территорию и исламизировать ее, а уже после мечети становятся центрами распространения ислама. Время так же играет в пользу исламистов, давая им возможность социальных сетей передавать сообщения, получать гуманитарную помощь не говоря уже об оружии. Молодежь, также оказывается в опасности, забывая об общечеловеческих ценностях они привлекаются к исламу, а позже и к фундаментализму и в конце концов к терроризму. Эти молодые люди, в основном принадлежат ко второму и третьему поколениям мигрантов во Франции, которые уже имеют французское гражданство. Их недовольство становится почвой для роста исламизма, особенно в пригородах больших городов. В «Правление во имя Аллаха» Сансал указывает на неудачи попыток интеграции. В то время как первое поколение иммигрантов принимало свой статус эксплуатируемых в качестве дешевой рабочей силы и уважало западные законы и обычаи, второе и третье поколение уже видят в этом унижение. Эта концепция «унижения» станет одним из самых эффективных орудий исламизма, который будет использовать религию как ответ и решение кризиса идентичности переживаемого этими поколениями. Унижение, которое испытывают дети, видя как эксплуатируются их родители, провоцирует их и создает мощный рычаг, которым можно легко манипулировать предлагая религию как ответ и направляя их гнев на свои цели. «Занимаясь прогрессивными добрыми делами, Запад забывает о собственной истории, покровительствуя волне фанатизма о которой знает только лишь из фильмов».

В отличие от нескольких лет назад, сейчас исламизм, как и все что он в себя включает, больше не является запретной темой, и необходимость говорить об этом лишь растет. Но ее обсуждение все еще тормозится, так как тема, все еще деликатна и говорящий может быть обвинен в расизме или исламофобии. Буалем Сансаль бьет тревогу. Свобода слова в отношении ислама также эксплуатируется в Европе, простая формулировка слова Ислам автоматически блокирует все дискуссии или уводит разговор в более безопасное, привычное течение политкорректности. Это приводит к своего рода созданию «Берлинской стены» между исламом и любой его критикой. Именно это и показывает важность таких писателей, чьи слова свободны и необходимы для поддержания дискуссий и возобновления дебатов.

Биографический список

1. Article extrait de la revue Itinéraires et contacts de cultures, Paris, L'Harmattan et Université Paris 13, n° 27, 1° semestre 1999. Disponible sur <http://www.limag.refer.org/Textes/Iti27/Sebkhi.htm> [Consulté le 22 avril 2017]
2. . Boualem Sansal, entretien réalisé par Clément Balta, Le français dans le monde, n° 404, mars-avril 2016, « L'abilang, un mécanisme mental irrésistible ». [Consulté le 14 février 2017] [Электронный ресурс] –URL - https://issuu.com/fdlm/docs/le_francais_dans_le_monde_404
3. Boualem Sansal, entretien réalisé par Muriel Steinmetz, L'humanité, « L'anticipation est un genre littéraire très puissant », 1 octobre 2015. Disponible sur <http://www.humanite.fr/boualem-sansallanticipation-est-un-genre-litteraire-tres-puissant-585390> [Consulté le 13 mars 2017]
4. Boualem Sansal, entretien réalisé par Frédéric Pons, Valeurs Actuelles, « L'islamisme a remplacé l'islam », 20 janvier 2015. Disponible sur <http://www.valeursactuelles.com/apres-la-soumission-lacollaboration-50102> [Consulté le 13 mars 2017]
5. CONFÉRENCE DE BOUALEM SANSAL « 2084 LA FIN DU MONDE »
Autour de son ouvrage « 2084 La fin du monde »Grand prix du roman de l'Académie française 2015
6. « L'Algérie, médusée, regarde son président prendre le café à Paris », Le Monde. 16 juillet 2013. Disponible sur http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/07/16/l-algerie-medusee-regarde-son-presidentprendre-le-cafe-a-paris_3448537_3232.html [Consulté le 13 mars 2017]
7. « Mes chers compatriotes », L'Obs, revue littéraire appartenant au Le Nouvel Observateur. Publié le 8 février 2008. Disponible sur <http://bibliobs.nouvel.obs.com/essais/20060316.BIB0590/mes-cherscompatriotes.html> [Consulté le 12 janvier 2017]

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности японского национализма в исторической и современной перспективе. Особое внимание уделяется его развитию на современном этапе и тому, в каких формах он проявляется. Ключевая роль в работе отводится политике и действиям правящих кругов, которые можно рассматривать в националистическом ключе, а также реакции на это населения.

Ключевые слова: Япония, японский национализм, исторический ревизионизм, пересмотр 9 статьи Конституции, Синдзо Абэ.

Abstract. The article deals with the peculiarities of Japanese nationalism in the historical and contemporary perspective. Special attention is paid to its development at the present stage and to the forms in which it is manifested. The key role in the work is assigned to the policy and actions of the ruling circles, which can be viewed in a nationalist manner, as well as the reactions of the population to it.

Keywords: Japan, Japanese nationalism, historical revisionism, revision of Article 9 of the Constitution, Shinzo Abe.

81

Ввиду острого характера встающих на сегодняшний день национальных и этнических вопросов, проблема национализма становится особенно актуальной. Национализм – это доктрина и политическую практика, базирующуюся на понимании нации как основы государственности, хозяйственных и культурных систем [1]. Особый интерес представляет японский национализм, поскольку он имеет глубокие исторические корни, а на современном этапе его связывают с попыткой пересмотра «пацифистской» конституции, историческим ревизионизмом и ксенофобскими настроениями в обществе.

Рассматривая вопрос появления национализма с точки зрения модернистов, что и делают большинство авторов (например, Роберт Борген [6], Эндрю Дж. Экштейн [7]) можно утверждать, что складывание национализма в его современном понимании произошло после Реставрации Мэйдзи, а своего пика он достиг в 1938-45 гг., став ультра национализмом. С поражением Японии во Второй мировой войне и американской оккупацией (1945-52) национализм не исчез, он трансформировался. Социальная уникальность страны стала иметь больший вес, чем политическая. По причине этого лишь продолжился процесс, связанный с возникновением и исчезновением различных форм национализма. Существующий в различных формах, например, в культурной, экономической и пр., он обеспечивал стабильное развитие нации [15]. Но чтобы понять, что определяет японский национализм на современном этапе, необходимо проанализировать те аспекты, которые его формировали и в которых он проявляется сейчас.

Первым можно обозначить религию. По конфессиональному составу 91% населения составляют синтоисты, 72% - буддисты и 13% - представители других религий (менее 1% - христиан) [13]. Причем большинство относит себя как к синтоизму, так и к буддизму. Но здесь следует сосредоточиться именно на религии синто, национальной японской религии, оказавшей существенное влияние на процессы развития национализма. Так, после Реставрации Мэйдзи появился «Государственный Синто» (Kokka Shinto), концепция мировоззрения которого навязывалась всем японцам, активно распространяясь посредством средств массовой информации и общественных мероприятий. Важными составляющими этой новой формы синто стало почитание императора и идеология кокутай, которая стала плацдармом националистической пропаганды, так как содержала представление о превосходстве Японии над другими странами [4].

Что же касается правящей династии, император считался потомком верховной богини Аматэрасу, поэтому становился не только правителем страны, но и верховным жрецом Синто. Интересно, что этот и некоторые другие мифы, например, создание японских островов двумя синтоистскими богами Идзанаги и Идзанами изучались в школах как реальные исторические факты в довоенные период и в течении Второй мировой войны. После капитуляции страны синто потерял статус государственной религии. "Директива о синтоистах" (1945 г.) запретила государственное покровительство какой-либо религии [11].

Но нельзя сказать, что «Государственный Синто» никак не повлиял на современную религию, политику и образ жизни японцев. Некоторые его элементы сохранились, а именно: император как символ государства, государственные праздники и церемонии, основанные на традициях синтоистов, определённые ритуалы, связанные с вступлением нового императора по престол. Например, 14 ноября 2019 года состоялся ритуал Дайдзёсай, смысл которого заключается, в том, что император благодарит богов за благоденствие страны и народа [20]. Но если данный ритуал можно больше отнести к культурно-религиозному феномену, то, некоторые другие моменты сильно политизируются. Так, некоторые синтоистские святыни, такие как Ясукуни, играют большую роль в национальной памяти японцев, однако довольно спорную. Сложность заключается в том, что храм Ясукуни посвящен душам тех, кто отдал свою жизнь за свою страну, большинство из них – военнослужащие, в том числе военные преступники времен Второй мировой войны. Премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро посещал храм Ясукуни каждый год с 2001 по 2006 год. Он старался объяснить, что его визиты были мотивированы чувством "соболезнования, почитания и благодарности" по отношению к погибшим во время войны в целом, а не каким-либо побуждением

к прославлению милитаризма [23]. Тем не менее, это вызвало интенсивную реакцию со стороны восточноазиатских соседей Японии.

Следующий визит в храм, всколыхнувший китайские и корейские СМИ, был нанесен премьер-министром Синдзо Абэ в 2013 г., который назвал это антивоенным жестом, с чем не согласился Пекин и Сеул, объявив визит «абсолютно неприемлемым для китайского народа» и выразив «сожаление и гнев» соответственно [9]. Относительно этого визита проводились опросы общественного мнения, причем результаты разных опросов – несколько полярны. Так, по одному из них, проведенному телекомпанией TBS, 71,2% опрошенных поддержали решение премьер-министра, 28,8% - посчитали визит нецелесообразным, по другому, проведенному независимым информационным агентством Киодо Цусин, 43,2% - поддержали, 47,1% - нет [2].

Но стоит отметить, что в 2018 г. Синдзо Абэ со всем кабинетом министров воздержался от посещения храма, так как многие считают его символом милитаризма, и это могло помешать попыткам улучшить отношения с Китаем, куда он отправлялся на дипломатическую встречу. В то же время это не помешало посетить святилище 71 депутату, в том числе членам правящей Либерально-демократической партии [10].

Как видно, неоднозначные вопросы, связанные с прошлым страны и с определенными действиями правительства, могут легко политизироваться и восприниматься как национализм. Но наиболее яркими его проявлениями является фальсификация и замалчивание исторических фактов, альтернативная их интерпретация, что характеризует исторический ревизионизм. Сформировалось мнение, что правительство использует историческую память о Второй мировой войне, но не как о войне, в которой Япония была государством-агрессором, а о той, в которой национальные герои защищали суверенитет и независимость своей Родины.

Так, исторический ревизионизм распространяется посредством системы образования, в частности, учебников истории. В них избегают или преуменьшают наиболее острые события военных лет и пишут о них довольно мало. Например, одна страница может быть посвящена японо-китайской войне, начавшейся в 1937, включая лишь одну строчку в сноске, посвященную Нанкинской резне, в которой японские военнослужащие совершали массовые убийства гражданского населения, или одна строка – о гражданах Кореи и Китая, которые были привезены в Японию для работы на шахтах во время войны, одна строка – о «женщинах для утешения» («comfort women») [12], а описание колониального правления на Корейском полуострове уже в список освещаемых вопросов не входит. Более того, согласно другому источнику, школьные учебники по истории для средней школы от компании "Манабиша" (начала свою деятельность в 2015 г.), написанные группой школьных учителей,

единственные учебные пособия, затрагивающие тему «женщин для утешения», которые используются с 2016 г., причем занимают они лишь 0,5% рынка школьных учеников. До этого (2011 г.) основные издательства подвергли эту тему цензуре [21].

Однако, несмотря на это, согласно исследованию Центра азиатско-тихоокеанских исследований Стэнфордского университета «Расколота память и примирение», учебники истории в Японии не написаны в духе национализма. В них идет изложение исторических фактов и доводится идея, что империалистическая экспансия Японии – основная причина войны в Азии. Именно это вызвало желание ревизионистов избавиться от такого «мазохистского» отношения к прошлому страны. В ходе исследования рассматривались только самые распространенные учебники, ими стали учебные пособия издательства «Ямакава Сяппанся» [16]. И это не означает, что нет пособий более радикального толка. Наоборот, количество ревизионистских учебников растёт, особенно сейчас при правлении Синдзо Абэ. Доля таковых от издательства Икухоша выросла в 1,6 раз, до 6,3% от всех исторических учебников Японии [21].

Также растет роль патриотического образования, которая связана как с образовательным процессом, так опять же с требованиями к учебным пособиям. Во время своего первого срока полномочий в 2007 году Синдзо Абэ и его кабинет (многие из которых принадлежат националистической организации "Ниппон Кайги") изменили Основной закон об образовании (Fundamental Law of Education) и потребовали от школ прививать детям любовь к своей стране. Недавно введенные указания требуют, чтобы школьные учебники соответствовали официальным взглядам. Так, спорные территории (например, острова Сэнкаку (яп.) или Дяоюйдао (кит.)) должны называться только по-японски. С апреля 2018 года нравственное воспитание включено в обычную учебную программу начальной и младшей средней школы [17]. Долгое время это оставалось неонационалистической целью, которая подвергалась критике, ведь, это воспринимали как шаг к возрождению дисциплины Шушин (Shūshin, моральная тренировка), которая существовала ещё в довоенной Японии [21].

Острым остаётся вопрос о стремлении японского правительства к пересмотру 9 статьи Конституции, предполагающей отказ государства от собственной армии и участия в войнах Эта статья гласит: «...никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны» [3]. Конституция была принята в 1947 г. не без помощи американской военной оккупационной администрации, разработавшей её проект. Но с началом Корейской войны в Японии под давлением США был поставлен вопрос о формировании вооруженных сил самообороны, которые и были созданы в 1954 году. Существующие на сегодняшний момент Силы

самообороны (Self-Defense Forces), которые могут похвастаться одним из крупнейших оборонных бюджетов в мире, рассматриваются как потенциальная военная сила. Поэтому многие ученые считают её неконституционной, в то время другие эксперты и представители правительства уже давно утверждают обратное. Синдзо Абэ и ЛДП давно хотели добиться пересмотра статьи, с тем чтобы Япония могла в полной мере осуществлять право на коллективную самооборону, как это определено в статье 51 Устава Организации Объединенных Наций [5]. И в связи с сильной позицией населения о сохранении существующего статуса Сил самообороны, сейчас премьер-министр планирует лишь добавить в статью 9 третий абзац, который бы четко определял правовой статус Силы самообороны. Утверждается, что это не изменит ни одного правового ограничений, налагаемого в настоящее время на военные операции, а лишь поставит точку в долгих спорах о его конституционном статусе. Однако никаких конкретных формулировок для поправки правящая партия не предлагает. Это вызывает беспокойство экспертов и оппозиции, так как в зависимости от формулировки поправка может привести к резкому расширению правового поля деятельности Сил самообороны. Некоторые депутаты хотят вовсе отменить вторую часть 9 статьи, оставив первую, ведь она лишь обязывает Японию отказаться от права «применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров [3]», но это не запрещает стране участвовать в войне в целях "самообороны". Поэтому исключение второго пункта, по их мнению, позволило бы Японии в полной мере реализовать право на коллективную самооборону [22].

Однако стоит отметить, что правительство ведет себя осторожно касательно вопроса о пересмотре Конституции. Одной из причин может служить общественное мнение. В 2017 году опрос телерадиокомпании NHK показал, 82% респондентов "гордились действующей Конституцией, закрепляющей идею пацифизма"[14]. Опрос (2016 г.), касающийся конкретно пересмотра 9 статьи, показал: 39,2% считают, что нет необходимости что-то менять, процент тех, кто выступает за изменения ниже - 22,1%. Более половины тех, кто полагает, что изменения нужны, в качестве причины подчеркнули «необходимость чётко прописать в конституции обладание военной силой, необходимой для самообороны (55,1%) [19]. В 2017 прошел митинг против пересмотра конституции, на котором собрались около 55 000 человек. Это свидетельствует о неготовности граждан страны принять радикальные перемены, связанные с этим вопросом.

Нельзя не отметить наличие ксенофобских настроений в обществе, о чем свидетельствуют антикитайские и антикорейские выступления. Их первопричину видят в нестабильных отношениях государства со странами

Восточной Азии [18]. Однако есть и обратная сторона: проводились митинги против расизма, шовинизма и антикорейских движений.

Таким образом, японский национализм – феномен, который, главным образом, отражает взгляды политической элиты, активно их распространяющей. Хотя отмечают либерализацию политического курса (например, Иммиграционный закон [8], целью которого является привлечение иностранных рабочих), не вписывающиеся в определение «правого поворота», многие действия правительства, рассмотренные в статье, говорят об обратном. Проникновение исторического ревизионизма в учебные пособия, введение патриотически-ориентированного воспитания в школах, посещения неоднозначной синтоистской святыни как символа национальной памяти, что вызывало негативную реакцию соседних государств, создают образ того, что национализм играет все большую роль в развитии страны. В то же время неоднозначна позиция населения, так как наблюдается рост антисемитских настроений, с одной стороны, и протесты против национальной нетерпимости и изменения «пацифистской» конституции – с другой. В любом случае, слишком рано говорить о победе националистических сил в стране, так как исходящие от них идеи не находят отклика у всего японского общества.

Библиографический список

1. Кожевников В. В. Национализм во внешней политике Японии на современном этапе: миф или реальность // Вестник ДВО РАН. 2013. №1 (167). С. 141-147. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20841127>
2. Кожевников В. В. Синто и национализм в Японии (проблема храма Ясукуни) // Вестник ДВО РАН. 2014. №4 (86). С. 166-179. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23149172>
3. Конституция Японии [Электронный ресурс]. – URL.: <http://info-japan.ru/reference/documents/konstituciya-yaponii-perevod>
4. Крупянко М. И., Арешидзе Л.Г. Япония: идеология государственного национализма // История и современность. 2010. 2 (12). С. 185-225. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15504808>
5. Глава VII: действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии // Устав ООН [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/>
6. Borgen R. Japanese Nationalism Ancient and Modern [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.meijigakuin.ac.jp/~pmjs/papers/Borgen_Jojin.pdf
7. Eckstein A. J. Japan's National Identity: Nationalists or Not? [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.lehigh.edu/rfw1/www/courses/1999/spring/ir163/Papers/pdf/aje3.pdf>
8. Japan eases immigration rules for workers [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.bbc.com/news/world-asia-46492216>
9. Japan PM Shinzo Abe visits Yasukuni WW2 shrine [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.bbc.com/news/world-asia-25517205>
10. Japanese Cabinet opts not to visit Yasukuni Shrine during Autumn Festival [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/10/21/national/politics-diplomacy/japanese-ministers-stay-away-yasukuni-shrine-autumn-festival/#.XcmwFx-3oom>

11. Masunaga S. Emerging Japanese Nationalism and Its Correlations with the Collapse of Japan as a Family Nation [Электронный ресурс]. – URL.: <http://scholarworks.csun.edu/bitstream/handle/10211.3/174801/Masunaga-ASPAC-2016.pdf?sequence=1>
12. Oi M. What Japanese history lessons leave out [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.bbc.com/news/magazine-21226068>
13. Religion and Religious Identity in Modern Japan [Электронный ресурс]. – URL.: <https://owlcation.com/humanities/Religion-in-Modern-Japan>
14. Rich M. Shinzo Abe Announces Plan to Revise Japan's Pacifist Constitution [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.nytimes.com/2017/05/03/world/asia/japan-constitution-shinzo-abe-military.html>
15. Saaler S. Nationalism and History in Contemporary Japan // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2016. Vol. 14. Issue 20. No. 7. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://apjif.org/-Sven-Saaler/4966/article.pdf>
16. Sneider D. Divided Memories: History Textbooks and the Wars in Asia [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a00703/>
17. Solomon R. Using Education to Make Japan Great Again? [Электронный ресурс]. – URL.: <https://thediplomat.com/2018/04/using-education-to-make-japan-great-again/>
18. Tadashi K. The Illusion of "Rising Nationalism": Internationalism and Xenophobia in Today's Japan [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a03201/>
19. The Article 9 Debate at a Glance [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.nippon.com/en/features/h00146/the-article-9-debate-at-a-glance.html>
20. The Daijōsai: Japan's Harvest Offerings Ceremony at the Start of Reiwa [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.nippon.com/en/japan-topics/c06115/the-daijosai-japan%E2%80%99s-harvest-offerings-ceremony-at-the-start-of-reiwa.html>
21. Yamaguchi T. The "Japan Is Great!" Boom, Historical Revisionism, and the Government // Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2017. Vol. 15. Issue 6 No. 3. [Электронный ресурс]. – URL.: <https://apjif.org/2017/06/Yamaguchi.html>
22. Yoshida R. Abe's route to revising Article 9 crosses minefield of legalese [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/03/12/reference/abes-route-revising-article-9-crosses-minefield-legalese/#.XcxFAR-3ool>
23. Yoshinobu H. Yasukuni and the Enshrinement of War Criminals [Электронный ресурс]. – URL.: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a02404/yasukuni-and-the-enshrinement-of-war-criminals.html>

**ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛИЗМА
(ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ,
ИСТОРИЯ ИДЕЙ, КУЛЬТУРНАЯ
АРХЕОЛОГИЯ)**

ПРОБЛЕМЫ ФЕМИНИЗМА КАК СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АРХЕОЛОГИЯ ИДЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТАХ PDT

В теории международных отношений феминизм появляется в 1980-х как критический подход к изучению процессов, происходящих на международном пространстве. На сегодняшний момент феминистский подход к международным отношениям является одним из преобладающих и продолжает активно развиваться, пересматривая традиционные подходы и внося свой вклад в дискуссии между классическими теориями. Феминизм в теории международных отношений полноправно занимает статус общепризнанной подобласти науки, по тематике которой проводятся экспертные заседания на значимых научно-теоретических конференциях, выходят журналы, составляются сборники.

Развитие такого нетрадиционного подхода вызывает множество вопросов, которые остаются без ответа. Непосвященному уму сложно представить себе концепцию идей феминизма в применении к теории международных отношений, а сами теоретики не дают четких ответов, которые могли бы помочь разобраться в тематике вопроса. Так, в 1997 г. один из идейных лидеров феминистов в ТМО Дж. Энн Тикнер ссылается на то, что диалог между её школой и другими исследователями не получается по трем причинам:

- Противоположная сторона не понимает значения роли гендера
- Наблюдается серьезное различие в онтологиях
- Есть эпистемологические отличия [1]

Такие абстрактные, более близкие к философской проблематике причины, выдвигаемые феминистами, ещё больше отдаляют от понимания сущности феминизма, как подхода к теории международных отношений, уводя от темы вопроса и не давая никакого ответа. Анализируя и схематично выделяя некоторых авторов можно очертить круг основных идейных лидеров направления и рассмотреть начало их научной деятельности и период, с которого в работах начинает преобладать феминистская тематика. Ниже речь пойдет о причине трансформации идей теоретиков феминизма в ТМО в контексте Path dependence theory или теории зависимого развития

Энн Тикнер и Синтия Энло. От гигиены труда и расовой политики к Теории Международных Отношений

Основными теоретиками феминизма в ТМО по праву можно назвать Дж. Энн Тикнер, которая критикует основных теоретиков за упущение роли гендера в своей теории и практике[2], а также Синтию Энло, которая в начале своей карьеры в основном занималась изучением этнической и расовой политики. Примечателен тот факт, что оба автора начинали свою научную деятельность с тематик достаточно далеких от феминизма.

Так, Энло закончила диссертацию в Малайзии на стипендию Фулбрайта в 1965-1966 годах, где она занималась изучением этнической политики страны. Спустя десять лет после получения докторской степени, от автора выходят ещё шесть книг, посвященных теме этнической напряженности, её влиянию на политику. Развивать феминистскую мысль Синтия Энло начала только после того как стала преподавать в университете Кларка в разгар войны между США и Вьетнамом. Спровоцировали её воспоминания коллеги, ветерана войны во Вьетнаме о своем боевом опыте. Он упомянул, что американские солдаты нанимали вьетнамских женщин для стирки и прочей бытовой работы.

Тогда Энло начала задаваться вопросом, как изменилась бы история, если бы повествование велось от лица этих вьетнамских женщин. С тех пор работа автора была сосредоточена главным образом на том, как феминистская и гендерная политика влияют на формирование национальных и международных связей. Энло фокусируется на несправедливом обращении с женщинами, на глобализованных фабриках и на многих способах эксплуатации женского труда.[3] Она также критикует глобализацию и милитаризацию США. Она утверждает, что военная модель США обучает мужчин быть защитниками женщин, а затем создает среду, в которой женщины становятся жертвами физического насилия.[4] Одним из многочисленных вкладов Энло в сочинения феминисток было ее придумывание термина «feminist curiosity» (феминистское любопытство). Это произошло в 2003 году, когда Энло выступала с речью в Университете Очаномидзу, историческом женском университете в Токио. Она сказала, что хотела бы придумать фразу, которую, по ее мнению, можно было понять на английском и японском языках. Энло создала эту идею «феминистского любопытства» как способ сказать, что феминизм - это вопросы, которые вы задаете, а не только ответы, которые вы даете.

Энло заявляет, что на нее оказали влияние многие другие феминистки, которые тоже используют этнографический подход. В частности, работа Сеунг-Кьонг Ким (1997) про работников фабрики в Южной Корее во время кампании за демократию и работа Анн Эллисон (1994) по наблюдению за корпоративными бизнесменами. Энло также перечислила Дайан Сингерман, Пурниму Манкекар и Кэти Латс как людей, которые вдохновляли и влияли на ее работу.[5] https://en.wikipedia.org/wiki/Cynthia_Enloe_-_cite_note-13 Когда ее спросили, как

Энло определяет феминизм для себя, она заявила, что феминизм - это стремление к глубокой, глубокой справедливости для женщин способами, которые изменяют поведение, как женщин, так и мужчин, и действительно меняют наши представления о том, как выглядит справедливость"[4]

Возвращаясь ко второму колосу феминизма в ТМО, следует отметить, что Тинкер сама заявляла о том, что пережила немало преобразований в своей академической карьере. Её первая академическая должность была в небольшом гуманитарном колледже (Колледж Святого Креста), где она преподавала различные курсы в рамках МО. В аспирантуре её заинтересовало то, что в 1970-х годах называлось вопросом «Севера и Юга». Первые её работы посвящены гигиене труда[6] (соавторство) и политической экономии международных изменений[7]. Далее, Тикнер указывает на то, что ей было неуютно находиться в преподавательской среде, большую часть которой составляют мужчины. Также, она была недовольна преобладанием авторов-мужчин в работах, которые давала студентам на изучение. В то же время к ней в руки попадает книга Эвелин Фокс Келлер «Гендер и наука», которая предлагает гендерную критику естественных наук. Именно тогда Дж. Энн Тикнер приходит к выводу о том, что феминистская критика науки может в равной степени применяться к теории МО. Одной из самых известных журнальных статей Тикнер является «Ты просто не понимаешь»[8]. В ней критикуются основные теоретики международных отношений за упущение гендера в своей теории и практике. Помимо этого, Джудит Энн Тинкер является автором таких нашумевших трудов как «Пересказ основополагающих историй МО: некоторые феминистские и постколониалистские перспективы» и *«Феминизм и международные отношения: разговоры о прошлом, настоящем и будущем»*

В то время как основные ученые утверждали, что феминистки должны развивать научные теории, основанные на принципе «falsifiability», Тикнер выступает против этого утверждения и заявляет, что основные школы неправильно понимают предпосылки феминистского подхода в ТМО. Большинство феминистских МО-теорий применяют строго деконструктивистский подход к знаниям, утверждая, что теории отражают гендерное, социальное позиционирование своих авторов, которые подвергают сомнению позитивистские методы затемнения гендерной политики построения знания. Она предпочитает социальный «восходящий» метод анализа, который делает роль женщин в МО видимой, в отличие от обычных научных методологий, которые являются «нисходящими» и фокусируются на традиционно мужских темах (деньгах и войне). Энн Тикнер пишет, что международные отношения, понимаемые как межгосударственные отношения, отражали периферическое положение женщин во властных структурах,

поскольку «в большинстве государств женщины находятся на периферии власти». Поэтому она исходит из того, что наиболее адекватным для понимания феминизма является широкий контекст мировой политики, рассматривающей деятельность не только государства, но и других факторов, в том числе и различных движений, международных организаций, транснациональных корпораций и т.д., хотя международные отношения, как она пишет, никогда не ограничивались только межгосударственными.

Как видно по заявлениям Энн Тикнер и Синтии Энло, до того, как начать заниматься развитием феминистического подхода к ТМО, они были вовлечены в совсем иные темы. Обе оказались в нужном месте и в нужное время, что определило их дальнейшее направление в науке. Если же говорить глобально о феминизме в ТМО, то следует заметить, что теория международных отношений, как наука, постоянно находится в процессе трансформации. Появляются новые идеи, подходы, целые школы. Однако, сегодня мы можем заявить, что ТМО находится в остром кризисе. Классические теории не могут не только предсказать возможные тенденции развития, но даже объяснить существующие. Теоретики разных направлений и подходов, будь то неолибералы с неомарксистами или позитивисты и конструктивисты во многом повторяют идеи друг друга, только другими, свойственными их понимаю словами. Такая обстановка послужила крайне благоприятной почвой для появления феминистского подхода. В его основу закладывается больше философская и психологическая концепция того, что мы называем феминизмом. Теоретики сами признают, что пришли к своим идеям чуть ли ни случайно, оказавшись в нужное время, в нужном месте. Стоит упомянуть и туманную, расплывчатую, так и норовящую ускользнуть от понимания позицию касательно конфликта и непонимания со стороны других школ. Тем не менее, нельзя отрицать позитивный вклад феминизма в ТМО. Начался так называемый «большой спор» по теоретическим проблемам международных отношений: вместе с феминизмом в международную сферу приходят различные направления и теории, которые дают надежду на преодоление застоя.

Список литературы

1. Анник Т. Р. Виббен. Феминистский подход к изучению международных отношений. Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия в трех томах. Том I. Российский совет по международным делам. — М.: НП РСМД, 2015. — Раздел 2. Отношение феминизма к вопросам войны и мира. С. 693/
2. J. Ann Tickner *International Studies Quarterly* Vol. 41, No. 4 (Dec., 1997), pp. 611-632 Fifty Key Thinkers IR. Martin Griffiths, Steven C. Roach, M. Scott Solomon.
3. "Faculty Biography." Cynthia Enloe Ph.D. N.p., n.d. Web. September 27, 2016.
4. Van Hook, Stephanie. "Taking Women's Lives Seriously - an Interview with Cynthia Enloe - Waging Nonviolence." Waging Nonviolence Taking Women's Lives Seriously an Interview with Cynthia Enloe Comments. N.p., September 13, 2012. Web. September 27, 2016.
5. Cohn Carol, Enloe Cynthia (2003). "A Conversation with Cynthia Enloe: Feminists Look at Masculinity and the Men Who Wage War". *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 28 (4): 1187–107.
6. The control of microorganisms responsible for legionnaire's disease and humidifier fever
Northwood : Science Review in association with H. & H. Scientific Consultants, ©1985.
7. Self-reliance versus power politics : the American and Indian experiences in building nation states
New York : Columbia University Press, 1987.
8. *International Studies Quarterly* (1997) 41, 611-632,

ІСТОРИЧНИЙ РЕВІЗІОНІЗМ: БАЛКАНСЬКИЙ ІСТОРІОГРАФІЧНИЙ ДОСВІД (проблеми історії націоналізму і політична відповідальність інтелектуалів)

Автор анализирует проявления и формы исторического ревизионизма в современной историографии Болгарии. Национализм, националистическое воображение и политические мифы являются основными факторами, которые стимулируют исторический ревизионизм. Болгарские интеллектуалы предлагают ревизионистские концепции истории 19 века и альтернативные точки зрения на период Национального Возрождения. Болгарский исторический ревизионизм имеет преимущественно модернистский и конструктивистский характер. Исторический ревизионизм принадлежит к числу влиятельных интеллектуальных трендов в современных балканских историографиях, но, несмотря на это перспективы и возможные траектории развития исторического ревизионизма остаются туманными и неопределенными. Ключевые слова: историография, историческое воображение, ревизионизм, национализм, Болгария, Османская империя, болгаро-турецкие отношения

Автор аналізує прояви і форми історичного ревізійонізму в сучасних історіографіях Болгарії та Хорватії. Націоналізм, націоналістична уява і політичні міфи є основними факторами, які стимулюють історичний ревізійонізм в цих країнах. Болгарські інтелектуали пропонують ревізійоністичні концепції історії 19 століття і альтернативні точки зору на період Національного Відродження. Хорватські історики прагнуть переглянути та ревізувати історію НДХ в період другої світової війни. Болгарський історичний ревізійонізм має переважно модерністський і конструктивістський характер, етнічні та націоналістичні стимули і міфи надихають хорватських істориків переглядати й ревізувати історію НДХ. Незважаючи на різні концептуальні і теоретичні основи історичний ревізійонізм належить до числа впливових інтелектуальних трендів в сучасних балканських історіографіях, але перспективи і можливі траєкторії розвитку історичного ревізійонізму залишаються туманними і невизначеними.

Ключові слова: історіографія, історична уява, ревізійонізм, націоналізм, Болгарія, Хорватія, Османська імперія, НДХ, болгаро-турецькі відносини, хорватсько-сербські відносини

The author analyzes the forms of historical revisionism in contemporary historiographies of Bulgaria and Croatia. Nationalism, nationalist imagination and political myths are the main factors that stimulate historical revisionism in these countries. Bulgarian intellectuals offer revisionist concepts of the history of the 19th century and alternative viewpoints on the period of the National Renaissance. Croatian historians seek to revise the history of NDH during the Second World War. Bulgarian historical revisionism has a predominantly modernist and constructivist character, when ethnic and nationalistic incentives and myths inspire Croatian historians to revise the history of NDH. Despite various conceptual and theoretical backgrounds, historical revisionism is among the influential intellectual trends in Balkan historiographies, but despite its role, the prospects and possible trajectories of the development of historical revisionism remain vague and uncertain.

Keywords: historiography, historical imagination, revisionism, nationalism, Bulgaria, Croatia, Ottoman Empire, NDH, Bulgarian-Turkish relations, Croatian-Serbian relations

Введення в проблему. Історіографії в країнах Центральної та Східної Європи в 20 ст. і на початку 21 ст. пережили кілька хвиль політичних маніпуляцій, ідеологічний спектр яких варіювався від націоналістичної уяви і спроб сприйняти націю як головного актора історичного процесу до лівих інтерпретацій, які, навпаки, схилилися до максимально можливої денационалізації історії та її сприйняття в соціально-економічних категоріях класової боротьби. Примітно і те, що кожен новий політичний режим неминуче прагнув переписати історичні наративи²⁸ відповідно до своїх

Скорочені версії цієї статті були опубліковані російською мовою – Кирчанов М.В. Исторический ревизионизм в Болгарии и Хорватии: проблемы истории национализма и политическая ответственность интеллектуалов // Проблемы стран постсоветского пространства, стран Центральной и Юго-Восточной Европы сборник научных статей. Воронежский государственный университет ; Факультет международных отношений ВГУ ; Центр изучения Центральной и Восточной Европы ; Центр исследований проблемной государственности.

ідеологічних уподобань: якщо націоналісти націоналізували минуле, то ліві - денаціоналізували історію, хоча націоналізм продовжував грати свою роль і під час існування соціалістично орієнтованих режимів. Історія, як академічна наука, і масові уявлення, оформлені в різні версії історичної та політичної пам'яті, протягом 20 - початку 21 століття широко і активно використовувалися політиками, інтелектуалами і націоналістами для легітимації різних політичних процесів, явищ і станів – від етнічних чисток до формування нових «історичних спільнот», від відстоювання прав на свободу і незалежність до легітимації територіальних змін. У подібній ситуації ревізіонізм став чи не універсальною формою маніпуляцій з минулим і єдиною можливою стратегією написання національних історій в деяких країнах Великої Східної Європи від Латвії до Албанії. Єдиного визначення поняття «історичний ревізіонізм» у історіографії не існує, але саме слово «ревізіонізм» має чіткі негативні конотації, що виникають з ідеологічно залежної історії партії.

Мета статті. У центрі авторської уваги в цій статті будуть форми і прояви ревізіонізму в сучасній болгарській і хорватській історіографіях в контексті тих моментів національної історії, які в значній мірі політизовані і перетворилися у причини численних одночасно академічних і політичних дебатів і протиріч.

Ревізіонізм як історіографічний феномен. У західній історіографії термін «ревізіонізм», з одного боку, використовується для опису широкого кола інтелектуальних і історіографічних явищ, які передбачають радикальну відмову від старих інтерпретацій, ранніх форм і методів опису / написання історії. На Заході ревізіонізм представляє кілька різних течій від маргінальних форм антисемітизму²⁹ до цілком помірних спроб переписування історії в руслі академічної історіографії³⁰. З іншого боку, поняття «ревізіонізм» в західному академічному дискурсі не має виключно негативного значення. Наприклад, президент Американської Історичної Асоціації Джеймс Макферсон підкреслював, що «14000 членів цієї Асоціації, проте, знають, що ревізія є життєвою основою історичної науки. Історія являє собою безперервний діалог між сучасним і минулим. Інтерпретації минулого можуть змінюватися внаслідок знаходження нових історичних даних, появи нових питань, за рахунок кращого бачення минулого, яке настає з плином часу. Не існує єдиної, вічної і

Воронеж, 2019. С. 104-129; Кирчанов М.В. Исторический ревизионизм в Болгарии: проблемы истории национального возрождения и политическая ответственность интеллектуалов // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 57-69

²⁸ Про роль і місце наративу в національних історіографіях див. докладніше: Димитров И. Национален дух и История / И. Димитров // Либерален преглед. – 2010. – 15 Ноември [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1069-2010-11-15-18-53-11>; Мэрил А. «Вялікі наратыў» і гістарычная навука / А. Мэрил // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2004. – Т.11. – Сш. 1 – 2 [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/alan-megil-vyaliki-naratyv-i-gistarychnaya-navuka/>

²⁹ Детальніше про антисемітизм і спроби заперечення Голокосту див.: Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / hrsg. St. Braun, A. Geisler, M. Gerster. – Berlin: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.

³⁰ Про ревізіонізм як течію в західній історіографії див.: Suny R.G. The Left Side of History: The Embattled Past of Communism in the Twentieth Century / R.G. Suny // Perspectives on Politics. – 2017. – Vol. 15. – No 2. – P. 455 – 464; Del Boca A. La storia negata: il revisionismo e il suo uso politico / A. Del Boca. – Vicenza: Neri Pozza, 2010; Vercelli C. Il negazionismo. Storia di una menzogna / C. Vercelli. – Roma – Bari: Laterza, 2013.

незмінної "істини" про події минулого і їхнє значення. Нескінченні спроби істориків розібратися в минулому, по суті "ревізіонізм", якраз і роблять історичну науку життєво важливою і значущою»³¹. Східноєвропейські інтелектуали вказують на важливість і необхідність перегляду і ревізії усталених історичних наративів. Наприклад, болгарська історик Є. Иванова, з одного боку, підкреслює, що «"винаходження" минулого і традиції як культурного продукту сучасності неминуче пов'язане з необхідністю брати під сумнів зв'язок між історією і міфом»³². Білоруський дослідник Пьотра Барковскі, з іншого боку, вважає, що «сьогодні необхідно продовжувати деконструювати – критикувати і заново визначати ті смисли, які нами губляться в результаті деполітизації політичного світу, через декультуралізацію культури і нігілізацію мислення в новітньому суспільстві»³³.

В останні роки академічний ревізіонізм, орієнтований на перегляд застарілих ідеологічних схем і кліше, заявив про себе і в російській історіографії. Російський історик-сходознавець, В. Молодяков, один з провідних японістів, наводить у своєму блозі характерний приклад, який в цілому описує історіографічну ситуацію серед сучасних істориків: «півтора роки тому один вчений з Інституту сходознавства РАН запитав мене "Ви не боїтеся називати себе ревізіоністом?". "Не боюсь, а що?". "Ну, знаєте ...". "Я історик-ревізіоніст в традиції Фейя, Барнеса, Толанда і Ірвінга", - відповів я. Перераховані прізвища, здається, не справили враження на мого співрозмовника... За радянських часів слово "ревізіоніст" було одним з головних лайок, але використовувалося майже виключно за адресою різних "ухильників" в комуністичному і робочому русі. Я до нього ніколи не належав, тому мова явно не про це. Про що ж?»³⁴. Ймовірно, щодо історії Болгарії і Хорватії історичний ревізіонізм буде проявлятися в спробах поставити під сумнів домінуючі великі наративи, засновані на сприйнятті історії як саме національної, лінійної і безперервної з невеликими перервами, протягом яких болгари або хорвати ставали жертвами агресії з боку сусідів і тимчасово втрачали свої державності. Тому, будь-які спроби запропонувати альтернативні пояснення історії турецького панування в Болгарії або історії НДХ в період другої світової війни як епох національного гноблення і жертвності в ім'я нації і держави будуть сприйматися як замах на історіографічний канон.

Історіографія і політична кон'юнктура. Дослідники історії історичної науки вважають, що «тільки у виняткових випадках історики знову вчитимуться своєму ремеслу»³⁵ і лише процеси політичного транзиту можуть поставити історіографію в

³¹ McPherson J. Revisionist historians / J. McPherson // Perspectives on history. The newsmagazine of the American Historical Association. – 2003. – September 1 [Електронний ресурс]. – URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>

³² Иванова Е. Изгубената История / Е. Иванова // Либерален преглед. – 2015. – 25 Април [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/2699-2015-04-25-17-24-07>

³³ Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер / П. Баркоўскі // Палітычная сфера. – 2013. – № 21 (2). – С. 93 – 96.

³⁴ Молодяков В. Что такое "исторический ревизионизм" (коротко о главном) / В. Молодяков [Електронний ресурс]. – URL: <https://molodiakov.livejournal.com/59237.html>

³⁵ Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // Беларусіка / Albaruthenica. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 116.

стан кризи, перемістивши «історію в центр історичних дебатів»³⁶. Тому, найкращі часи для історичного ревізйонізму і перегляду історії наступають тоді, коли суспільства переживають перехід від авторитаризму до демократії або стикаються з внутрішніми політичними кризами. Констатації того, що історія належить до політично і ідеологічно мотивованих і залежних наук встигла стати загальною констатацією факту в історіографії. Націоналізм традиційно має «непрості відносини з історією»³⁷. Британський дослідник націоналізму Е. Сміт, коментуючи суперечливі відносини між історією і націоналістами, вважає, що «історики грають видатну роль серед творців і прихильників націоналізму ... історики внесли вагомий внесок в розвиток націоналізму ... вони заклали моральний і інтелектуальний фундамент для націоналізму в своїх країнах»³⁸. Функції істориків у розвитку націоналізму різноманітні – написання історії як основи національної ідентичності, історичний ревізйонізм, якщо це необхідно політичним елітам... Що стосується ревізйонізму в історичній політиці та історичної пам'яті Центральної та Східної Європи, то до кінця 2010-х років досвід історіографій цих країн свідчить про формування двох моделей опрацювання минулого з метою його ревізії.

Історичні дослідження в усіх країнах перебувають в стані залежності від політичної та ідеологічної кон'юнктури. Незважаючи на періодичні дискусії про кризу історичного знання, історія виявляється в центрі політичних і ідейних дебатів і дискусій. Коментуючи сучасний стан історичного знання, російський історик Павел Уваров підкреслює: «мене особливо радують розмови про "смерть великих наративів історії", таких як "нації" або "класи". Щодо класів не знаю, а ось нації зовсім не збираються сходити з підмостків історіографічної сцени, скоріше, навпаки. Не кажучи вже про держави і конфесії»³⁹. Послідовна ідеологізація історіографій в Болгарії та Хорватії, дискусії між болгарськими, хорватськими, сербськими істориками і інтелектуалами щодо нації, націоналізму, релігії і держави, спроби ревізії історичних наративів свідчать про те, що такі історіографічні категорії як "нація", "клас", "релігія" будуть довго перебувати в центрі уваги болгарських і хорватських істориків, особливо тих, хто втягнуті у процеси перегляду історії.

Історичний ревізйонізм в Болгарії та Хорватії: особливості історіографічних ситуацій. Перша модель історичного ревізйонізму характерна, наприклад, для Болгарії, де частина представників наукової спільноти пропонує альтернативні і фактично ревізйоністські інтерпретації національної історії, які не стали основою для нового національного і історичного консенсусу, будучи фактично одною з течій в історіографії. Друга модель характерна для Хорватії, де інтелектуальні спільноти і політичні класи були єдині в перегляді старих версій історії в напрямку її послідовної націоналізації і пропозиції нової версії національної історії, заснованої на домінуванні

³⁶ Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus / R. Lindner // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4. – P. 631, 645.

³⁷ Калхун К. Націоналізм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 113.

³⁸ Сміт Е.Д. Націоналізм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм / пер. с англ. – М., 2002. – С. 236.

³⁹ Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобринна с Павлом Уваровым // Неприкосновенный Запас. – 2007. – № 55 [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>

національної парадигми і цінностей державно-політичного континуїтету і безперервності в сприйнятті історичного процесу. Історичний ревізіонізм, тобто радикальні спроби перегляду історії в Хорватії і Болгарії, неминуче супроводжувалися відмовою від ранніх версій історичного наративу.

Історичний ревізіонізм в Болгарії та Хорватії являє собою «новий ревізіонізм», який в значній мірі відрізняється від класичного, «старого», історичного ревізіонізму. Коментуючи концептуальні та методологічні особливості «нового ревізіонізму», Є. Добренко вважає, що «новий ревізіонізм стурбований на відміну від старого доброго ревізіонізму 1980-х не політикою, а переглядом наративу, радикальним розширенням корпусу текстів і технік їх читання, що в свою чергу веде до перегляду ряду фундаментальних постулатів традиційної історіографії»⁴⁰. Сучасні ревізіоністи в Болгарії та Хорватії не тільки переглядають історичні факти, пропонуючи їх альтернативні інтерпретації, які відрізняються від ранніх інтерпретацій, а й прагнуть запропонувати якісно інші теоретичні та методологічні підстави для переписування історії, трансплантуючи елементи модернізму і конструктивізму в традиційні позитивістські наративи. Це змінює і сам історичний ревізіонізм, роблячи його більш складним, інтегрованим в загальну інтелектуальну і культурну ситуацію сучасності.

Історичні наративи, які в хорватській і болгарській історіографіях, були піддані перегляду і деконструкції були наслідками інституціоналізації авторитарного політичного режиму і обслуговували його інтереси. Що стосується болгарського історичного наративу, то він мав кілька особливостей, включаючи ідеї безперервності і континуїтету болгарської історії та історії болгарської державності, написання історії в категоріях етноцентризму, що перетворювало болгарську націю не тільки в головного героя і учасника історичного процесу, а й перетворювало її в жертву агресії зовнішніх сусідів; Болгарія стала жертвою османської агресії і протягом декількох століть перебувала в стані залежності від турків, а болгари піддавалися соціальної і релігійної дискримінації; в 20 столітті Болгарія пережила дві національні катастрофи і еру авторитарного лівого режиму. Історичний ревізіонізм в сучасній Болгарії не належить до числа тих течій, які домінують або, щонайменше, впливають на сучасну історіографію. Інтелектуали, які пропонують ревізіоністські версії сприйняття історичного процесу, наполягають переважно на перегляді історії Болгарії періоду османського панування в той час, як негативні оцінки авторитарного політичного досвіду або позитивне сприйняття історії болгарського націоналізму не викликають, як правило, сумнівів серед представників академічної спільноти та політичних еліт.

Що стосується компромісної версії хорватського історичного наративу, то він, також, як і болгарський, активно апелює до ідей державної і політичної спадкоємності, континуїтету і безперервності в історії хорватської державності. Як і болгарські історики, хорватські інтелектуали значну увагу приділяють проблемам історії націоналізму, сприймаючи його як важливий фактор політичної історії та консолідації хорватської нації. Якщо болгарські історики, схильні до ревізіонізму й прагнуть переглядати інтерпретації османського періоду в болгарській історії, то хорватські

⁴⁰ Добренко Е. Советское прошлое: манифест нового ревизионизма / Е. Добренко // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 85 [Електронний ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/do33.html>

інтелектуали схильні переглядати історію НДХ – Незалежної Держави Хорватії – яка існувала в період другої світової війни. Ідеалізація НДХ стимулює зростання суперечностей з сербської історіографією, схильної демонізувати НДХ, співвідносячи її в історичній пам'яті сербів з геноцидом і військовими злочинами. Таким чином, в хорватській і болгарській історіографіях різні моменти національної історії та історичної пам'яті піддаються перегляду і ревізії.

Історичний ревізіонізм в Болгарії. Ревізіоністські інтерпретації болгарської історії зосереджені, як правило, навколо сприйняття і оцінки османського періоду в історії Болгарії і політично продиктовані наслідками вступу Болгарії в ЄС, що поставило перед місцевими політичними та інтелектуальними елітами завдання інтегрувати свої версії національної історії в загальноєвропейські контексти, включаючи цінності толерантності та мультикультуралізму в той час як етноцентрична болгарська історіографія була не в змозі виконати ці завдання.

Сучасні болгарські інтелектуали, які періодично актуалізують творчий потенціал ревізіонізму, не схильні до просування ревізіонізму як заперечення одних фактів заради заміни їх альтернативними політично і ідеологічно мотивованими інтерпретаціями. Історичний ревізіонізм в сучасній болгарській історіографії має переважно інтелектуальні форми і проявляється в спробах поставити під сумнів практики написання історії. Марія Тодорова, наприклад, підкреслює, що істориками, які умовно визначаються як ревізіоністи, «в широкому сенсі пропонується сприймати загальну проблему історії та пам'яті з усіма її супутніми аспектами – проблемою "загальної", "соціальної", "колективної" або "народної" пам'яті, як це бачать історики; характер національної пам'яті в порівнянні з іншими типами колективної пам'яті; мінливість пам'яті в часі і суспільному просторі; альтернативна пам'ять; методи пам'яті, такі як святкування, механізм створення та повторної передачі пам'яті; зміна характеру пам'яті і зміна різкості пам'яті... Цей підхід тісно пов'язаний з питанням про історичних персонажів і характером культу героїв. Чи є у них якісь національні герої, тобто герої епохи націоналізму? Як ви міняєте своє розуміння персонажів з плином часу? Як порівнюються історичні герої і героїчні архетипи?»⁴¹. Теоретичні ідеї деяких болгарських істориків включаючи Александра Везєнкова як найвідомішого прихильника ревізії минулого, які ми можемо визначити як форми або прояви історичного ревізіонізму, фактично стали спробою знайти відповіді на ці питання, але в більш вузькому хронологічному фокусі – у болгарській історії 19 століття.

На сучасному етапі альтернативні точки зору, які відмінні від тих, які домінують в болгарській історіографії в цілому, пропонуються в роботах болгарського історика д-ра Александра Везєнкова, який розвиває альтернативні погляди на проблеми Болгарського Відродження, ставлячи під сумнів ті наративи, які домінували в більш ранньої історіографії щодо турецького чинника в болгарській історії 19 століття.

⁴¹ Тодорова М. Създаването на един национален герой: Васил Левски в българската обществена памет / М. Тодорова / превод от английски Димана Илиева // България, Балканите, светът: идеи, процеси, събития. София: Просвета, 2012 [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10>

Які основні ідеї пропонує Александр Везенков?

Аналізуючи особливості сприйняття турецького періоду в болгарській історії в цілому і 19 століття зокрема, А. Везенков вважає, що наші знання про минуле в значній мірі є результатом того, як дослідники вивчали і описували його до нас, наполягаючи, таким чином, що історія не в змозі запропонувати об'єктивні форми знання про минуле в силу того, що наші сприйняття історії є політично і ідеологічно мотивованими інтелектуальними конструктами. На думку А. Везенкова, в болгарській історіографії склався політичний консенсус, своєрідна «змова мовчання», тому що історики вважають за краще уникати ті проблеми, аналіз яких може поставити під сумнів основні положення великого історичного наративу, який домінує в болгарській історіографії. Серед найбільш міфологізованих положень офіційного історичного наративу в Болгарії - ідея про центральну роль Відродження в політичній емансипації і національному визволенні болгар в період турецького панування в 19 столітті. Висловлюючи свою незгоду з тими інтерпретаціями, які домінують в болгарській історіографії, А. Везенков формулює кілька питань, включаючи:

- чому Відродження треба розглядати як окрему епоху, а не як один з процесів, які болгарське суспільство пережило в 19 столітті?
- чи був «Ренесанс» в 19 столітті до створення сучасної болгарської держави?
- чи достатньо аналізувати цей період окремо від історії Болгарії під владою Османської імперії?
- чи всі зміни 19 століття пов'язані з Відродженням?
- якщо 19 століття - це нова ера в історії Болгарії, чи можна її визначити її як «відродження»?
- які наслідки мала «епоха Відродження» для болгарської історії?

Ці шість питань, які сформулював А. Везенков, нешкідливі тільки на перший погляд в силу того, що якщо намагатися відповісти на них академічно, то багато положень домінуючого «великого наративу» в сучасній болгарській історіографії, яка фактично є етноцентричною, виявляються спірними й погано доказовими міфами, створеними істориками та іншими інтелектуалами в кінці 19 століття і в 20 столітті. Тому, будь-які спроби академічного аналізу неминуче будуть сприяти кризі офіційного історіографічного канону, його ерозії, розмиванню і, як наслідок, деконструкції. Александр Везенков не має інституційно виражених зв'язків із сучасною болгарською історіографією, не є співробітником жодного державного університету та академічного інституту, і, тому, відповідаючи на ці питання, він не обмежує себе припущеннями офіційного історіографічного канону.

Спроби А. Везенкова⁴² запропонувати нові наукові і методологічні оптики для опису болгарської історії 19 століття ставлять під сумнів положення офіційного

⁴² Везенков А. Очевидно само на пръв поглед: "Българското възраждане" като отделна епоха (Част 1) / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 12 Февруари [Електронний ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1948-1-v15-1948>; Везенков А. Очевидно само на пръв поглед: "Българското възраждане" като отделна епоха (Част 2) / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 18 Февруари [Електронний ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/1954-2>

історіографічного канону в силу того, що болгарський історик пропонує кілька ідей, які слабо корелюються з етноцентричною історіографією, де основними героями завжди були болгарська нація, пригноблена турками, і болгарська державність, ними ж знищена, але старанно відновлена болгарськими націоналістами.

Які ідеї, частково альтернативні, почасти провокаційні, але альтернативні і, тому, ревізійністичні, пропонує А. Везенков?

Александр Везенков, з одного боку, схильний сприймати 19 століття в історії Болгарії не тільки як один з етапів турецького панування, а й як «самий болгарський час» в болгарському історичному процесі, наполягаючи на тому, що спроби оголосити цей період часом «національного Відродження» свідчать про некритичне ставлення деяких істориків до джерел і про ідеалізацію подій цього періоду в ранньої історіографії, яка позитивно міфологізувала Відродження. Аналізуючи ідеї А. Везенкова, не слід сприймати його як ініціатора історіографічних дебатів в силу того, що умовно альтернативні точки зору в болгарській історіографії висловлюються, починаючи з 2000-х років⁴³, але їхні прихильники не йдуть далі трансплантації західних теорій націоналізму в болгарські історичні контексти 19 століття. З іншого боку, на думку болгарського історика, антитурецькі настрої болгар 19 століття були перебільшені істориками 20 століття які були не тільки істориками, але й болгарськими націоналістами.

Крім цього, на думку А. Везенкова, рання болгарська історіографія фактично перетворила «Відродження» в ідеальний тип і конструкт, пов'язуючи саме з ним ... генезис капіталістичних відносин в місті і в аграрній периферії. А. Везенков, який сприймає історію 19 століття в контексті інтелектуальної історії націоналізму, вважає, що зв'язки між Відродженням і мануфактурами і фабриками, що виникли на території Болгарії, вельми сумнівні. На відміну від інших болгарських істориків, які схильні демонізувати турків як «Інших», зокрема, і Османську Імперію, в цілому, А. Везенков вважає, що самі турецькі еліти несли відповідальність за ... появу болгарського націоналізму. А. Везенков, як дослідник історії Османської Імперії в контекстах її модернізації та формування громадянської нації⁴⁴, вважає, що турецька влада, починаючи з середини 1850-х років, ініціювала ряд реформ, спрямованих на інтеграцію меншин в суспільство імперії через розширення їх прав у сфері отримання освіти рідною мовою і допуску на військову і державну службу. Аналізуючи ці заходи османського уряду, А. Везенков фактично ставить під сумнів одну з центральних ідей

⁴³ Бонева В. Имената на Българското възраждане / В. Бонева // Историческо бъдеще. – 2000. – № 1 – 2. – С. 158 – 171; Даскалов Р. Как се мисли Българското възраждане / Р. Даскалов. – София: ЛИК, 2002; Димитров Г. Да мислим ли Възраждането? Паметник на Възраждането или камък в блатото на нашата историография // Социологически проблеми. – 2004. – Кн. 1 – 2. – С. 309 – 326.

⁴⁴ Везенков А. Османизмът като политика на идентичността през епохата на Танзимата / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 07 май [Електронний ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/bulgaria/2048-osmanizam-tanzimat>; Везенков А. В служба на султана, в служба на революцията – Част 1 / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 02 април [Електронний ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2001-v-sluzhba-na-sultana-v-sluzhba-na-revolutyziyata>; Везенков А. В служба на султана, в служба на революцията – Част 2 / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 08 април [Електронний ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2008-2>

національно орієнтованої історіографії, яка послідовно розвиває наратив про національну дискримінацію болгар в 19 столітті. Аргументи, які наводяться А. Везенковим, ставлять під сумнів історіографічний консенсус щодо статусу болгар як нації-жертви з боку загарбників мусульман-турків як універсальних Інших.

Історичний ревізіонізм в Хорватії. Якщо ревізіонізм в болгарській історіографії має вельми обмежений характер і не знайшов широкого застосування в історичній науці, то в хорватському інтелектуальному співтоваристві склалася інша ситуація. Якщо болгарські історики намагаються переглянути історію 19 століття в контекстах болгаро-турецьких відносин, то хорватські інтелектуали піддають рішучої ревізії попередні оцінки історії НДХ, які домінували в югославській і продовжують переважати в сербській історіографії.

Незважаючи на відносно коротку історію НДХ, її політична та історична спадщина в історії як Хорватії, так і Сербії не викликає сумнівів, але в сербській і хорватській історичній пам'яті склалися різні версії історичної правди щодо НДХ. Примітно, що ці версії різнилися як в соціалістичний, так і в постюгославський період. Югославська історіографія в цілому була ідеологічно вмотивованою, але СФРЮ не відміняла національні історіографії республік, які активно культивували місцеві версії історичної пам'яті і свої націоналізми. Незважаючи на формальні схожості між СРСР і СФРЮ остання застосовувала в значній мірі свої, відмінні від радянських, моделі розвитку історіографії та форми існування історичних пам'ятей. В СРСР домінували тенденції ідеологізації та послідовної денаціоналізації національних історій в республіках, що після 1991 року стало стимулом для прогресу націоналізму. Якщо розпад СРСР став стимулом для націоналізації історичних пам'ятей і міфотворчості, то історіографії окремих республік СФРЮ і до її розпаду були національними й навіть націоналістичними, сфокусованими на місцевих версіях історії та історичної пам'яті і, тому, вони були ідеологічно схильні та морально готові до націоналізації 1990 - 2010-х років.

У сербській історіографії періоду СФРЮ⁴⁵ НДХ піддавалося демонізації: сербські історики уявляли НДХ як антисербський католицький проект, свідомо спрямований проти сербів і православ'я. У цій ситуації основною мовою сербської історіографії соціалістичного періоду фактично був сербський етнічний націоналізм, а хорвати і НДХ претендували на роль головних етнічних і політичних Інших. Хорватська історіографія в СФРЮ сприймала НДХ трохи інакше⁴⁶. Стикаючись з викликами і вимогами ідеологізації, хорватські історики формально засуджували НДХ, але фактично історична і політична пам'ять сприймала НДХ як форму хорватської незалежної державності, і історики воліли писати історію НДХ як подієву, уникаючи крайніх ідеологічних оцінок.

Розпад СФРЮ призвів до радикальних змін в історіографіях як Сербії, так і

⁴⁵ Basta M. Agonija i slom Nezavisne Države Hrvatske / M. Basta. – Beograd: Rad, 1971; Bulajić M. Ustaški zločini genocida i suđenje Andriji Artukoviću 1986. godine / M. Bulajić. – Beograd: Rad, 1989; Novak V. Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj / V. Novak. – Beograd: Nova Knjiga, 1986; Živojinović D., Lučić D. Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen / D. Živojinović, D. Lučić. – Beograd: Nova knjiga, 1988.

⁴⁶ Krizman B. Ante Pavelić i ustaše / B. Krizman. – Zagreb: Globus, 1986; Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941 – 1945 / F. Jelić-Butić. – Zagreb: Sveučilišna naklada Liber – Školska knjiga, 1977.

Хорватії⁴⁷, де націоналізм став основним модусом написання історії. Ці тенденції спровокували своєрідний вибух пам'яті в хорватському і сербському суспільствах, які були змушені знову відкривати для себе факти того, що «згадки (або забування) певних місць, подій, учасників історії є вірним індикатором тенденцій розвитку суспільства – як для джерел впевненості в собі, так і для дефіциту цієї самооцінки. Робоча пам'ять (героїчна або травматична) може визначити не тільки відносини в суспільстві, а й намітити механізми його модернізації»⁴⁸. Сучасну історіографічну ситуацію, на думку деяких істориків, «відрізняє явне посилення етноцентризму дослідницького підходу, для якого характерні співчутлива фіксація рис своєї етнічної групи, аж до виділення етно-національного чинника в якості основного критерію історичного пізнання»⁴⁹. Розпад СФРЮ дійсно перетворив колишні югославські республіки в політичні нації, чиї держави розпочали активно націоналізуватися, що неминуче надавало націоналізму з його міфологемами і ідеологемами статус істини в написанні історії.

Якщо раніше в СФРЮ хорватські і сербські історики були змушені шукати компроміс, то з розпадом федерації необхідність в цьому фактично відпала, дозволивши як сербським, так і хорватським історикам культивувати цінності і принципи сербського і хорватського націоналізмів. Розпад СФРЮ оголив національні суперечності між сербською та хорватською історіографією, спровокувавши «перегляд минулого після краху комунізму, частково від того, що комуністичний період сприймався як якась ерозія пам'яті в "режимі забування"... крах комунізму був також дезінтеграцію офіційної колективної пам'яті і артикуляцію її численних неофіційних наративів»⁵⁰. Серед неофіційних, але національно значущих для хорватської і сербської історичних пам'ятей були наративи про НДХ, яка в історіографії стала, за термінологією Д. Ріффа, жертвою «зловживань історією»⁵¹. Колективні уявлення про НДХ фрагментувалися на приватні випадки історичної та національної пам'яті як пам'яті про усташів і НДХ, четників і геноциді сербів. Тому, сербські історики почали відкрито просувати в своїх текстах ідеї, принципи і цінності сербського націоналізму і православного клерикалізму⁵² в той час, як хорватські культивували хорватський націоналізм і політичний католицизм, послідовно ідеалізуючи усташів, НДХ і

⁴⁷ Про хорватсько-сербські історіографічні протиріччя див.: Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia / S. Cvijic // Nationalities Papers. – 2008. – Vol. 36. – No 4. – P. 713 – 740.

⁴⁸ Иванова Е. Консенсуси на българската памет / Е. Иванова // Либерален преглед. – 2012. – 29 март [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45>

⁴⁹ Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени / Г. Бордюгов, В. Бухараев // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 21.

⁵⁰ Аутґейт Ї., Рей Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм / Ї. Аутґейт, Л. Рей // Палітычная сфера. – 2006. – № 6. – С. 30.

⁵¹ Рифф Д. Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. «Излишняя заикленность на памяти»: о пользе и вреде забвения / Д. Рифф [Електронний ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/17958>

⁵² Ђурић В. Голгота Српске православне цркве 1941 – 1945 / В. Ђурић. – Београд: Народна књига – Алфа, 1997; Мирковић Ј. Злочини над Србима у Независној Држави Хрватској / Ј. Мирковић. – Београд: Свет књиге, 2014.

Католицьку Церкву, що найбільшою мірою відбилось в великих наративах і спробах написання синтетичної і подієвої історії НДХ⁵³.

Ревізія історії з боку хорватських інтелектуалів стимулювалася ініціативами політичних еліт, включаючи Франьо Туджмана, який поклав початок перегляду історичних фактів хорватської історії в своїй книзі «Пустки історичної дійсності: дослідження про історію та філософію насильства» («Bespuća povijesne zbiljnosti: rasprava o povijesti i filozofiji zlosilja»⁵⁴). Розпад СФРЮ і поява нових формально національних, але держав, які фактично динамічно націоналізувалися, призвів до політизації історії та її міграції в центр політичних дебатів зі сфери академічних дискусій. Відомо, що «суспільство вимагає певної історичної пам'яті, без якої не може існувати жодна соціальна спільність, в тому числі і нація»⁵⁵. У цій інтелектуальній ситуації історики Хорватії та Сербії виявилися заручниками політичної та ідеологічної кон'юнктури і були змушені актуалізувати не найкращі якості своєї корпорації, включаючи сервільність. «Сервільність істориків не вимагає особливих коментарів», - вважають російські історики Г. Бордюгов і В. Бухарев - «історіописання сприймається більшістю з них ... як ідеологічний інструмент, камертоном якого служать установки "зверху"»⁵⁶.

Сербська і хорватська історіографії страждають від родових травм історіографій тих суспільств, які в минулому мали досвід авторитарного розвитку. Тому такі інтелектуальні явища як міфологізація⁵⁷, а також «крайня політизація історіографії» або «високий ступінь політизації історіографії», «монополізація історіографічного виробництва», «високий ступінь політизації історичних дебатів», «історична міфотворчість»⁵⁸ почали визначати основні вектори і траєкторії розвитку історіографії в Сербії і Хорватії.

НДХ в хорватській і сербській історіографіях фактично стало полем битви двох ідентичностей і двох різних версій історичної пам'яті, але тільки хорватські історики виявилися здатні на обмежений ревізіонізм щодо історії НДХ в той час, як сербські інтелектуали в своїх інтерпретаціях хорватського політичного і державного досвіду періоду Другої світової війни досягли консенсусу, який зводився до демонізації Хорватії як держави. Хорватська ревізія історії НДХ має обмежені форми і прояви на тлі неформального компромісу, який проявляється в ідеалізації хорватської незалежності в період другої світової війни. Перегляд історії в Хорватії зробив

⁵³ Matković H. *Povijest Nezavisne Države Hrvatske* / H. Matković. – Zagreb: Naklada P.I.P. Pavičić, 2002.

⁵⁴ Tuđman Fr. *Bespuća povijesne zbiljnosti: rasprava o povijesti i filozofiji zlosilja* / Fr. Tuđman. – Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1989. – 505 s.

⁵⁵ Зашкільняк Л. «Паверхі» і «лесвіцы» сучаснай украінскай гістарыяграфіі / Л. Зашкільняк // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2009. – Т. 16. – Сш. 1 [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/leanid-zashkilnyak>

⁵⁶ Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени. – С. 63.

⁵⁷ Про міфологізацію як чинник розвитку історіографії та про міф як мову написання історії див. докладніше: Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1 – 2 (36 – 37). – С. 213 – 238.

⁵⁸ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485, 491 – 494.

видимим те, що традиційно визначається як «концептуальні вади історіографії»⁵⁹, які і виявилися в хворобливому ставленні суспільства до проблем національної історії тому, що вона стала об'єктом історичного ревізіонізму.

Сприйняття історії НДХ як в хорватській, так і в сербській історіографіях та історичних пам'ятках стало жертвою різних форм політизації, позитивної або негативної міфологізації і ідеологізації. Подібні тактики і стратегії написання історії НДХ, з одного боку, ще раз переконливо підкреслюють сервільність професійних історичних корпорацій і спільнот на Балканах, які не розлучилися як з спокусами етнічного націоналізму, так і з ідеями націоналістичних переписувань історії або національно вивірених маніпуляцій з нею. З іншого боку, історичні спільноти виявилися дуже консервативні. Білоруський історик Генадзь Сагановіч констатує зростаючі тенденції «підміни історії ідеологією і декларацією сервілізму професії істориків», нарікаючи на те, що в цій ситуації «так і не прозвучало ніяких публічно сформульованих голосів незгоди або протестів з боку професури»⁶⁰, хоча деякі альтернативні точки зору, що формують основу історичного ревізіонізму, в останні роки стають більш помітні.

Подібно до того, як «Леніна в Радянському Союзі не вивчали. Були процедури ритуального цитування»⁶¹, НДХ погано вивчалася протягом другої половини 1940-х – 1980-х років в хорватській і сербській історіографіях, які мали значний досвід ігнорування національно неприємних фактів з історії НДХ або явну схильність до її ритуальної демонізації. НДХ стало жертвою історіографічних маніпуляцій і політичних спекуляцій, тактик «стерилізації минулого»⁶², які мають найрізноманітніші форми і прояви: наприклад, в хорватській історіографії це виражається в героїзації, а в сербській – в актуалізації образу жертви. Обидві сторони історіографічного спору не виявляють явного бажання визнати і, тим більше, понести відповідальність, хоча б - моральну, за злочини своїх предків - усташів і четників, хоча і ті, і інші були однакові активні в застосуванні терору проти один одного, а також - мусульман і євреїв.

Тому, в умовах «універсального використання історичних наративів як засобу політичної мобілізації і масових маніпуляцій»⁶³, актуальними є два питання. Якщо альтернативні думки все ж висловлюються, то наскільки сучасні хорватські інтелектуали готові переглядати історію НДХ? Якщо альтернативні оцінки історії НДХ можуть бути віднесені до історичного ревізіонізму, то чи мають рацію ті автори⁶⁴, які

⁵⁹ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – С. 339.

⁶⁰ Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў / Г. Сагановіч // *Беларускі Гістарычны Агляд*. – 2013. – Т. 20. – Сш. 1 – 2 (38 – 39). – С. 179.

⁶¹ Кожокин Е. Политика и антиполитика в судьбе историка. «Путь вверх и вниз один и тот же». М.Я. Гефтер в воспоминаниях друзей и очевидцев / Е. Кожокин [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/13678>

⁶² Пахалюк К. Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы / К. Пахалюк [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/19924>

⁶³ Енев З. За ползите и вредите от “историята” / З. Енев // *Либерален преглед*. – 2013. – 16 Септември [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1>

⁶⁴ Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі / А. Маркава // *Беларускі Гістарычны Агляд*. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1 – 2 (36 – 37). – С. 179 – 212.

вважають, що ревізіонізм знижує або уповільнює консолідаційний ефект історіографії в розвитку національної ідентичності?

По-перше, змінився сам підхід до історії НДХ, яка почала сприйматися не як маріонеткова держава Італії та Німеччини періоду Другої світової війни, але як реальна спроба відновлення незалежної хорватської державності після перерви і хронологічного провалу в кілька століть – такому сприйняттю, зокрема, сприяє і те, що в НДХ був відсутній масовий опозиційний рух і значна частина хорватів позитивно ставилася до ідеї державної і політичної незалежності.

По-друге, НДХ уявляється і сприймається як жертва великосербського націоналізму і етнічного терору – тому, в провину четників⁶⁵, як сербським націоналістам, ставиться переслідування і вбивства католицьких священиків, руйнування церков і мечетей, вбивства мусульман, які сприймаються як частина хорватської політичної нації⁶⁶; сербам також приписується і післявоєнний терор проти хорватських націоналістів, в тому числі – на території суміжної Австрії («*rokoj u Bleiburgu*» або «Блайбургська бійня»⁶⁷). Актуалізація терору як форми насильства зовсім не випадкова в нових історичних маніпуляціях в Хорватії в силу того, що «культура жертв стала предметом маніпулятивної політики в галузі історичної пам'яті та ідентичності», як показує російський історик Н. Копосов і, тому, «можна простежити, як виникають цілі політичні рухи, у яких є єдиний капітал – віктимізація власного групового минулого»⁶⁸. Тому, поки у суспільства, як хорватського, так і сербського, буде існувати потреба в історичних міфах і великих історичних наративах, компроміс в написанні історії НДХ представляється малоімовірним, що, правда, не виключає періодичних появ її ревізіоністських інтерпретацій.

По-третє, хорватські інтелектуали частково готові поступитися принципами і цінностями етнічного націоналізму і відмовитися від сприйняття НДХ як тільки і виключно хорватської держави і трансплантувати до контекстів історії НДХ концепти політичної і громадянської нації як уявної спільноти – в сучасних дослідженнях історії НДХ вона позиціонується як одночасно католицька держава⁶⁹, держава хорватів-мусульман і навіть православних сербів, яких влада оголосила хорватами, створивши для них Хорватську Православну Церкву⁷⁰.

Розглянуті вище наративи формують академічну і інтелектуальну версію історичного ревізіонізму в сучасній хорватській історіографії, яка співіснує з більш радикальними і рішучими ревізіоністськими інтерпретаціями історії хорватської

⁶⁵ Dizdar Z., Sobolevski M. Prešućivani četnički zločini u Hrvatskoj i u BiH / Z. Dizdar, M. Sobolevski. – Zagreb: Dom i svijet, 1999.

⁶⁶ Kisić Kolanović N. "Islamska varijanta" u morfologiji kulture NDH 1941. – 1945. / N. Kisić Kolanović // Časopis za suvremenu povijest. – 2007. – God. 39. – Broj 1. – S. 63. – 95.

⁶⁷ Dusper Z. U vrtlogu Bleiburga / Z. Dusper. – Rijeka: Vitagraf, 1996; Grčić M. Otvoreni dossier: Bleiburg / M. Grčić. – Zagreb, 1990.

⁶⁸ Историческая политика в современной России. Путь в «сужающемся тоннеле»? [Електронний ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/19060>

⁶⁹ Krišto J. Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941. – 1945. / J. Krišto. – Zagreb: Hrvatski institut za povijest – "Dom i svijet", 1998.

⁷⁰ Krišto J. Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj / J. Krišto. – Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2001.

незалежності періоду Другої світової війни⁷¹. Радикальні ревізіоністи не задоволені спробами інтелектуальної реабілітації НДХ і інтеграції її історії в великі хорватські історичні наративи через контексти культурної, інтелектуальної, релігійної та гендерної історії, заперечуючи і не приймаючи потенціал модерністської і конструктивістської методології, уявляючи її як загрозу етноцентризму, який продовжує відігравати помітну і значну роль в сучасній хорватській історіографії.

Прихильники радикального історичного ревізіонізму чужі інтелектуальних спроб перегляду і переписування історії НДХ, пропонуючи три ідеї, які тісно пов'язані з політичними цінностями хорватського націоналізму. Ці ідеї рішучої ревізії історії НДХ можуть бути зведені до місцевої версії негативізму, тобто заперечення попередніх оцінок та історіографічних інтерпретацій. Радикальні ревізіоністи вважають, що

- по-перше, НДХ була нормальною державою, яка не тільки мало чим відрізнялася від інших сучасних країн, а й прагнула розвивати концепти політичної ідентичності, наполягаючи, що хорвати-католики і бошняки-мусульмани⁷² утворюють єдину громадянську націю – в цій ситуації не має сенсу проводити якийсь вододіл між НДХ і СР Хорватією в СФРЮ в силу того, що після війни частина усташів, незважаючи на репресії, змогла інтегруватися в нове суспільство⁷³ - тому негативні і ідеологічно мотивовані інтерпретації історії НДХ не є об'єктивними, але є проявами політично мотивованої зовнішньої критики Хорватії, і тому її витоки слід шукати в великосербській націоналістичній історіографії;
- по-друге, не дивлячись на інтеграцію хорватської історіографії в західні канони історичного знання і появу численних перекладів теоретичних і конкретно-історичних досліджень про геноцид⁷⁴, як явище світової історії, можна почути думку, що в НДХ не було спланованого і направленого терору і геноциду проти сербів, євреїв і циган, а основними жертвами політичних репресій в Хорватії були самі хорвати, а відповідальність за переслідування євреїв на території Югославії в однаковій мірі лежить на німецькій окупаційній адміністрації і її хорватських і сербських колаборантів⁷⁵;

⁷¹ Про форми історичного ревізіонізму в сучасній хорватській історіографії див.: Kursar T. Revizionistički izazovi historiografiji hrvatske političke znanosti / T. Kursar // Analiza Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju. – 2008. – Vol. 5. – No. 1. – S. 51 – 69.

⁷² Про мусульман в НДХ і концепти хорватської політичної нації як нації двох релігійних спільнот - католицької і мусульманської - див. докладніше: Goldstein I. Ustaška ideologija o Hrvatima muslimanske vjere i odgovor časopisa "Handžar" / I. Goldstein // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. – 2006. – Br. 38. – S. 259 – 277; Kisić Kolanović N. Muslimani i hrvatski nacionalizam 1941. – 1945 / N. Kisić Kolanović. – Zagreb: Hrvatski institut za povijest i Školska knjiga, 2009.

⁷³ Детальніше про проблеми політичної та історичної спадкоємності і державної наступності між НДХ і СР Хорватією в складі СФРЮ див.: Ustaški put u socijalizam u teoriji i praksi NDH / ured. N. Mihaljević. – Zagreb: Naklada Pavičić, 2016.

⁷⁴ Значна теоретична література про геноцид в 2000 - 2010-ті роки перекладена на хорватську мову. Див. докладніше: Bruneteau B. Stoljeće genocida / B. Bruneteau. – Zagreb: Politička kultura, 2005; Eaglestone R. Postmodernizam i poricanje holokausta / R. Eaglestone. – Zagreb: Jesenski i Turk, 2001.

⁷⁵ Про участь сербських четників в Голокості див.: Zuckerman B. Psihologija holokausta: protužidovska propaganda u NDH i Srbiji 1941 – 1945 / B. Zuckermann. – Zagreb: Židovska vjerska zajednica, 2011.

- по-третє, особливе місце в сучасному історичному ревізійонізмі належить «ясеновацькому міфу» («jasenovački mit»)⁷⁶: деякі хорватські інтелектуали вважають, що Ясеновац⁷⁷ ні був концентраційним табором смерті, але був трудовим табором, у чому хорватські історики явно розходяться зі своїми сербськими опонентами⁷⁸, навпаки, схильними до демонізації політики НДХ щодо сербів.

Висновки статті. Підсумовуючи, до уваги слід приймати кілька факторів, які визначають як основні особливості, так і вектори і напрямки розвитку і функціонування історичного ревізійонізму в сучасних історіографіях Болгарії та Хорватії.

Історичний ревізійонізм в національних історіографіях Балканського півострова має внутрішні витоки, пов'язані з історичним розвитком політичних культур і ідентичностей, незавершеністю процесів політичного і державного будівництва, значною роллю націоналізму в історіографічній історії і сучасних інтелектуальних ситуаціях Болгарії та Хорватії. Історичний ревізійонізм об'єктивно стимулюється культурною та інтелектуальною спадщиною авторитарної епохи, нездатністю національних академічних спільнот рішуче відмовитися від ідеологізованих і міфологізованих наративів ранніх етапів в історії національних історіографій, коли історичні штудії поєднували елементи етнічного націоналізму і комуністичної лояльності.

Історичний ревізійонізм знаходить прихильників серед представників різних поколінь болгарської та хорватської історіографії, які пропонують переглянути, піддати ревізії ранні історичні наративи. Ступінь ревізійонізму в болгарській та хорватській історіографіях різний, варіюючись від помірного академічного до радикального етноцентричного ревізійонізму, від прагнення привнести в неопозитивістські версії історії елементи модернізму і конструктивізму до заперечення військових злочинів або заниження числа жертв репресій в період другої світової війни.

Ступінь і глибина впливу історичного ревізійонізму на основні вектори розвитку болгарської та хорватської історіографії також різна: якщо в Болгарії ревізійоністські ідеї маргінальні і не знайшли достатнього числа прихильників серед представників академічної спільноти, щоб претендувати на статус нової парадигми, то в Хорватії ревізія історії НДХ просунулася набагато далі, принісши свої перші результати, які проявилися в спробах перегляду однозначно негативні версії історії хорватської державності під час Другої світової війни. Значення і роль сучасного історичного ревізійонізму, з одного боку, неоднозначна і досить суперечлива, але автор статті

⁷⁶ Про «ясеновацький міф» див. докладніше: Jurčević J. Nastanak jasenovačkog mita / J. Jurčević. – Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 1998; Pečarić J. Srpski mit o Jasenovcu / J. Pečarić. – Zagreb: Dom i svijet, 1998; Vuković T. Kako je nastao mit o 20.101 ubijenom djetetu u jasenovačkom logor / T. Vuković. – Zagreb: Glas koncila; 2016.

⁷⁷ Детальніше про Ясеновац див.: Boban L. Jasenovac and the Manipulation of History / L. Boban // East European Politics and Societies. – 1990. – Vol. 4. – No 3. – P. 580 – 592.

⁷⁸ Офіційна сербська точка зору на НДХ представлена в ряді досліджень. Див. докладніше: Bulajić M. Jasenovac: ustaški logor smrti – srpski mit? / M. Bulajić. – Beograd: Muzej žrtava genocida, 1999; Miletić A. Koncentracioni logor Jasenovac 1941 – 1945 / A. Miletić. – Beograd: Narodna knjiga, 1986.

вважає, що ревізіонізм на певних етапах розвитку історіографії може грати позитивну роль, стаючи гарантією від методологічного і теоретичного застою.

З іншого боку, ревізіоністські тенденції характерні і для інших національних держав регіону, які динамічно націоналізуються. Історія Балкан забезпечує істориків численними прикладами політично некоректних сюжетів, які сприяють розбіжності національних історіографій і зростанню міждержавних протиріч. Наприклад, замовчуються і практично не аналізуються проблеми співпраці сербів з німецькою окупаційною владою, сербська історіографія замовчує відповідальність четників за військові злочини проти євреїв і їх участь в масових вбивствах мусульман в період другої світової війни; грецькі історики прагнуть уникати незручних запитань про деславянізацію цілих регіонів Греції в 20 столітті...

Тому, аналіз форм і проявів історичного ревізіонізму в Хорватії і Болгарії може стати стимулом для вивчення аналогічних явищ і процесів в інших історіографіях регіону (наприклад, в сербській, македонської, грецькій або албанській), де націоналізм і пропоновані їм історичні міфи є не тільки стабільними, але істотно значимими факторами, які визначають напрямки і тенденції розвитку історичної уяви.

Библиографический список

109

1. Антикоммунизм и ревизионизм на службе империализма / ред. Ф.Т. Константинов, В.К. Попов. – М.: Изд-во УДН, 1974. – 126 с.
2. Анчабадзе Ю. Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука / Ю. Анчабадзе // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 159 – 175.
3. Аўтўэйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм / Ў. Аўтўэйт, Л. Рэй // Палітычная сфера. – 2006. – № 6.
4. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер / П. Баркоўскі // Палітычная сфера. – 2013. – № 21 (2). – С. 93 – 96.
5. Бонева В. Имената на Българското възраждане / В. Бонева // Историческо бъдеще. – 2000. – № 1 – 2. – С. 158 – 171.
6. Бордюгов Г., Бухарев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени / Г. Бордюгов, В. Бухараев // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003.
7. Везенков А. В служба на султана, в служба на революцията – Част 1 / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 02 април [Электронный ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2001-v-sluzhba-na-sultana-v-sluzhba-na-revolutyutziyata> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
8. Везенков А. В служба на султана, в служба на революцията – Част 2 / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 08 април [Электронный ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2008-2> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
9. Везенков А. Османизмът като политика на идентичността през епохата на Танзимата / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 07 май [Электронный ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/bulgaria/2048-osmanizam-tanzimat>

- (дата обращения: 21 января 2019 г.)
10. Везенков А. Очевидно само на пръв поглед: “Българското възраждане” като отделна епоха (Част 1) / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 12 Февруари [Электронный ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1948-1-v15-1948> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  11. Везенков А. Очевидно само на пръв поглед: “Българското възраждане” като отделна епоха (Част 2) / А. Везенков // Либерален преглед. – 2013. – 18 Февруари [Электронный ресурс]. – URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/1954-2> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  12. Востриков А.В. Борьба Ленина против неокантианской ревизии марксизма в России / А.В. Востриков. – М.: Госполитиздат, 1949. – 235 с.
  13. Гершкович З.И. Творческий марксизм и пустоцветы ревизионизма. Против ревизионизма в философии и эстетике / З. И. Гершкович. – Л.: Лениздат, 1960. – 235 с.
  14. Давидов Д. Тотални геноцид: Независна Држава Хрватска 1941 – 1945 / Д. Давидов. – Београд: Завод за уџбенике, 2013.
  15. Даскалов Р. Как се мисли Българското възраждане / Р. Даскалов. – София: ЛИК, 2002.
  16. Димитров Г. Да мислим ли Възраждането? Паметник на Възраждането или камък в блатото на нашата историография // Социологически проблеми. – 2004. – Кн. 1 – 2. – С. 309 – 326.
  17. Димитров И. Национален дух и История / И. Димитров // Либерален преглед. – 2010. – 15 Ноември [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1069-2010-11-15-18-53-11> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  18. Добренко Е. Советское прошлое: манифест нового ревизионизма / Е. Добренко // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 85 [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/do33.html> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  19. Ђурић В. Голгота Српске православне цркве 1941 – 1945 / В. Ђурић. – Београд: Народна књига – Алфа, 1997.
  20. Ђурић В. Прекрштавање Срба у Независној Држави Хрватској: Прилози за историју верског геноцида / В. Ђурић. – Београд: Алфа, 1991.
  21. Ђурић В. Усташе и православље: Хрватска православна црква / В. Ђурић. – Београд, 1989.
  22. Енев З. За ползите и вредите от “историята” / З. Енев // Либерален преглед. – 2013. – 16 Септември [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/prospects-science-publisher/2171-nutzen-und-nachteil-1> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  23. Зашкільняк Л. “Паверхі” і “лесвіцы” сучаснай української гістарыяграфіі / Л. Зашкільняк // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2009. – Т. 16. – Сш. 1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/leanid-zashkilnyak> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  24. Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история / Е.Зубкова, А. Куприянов // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 296 – 324.
  25. Иванова Е. Изгубената История / Е. Иванова // Либерален преглед. – 2015. – 25 Април [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/2699-2015-04-25-17-24-07> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  26. Иванова Е. Консенсуси на българската памет / Е. Иванова // Либерален преглед. – 2012. – 29 март [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1537-2012-03-29-07-44-45> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
  27. Истоки современного ревизионизма и его буржуазная сущность. – М.: Издательство МГУ, 1961. – 413 с.
  28. Историческая политика в современной России. Путь в «сужающемся тоннеле»? [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/19060> (дата обращения: 21 января 2019 г.)

29. Исхаков С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» / С. Исхаков // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 273 – 295.
30. Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006.
31. Кожокин Е. Политика и антиполитика в судьбе историка. «Путь вверх и вниз один и тот же». М.Я. Гефтер в воспоминаниях друзей и очевидцев / Е. Кожокин [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/13678> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
32. Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // An Imperio. – 2003. – № 1.
33. Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка / А. Ластоўскі // Палітычная сфера. – 2016. – № 24 (1). – С. 37 – 55.
34. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі / Р. Лінднер // Беларусіка / Albaruthenica. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1.
35. Лосев А.В. Критика современного ревизионизма / А.В. Лосев. – Воронеж, 1960. – 123 с.
36. Маркава А. Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі / А. Маркава // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1 – 2 (36 – 37). – С. 179 – 212.
37. Мирковић Ј. Злочини над Србима у Независној Држави Хрватској / Ј. Мирковић. – Београд: Свет књиге, 2014.
38. Молодяков В. Что такое “исторический ревизионизм” (коротко о главном) / В. Молодяков [Электронный ресурс]. – URL: <https://molodiakov.livejournal.com/59237.html> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
39. Мэгіл А. «Вялікі наратыў» і гістарычная навука / А. Мэгіл // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2004. – Т.11. – Сш. 1 – 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/alan-megil-vyaliki-naratyv-i-gistarychnaya-navuka/> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
40. Пахалюк К. Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы / К. Пахалюк [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/19924> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
41. Рифф Д. Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. «Излишняя заикленность на памяти»: о пользе и вреде забвения / Д. Рифф [Электронный ресурс]. – URL: <http://gefter.ru/archive/17958> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
42. Рыхлік Я. Фармаванне “нацыянальнай гісторыі” як сутнасці нацыянальнай ідэі і нацыянальнай ідэалогіі (на прыкладзе чэхаў) / Я. Рыхлік // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2006. – Т. 13. – Сш. 2 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belhistory.eu/yan-ryhlik-farmavanne-nacyyanalnaj-gistoryi-yak-sutnasci-nacyyanalnaj-idei-i-nacyyanalnaj-idealologii-na-prykladze-chexa> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
43. Сагановіч Г. Безуладдзе і праўладнасць беларускіх гісторыкаў / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2013. – Т. 20. – Сш. 1 – 2 (38 – 39).
44. Сагановіч Г. Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні // Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2012. – Т. 19. – Сш. 1 – 2 (36 – 37). – С. 213 – 238.
45. Сагановіч Г. Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі / Г. Сагановіч // Беларускі Гістарычны Агляд. – 2010. – Т. 17. – Сш. 1 – 2 (32 – 33). – С. 89 – 116.
46. Свобода у историков пока есть. Во всяком случае – есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобриня с Павлом Уваровым // Неприкосновенный Запас. – 2007. – № 55 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
47. Симић С. Прекрштавање Срба за време Другог светског рата / С. Симић. – Титоград: Графички завод, 1958.
48. Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм / пер. с англ. – М., 2002.

49. Суни Р. Леваја страна историје: спорови о комунистичком прошлом XX столетја / Р. Суни // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 5. – С. 242 – 264.
50. Тодорова М. Създаването на един национален герой: Васил Левски в българската обществена памет / М. Тодорова / превод от английски Димана Илиева // България, Балканите, светът: идеи, процеси, събития. София: Просвета, 2012 [Електронный ресурс]. – URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
51. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3.
52. Фарбман Н.В. Идеология германского ревизионизма (1918 – 1923 гг.) / Н.В. Фарбман. – Рязань – Пенза, 1987. – 80 с.
53. Bašić P., Kevo M. O problemu postojanja jasenovačkog logora nakon 1945 / P. Bašić, M. Kevo // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. – 1997. – Br. 30. – S. 300 – 307.
54. Basta M. Agonija i slom Nezavisne Države Hrvatske / M. Basta. – Beograd: Rad, 1971.
55. Bekić J. “Crni” i “crveni” u Hrvatskoj i Srbiji / J. Bekić // Političke analize. – 2011. – Br. 8. – S. 33 – 36.
56. Binder G. Revisionsliteratur in der Bundesrepublik / G. Binder // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. – 1966. – Bd. 17. – S. 179 – 2000.
57. Boban L. Jasenovac and the Manipulation of History / L. Boban // East European Politics and Societies. – 1990. – Vol. 4. – No 3. – P. 580 – 592.
58. Boban L. Still More Balance on Jasenovac and the Manipulation of History / L. Boban // East European Politics and Societies. – 1991. – Vol. 6. – No 4. – P. 213 – 217.
59. Bruneteau B. Stoljeće genocida / B. Bruneteau. – Zagreb: Politička kultura, 2005.
60. Bulajić M. Jasenovac na sudu: Suđenje Dinku Šakiću / M. Bulajić. – Beograd: Muzej žrtava genocida – Stručna knjiga, 2001.
61. Bulajić M. Jasenovac: Uloga Vatikana u nacističkoj Hrvatskoj / M. Bulajić. – Beograd: Pešić i sinovi, 2007.
62. Bulajić M. Jasenovac: ustaški logor smrti – srpski mit? / M. Bulajić. – Beograd: Muzej žrtava genocida, 1999.
63. Bulajić M. Misija Vatikana u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj: "Politika Stepinac" razbijanja jugoslovenske države i pokatoličavanja pravoslavnih Srba po cijenu genocida / M. Bulajić. – Beograd: Politika, 1992.
64. Bulajić M. Ustaški zločini genocida i suđenje Andriji Artukoviću 1986. godine / M. Bulajić. – Beograd: Rad, 1989.
65. Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia / S. Cvijic // Nationalities Papers. – 2008. – Vol. 36. – No 4. – P. 713 – 740.
66. Del Boca A. La storia negata: il revisionismo e il suo uso politico / A. Del Boca. – Vicenza: Neri Pozza, 2010.
67. Dizdar Z., Sobolevski M. Prešućivani četnički zločini u Hrvatskoj i u BiH / Z. Dizdar, M. Sobolevski. – Zagreb: Dom i svijet, 1999.
68. Dusper Z. U vrtlogu Bleiburga / Z. Dusper. – Rijeka: Vitagraf, 1996.
69. Eaglestone R. Postmodernizam i poricanje holokausta / R. Eaglestone. – Zagreb: Jesenski i Turk, 2001.
70. Goldstein I. Ustaška ideologija o Hrvatima muslimanske vjere i odgovor časopisa “Handžar” / I. Goldstein // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. – 2006. – Br. 38. – S. 259 – 277.
71. Grčić M. Otvoreni dossier: Bleiburg / M. Grčić. – Zagreb, 1990.
72. Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941 – 1945 / F. Jelić-Butić. – Zagreb: Sveučilišna naklada Liber – Školska knjiga, 1977.

73. Jurčević J. Nastanak jasenovačkog mita / J. Jurčević. – Zagreb: Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu, 1998.
74. Karamanić S. "Resnica in sprava": zgodovinski revizionizem: primer dediščine vojn in nasilja v postjugoslovanskem kontekstu" / S. Karamanić // Borec. – 2008. - Vol. LX. – No. 641 – 658. – S. 139 – 151.
75. Kasapović M. Genocid u NDH: Umanjivanje, banaliziranje i poricanje zločina / M. Kasapović // Politička misao. – 2018. – Br. 1. – S. 7 – 33.
76. Kisić Kolanović N. "Islamska varijanta" u morfologiji kulture NDH 1941. – 1945. / N. Kisić Kolanović // Časopis za suvremenu povijest. – 2007. – God. 39. – Broj 1. – S. 63. – 95.
77. Kisić Kolanović N. Muslimani i hrvatski nacionalizam 1941. – 1945 / N. Kisić Kolanović. – Zagreb: Hrvatski institut za povijest i Školska knjiga, 2009.
78. Krišto J. Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941. – 1945. / J. Krišto. – Zagreb: Hrvatski institut za povijest – "Dom i svijet", 1998.
79. Krišto J. Sukob simbola. Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj / J. Krišto. – Zagreb: Nakladni zavod Globus, 2001.
80. Krizman B. Ante Pavelić i ustaše / B. Krizman. – Zagreb: Globus, 1986.
81. Krizman B. Pavelić između Hitlera i Mussolinija / B. Krizman. – Zagreb: Globus, 1983.
82. Krizman B. Ustaše i Treći Reich / B. Krizman. – Zagreb: Globus, 1983.
83. Kursar T. Revizionistički izazovi historiografiji hrvatske političke znanosti / T. Kursar // Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju. – 2008. – Vol. 5. – No. 1. – S. 51 – 69.
84. Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus / R. Lindner // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27. – No 4.
85. Losurdo D. Il revisionismo storico. Problemi e miti / D. Losurdo. – Roma – Bari: Laterza, 1996.
86. Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske / H. Matković. – Zagreb: Naklada P.I.P. Pavičić, 2002; Tko je tko u NDH. Leksikon. – Zagreb: Minerva, 1997.
87. McPherson J. Revisionist historians / J. McPherson // Perspectives on history. The newsmagazine of the American Historical Association. – 2003. – September 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians> (дата обращения: 21 января 2019 г.)
88. Miletić A. Koncentracioni logor Jasenovac 1941 – 1945 / A. Miletić. – Beograd: Narodna knjiga, 1986.
89. Mrkoci V., Horvat V. Ogojela laž logora Jasenovac / V. Mrkoci, V. Horvat. – Zagreb: Naklada Čić, 2008.
90. Novak V. Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj / V. Novak. – Beograd: Nova Knjiga, 1986.
91. Od Bleiburga do naših dana. Zbornik radova o Bleiburgu i Križnom putu s drugog međunarodnog znanstvenog simpozija u Zagrebu 14. i 15. svibnja 1994 / ured. J. Marević. – Zagreb: Marabu, 1994.
92. Pečarić J. Srpski mit o Jasenovcu / J. Pečarić. – Zagreb: Dom i svijet, 1998.
93. Rakita M. Modernization discourse and its discontents / M. Rakita // Studia ethnologica Croatica. – 2017. - Vol. 29. – P. 103 – 148.
94. Redžić E. Muslimansko autonomaštvo i 13. SS divizija. Autonomija Bosne i Hercegovine i Hitlerov Treći Rajh / E. Redžić. – Sarajevo: Svjetlost, 1987.
95. Strategien der extremen Rechten: Hintergründe – Analysen – Antworten / hrsg. St. Braun, A. Geisler, M. Gerster. – Berlin: Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.
96. Suny R.G. The Left Side of History: The Embattled Past of Communism in the Twentieth Century / R.G. Suny // Perspectives on Politics. – 2017. – Vol. 15. – No 2. – P. 455 – 464.
97. Testa M. Il revisionismo storico. Le opinioni di studiosi e intellettuali / M. Testa. – Cesena: Historica edizioni, 2013.
98. Tuđman Fr. Bespuća povijesne zbiljnosti: rasprava o povijesti i filozofiji zločinca / Fr. Tuđman. –

- Zagreb: Nakladni zavod Matice hrvatske, 1989. – 505 s.
99. Ustaški put u socijalizam u teoriji i praksi NDH / ured. N. Mihaljević. – Zagreb: Naklada Pavičić, 2016.
100. Vercelli C. Il negazionismo. Storia di una menzogna / C. Vercelli. – Roma – Bari: Laterza, 2013.
101. Vuković T. Kako je nastao mit o 20.101 ubijenom djetetu u jasenovačkom logor / T. Vuković. – Zagreb: Glas koncila, 2016.
102. Waibl-Stockner J. "Die Juden sind unser Unglück": Antisemitische Verschwörungstheorien und ihre Verankerung in Politik und Gesellschaft / J. Waibl-Stockner. – Münster: LIT, 2009.
103. Živojinović D., Lučić D. Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen / D. Živojinović, D. Lučić. – Beograd: Nova knjiga, 1988.
104. Zuckerman B. Psihologija holokausta: protužidovska propaganda u NDH i Srbiji 1941 – 1945 / B. Zuckermann. – Zagreb: Židovska vjerska zajednica, 2011.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМОВ И ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ИСПАНИИ

115

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ ИСПАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Угроза надвигающегося миграционного кризиса глубоко укоренилась в сознании жителей Испании, а также проникла во все сферы жизни: от вопросов трудоустройства до культурных аспектов. Кроме того, миграция оказывает сильнейшее воздействие на политику Испании. Политические партии стараются придерживаться той позиции в вопросах миграции, которая не только подходит под их идеологию, но и вероятно привлечет больше сторонников. Приближающиеся выборы 2020 года в Парламент делают вопрос влияния миграции на идеологию политических партий Испании более актуальным. В данной статье автор приводит полную статистику миграционной ситуации в Испании, анализирует политику правоцентристских и левоцентристских партий, а также влияние миграции на их идеологию. В заключении автор делает прогноз, касаясь предстоящих выборов в Парламент и дальнейшего влияния миграции на судьбу политических партий.

Ключевые слова: выборы, политические партии, антимиграционные настроения, евроскептицизм.

The threat of the impending migration crisis is deeply ingrained in the minds of Spaniards, as well as penetrated into all spheres of life: from employment issues to cultural aspects. In addition, migration has a strong impact on Spanish policy. Political parties are trying to adopt a position on migration that not only fits their ideology, but is likely to attract more supporters. The upcoming Parliamentary elections in 2020 make the issue of the impact of migration on the ideology of political parties in Spain more relevant. In this article, the author provides full statistics of the migration situation in Spain, analyzes the policy of the center-right and center-left parties, as well as the impact of migration on their ideology. In conclusion, the author makes a forecast regarding the upcoming Parliamentary elections and the further impact of migration on the fate of political parties.

Keywords: elections, political parties, anti-immigration sentiments, euroscepticism.

Для понимания и оценки влияния миграции на идеологию политических партий Испании изначально следует проанализировать статистику прибытия мигрантов, представленную государством и местными СМИ.

Как и большинство стран Европы, Испания страдает от массового наплыва мигрантов. Всего в Испании в 2018 году проживает 4.572.055 иностранцев, а это 9,96% от общего количества населения [1]. В 2017 году всего иммигрировало 532.482 человек, из которых всего 78.058 – испанцы и 454.424 – выходцы из разных стран. Что касается эмигрантов, то их общее количество составило 367.878 человек, из которых 87.685 – испанцы и 280.193 – иностранцы.

В общей сложности 43 467 иммигрантов и беженцев достигли побережья Испании в 2018 году, что означает в среднем 152 прибытия в день, согласно официальным данным Министерства внутренних дел [2].

Согласно статистике Министерства внутренних дел, прибытие на лодках в Испанию увеличилось более чем на 200% по сравнению с аналогичным периодом 2017 года. Более 5000 мигрантов прибыли в Испанию на лодках в 2019 году, что на 94% больше, чем за аналогичный период прошлого года. За

первые три месяца прошлого года в Испанию прибыло 2829 человек, после эта цифра увеличилась почти вдвое. Все маршруты увеличились более чем на 50% [9].

Согласно данным Международной организации по миграции (МОМ), число въездов в Испанию по западному маршруту Средиземного моря достигает 40 598 человек, что на 154% больше по сравнению с прибывшими, прошлого года, когда 15 982 мигрантов прибыли по средиземноморскому маршруту [3].

В связи с сложной миграционной ситуацией, Педро Санчес – председатель правительства Испании находится в затруднении. Политика социалистов всегда была на стороне прибывающих мигрантов, но теперь на их решения, как никогда сильно, влияют возмущения народа и муниципалитетов. Местные власти Малаги, Гранады и Кадиса бьют тревогу: нет ресурсов для приема и размещения, центры переполнены, а мигранты, прибывающие к Южному побережью, остаются ночевать на улицах, вокзалах и дворах муниципальных учреждений. Филтрационный лагерь на 500 человек, обещанный правительством Испании, продолжает существовать только на словах. Говоря по-другому, страна не справляется с таким потоком.

117

Чтобы не усугублять и без того плачевную кризисную ситуацию, страна обратилась за помощью в Еврокомиссию. Но все предлагаемые меры остаются на бумаге: Еврокомиссия предлагает строить новые фильтрационные лагеря на территории Испании и одновременно работать с государствами Африки, чтобы те «тормозили» нелегальную миграцию.

В результате, миграционная ситуация остро влияет на происходящее на мировой и внутригосударственной политической арене. Несомненно, вопрос миграции повлияет на предстоящие выборы (июль 2020) и уже сейчас является сильным инструментом в руках политических партий. Многие политики используют громкие (зачастую неправдивые) высказывания о миграции с целью увеличения рейтинга популярности партии.

Рассмотрим подробнее позиции правых и левых испанских политических партий.

Самой популярной и самой крупной на данный момент в Испании является политическая партия правоцентристского толка Народная партия, возглавляемая Пабло Касадо. Партия считается наиболее консервативной и близкой к католической церкви, выступает за сохранение и поддержание баланса в государстве.

Партия занимает резко негативную позицию по отношению к мигрантам, заявляя в один голос вместе с австрийскими и итальянскими правыми популистами, а также странами Вышеградской группы об отсутствии ресурсов для размещения и адаптации мигрантов. В августе 2018 года лидер группы

потребовал, чтобы никто не «классифицировал» позицию партии касаясь вопросов миграции как «радикальную, правую или левую» [4].

По словам политика "поток иммигрантов не может оставаться неограниченным, и социальное государство не может его обеспечивать", поэтому он выступал за восстановление политики Аснара и Раджоя, которые позволили "принимать миллионы людей без проблем интеграции", в частности, «сотрудничать» со странами происхождения, открывать в них «бюро по трудоустройству», которые позволяют планировать потребности в рабочей силе Испании и способы их удовлетворения.

Он также отказался "оставлять границы незащищенными", именно поэтому он высоко оценил закон о безопасности граждан, который позволяет отвергать, возвращать и не возвращать незаконных иммигрантов и предоставляет защиту и большую оперативность силам безопасности для защиты наших прав" [5].

Позже он выступил с более резким заявлением: «Отбросим ложную политкорректность и честно скажем, что Испания не может принять миллионы африканцев, которые устремляются в Европу в поисках лучшего будущего». Касадо обвинил правительство социалистов в разжигании миграционного кризиса: по его словам, Испания и Европа должны всеми способами защищать свои границы [7].

С одной стороны, мы можем смело расценивать такую позицию, как отстаивание политических взглядов партии и в этом нет ничего особенного.

С другой же стороны, стоит вспомнить, что с лозунгами, выражающими схожую позицию («Долой иммигрантов!»), партия уже пришла к власти в 2011 году, собрав наибольшее количество голосов избирателей [11].

Ничего не мешает партии повторить этот трюк второй раз. Однако сейчас политик оперирует не только фразами о миграции, которые желает слышать народ. Также он нацелен «объединить вокруг партии всех, кто хочет сохранить Испанию». Глава партии работает над проектом по увеличению количества рабочих мест, снижению налогов, а также «упрощению жизни испанцев, которые рано встают» [12].

Позицию Касадо поддержал Альберт Ривера – лидер другой правоцентристской партии «Граждане». Проблема заключается в том, что большинство политических партий видят угрозу в пребывании безработных иммигрантов с Юга. По их мнению, «гости» негативно влияют на криминогенную обстановку в Испании. Вследствие чего они отрицательно относятся к политике Педро Санчеса, принимающего гуманитарные суда. Европа критикует анти-миграционную коалицию Ривера-Касадо, однако помогать не спешит, также, как не спешила помогать Италии.

Некоторые специалисты считают, что испанское правительство должно учиться на ошибках своей соседки - Италии, которая также стала жертвой миграционного кризиса, ставшего в последствии детонатором резкого поворота всего политического поля.

Также нельзя не уделить внимание крайне правой партии VOX, которая получила широкую огласку среди народа из-за своих резких анти-миграционных решений. Члены партии выступили за депортацию всех нелегальных иммигрантов, пожизненное лишение возможности пребывания в Испании и помощи от государства для всех нелегальных мигрантов, а также ужесточение требований к уровню владения испанским языком.

Рассматривая главных оппонентов «Правых» - Испанскую социалистическую рабочую партию, стоит отметить, что партия создана с целью представить интересы рабочего класса и построить социализм марксистской модели. В настоящее время партия идеологически находится среди европейских социал-демократических партий.

Что касается отношения ИСРП к мигрантам, их политика основана на содействии скорейшей интеграции и адаптации мигрантов. Как они сами заявляют: «Мы представим три основных направления деятельности, характерные для модели миграционной политики, подчеркнув, с другой стороны, требование, которое является незаменимой обязанностью в отношении политики предоставления убежища».

1. Первый компонент - это управление миграционной политикой в соответствии с принципами и требованиями демократического правового государства, уважение достоинства каждого человека и обеспечение прав человека в качестве приоритета любой государственной политики, в том числе иммиграционной.

2. Вторым компонентом является осознание принципа гражданской ответственности в качестве основного компонента политики интеграции.

3. Третий принцип должен служить ориентиром для основных действий в области миграционной политики, с тем чтобы ее программы и инициативы позволяли осуществлять взаимовыгодное управление. Это разработка политики сотрудничества и совместного развития со странами происхождения миграционных и транзитных потоков, которая не подчиняется интересам элит этих стран, а также рыночным или геостратегическим интересам и которая не зависит от основных субъектов государственной администрации, самих иммигрантов и представителей гражданского общества в странах происхождения и нашей собственной стране. То есть подлинное децентрализованное сотрудничество в области управления миграционными потоками [13].

Согласно данным принципам, ИСРП выступила с рядом предложений, которые также нашли отклик у народа Испании. Вот некоторые из них: [8]

1. Продвигать европейскую общую политику предоставления убежища и иммиграции. Подготовка доклада по вопросам иммиграции, международной защиты и сотрудничества для анализа и руководства испанской внешней миграционной политикой и, в то же время, для представления инициатив Европейскому Союзу, поскольку эта проблема является общей и доказала, что она необходима для адекватного подхода к глобальному измерению этого явления.

2. Обеспечить управление иммиграцией надлежащими политическими позициями и структурами в рамках общего государственного управления для эффективного и комплексного подхода к миграционным потокам и интеграционной политике.

3. Вернуться к стратегии двустороннего миграционного сотрудничества со странами происхождения и транзита потоков иммигрантов, оставленной в прошлом законодательном органе, и которая должна стать важнейшим инструментом для правового управления перемещением людей.

4. Поощрять позитивные действия в отношении женщин-иммигрантов и женщин-беженцев, находящихся в особо уязвимом положении.

5. Совершенствование административных процедур, позволяющих ускорить выдачу концессий и продление разрешений, в частности на воссоединение с семьей.

Благодаря демократической политике по отношению к мигрантам в Испании ИСРП является самой популярной левоцентристской партией. Громкие заявления о правах мигрантов также положительно влияют на позицию партии на политической арене. Успех партии прямо зависит от увеличения или уменьшения числа прибывших мигрантов.

Для сравнения: 28 апреля 2019 года по итогам досрочных парламентских выборов Испанская социалистическая рабочая партия во главе с Педро Санчесом получила 123 мандата из 350 в конгрессе депутатов, в то время как, в 2016 году ИСРП уступила правящей Народной партии и была представлена 85 депутатами, показав худший результат в истории выборов в демократической Испании с 1977 года [10].

Кроме того, чтобы прочнее закрепить позиции, ИСРП начала демонстративное сотрудничество с партией левых радикалов «Подemos».

«Политика сотрудничества - это лучшая из формул, потому что она позволила бы нам создать множественное, открытое, всеобъемлющее, инклюзивное и представительное правительство», - добавил социалист на пресс-конференции, настаивая на том, что «левые смогут согласен править в Испании» [6].

Однако, на наш взгляд такое сотрудничество может быть воспринято народом негативно. Достаточно вспомнить скандал 2016 года, связанный с незаконным финансированием партии Подемос Венесуэллой и Ираном. На волне разбирательств, в парламенте не обошлось без резких обвинений, что также нанесло сильный удар по репутации партии. Так, на заседании 7 апреля, когда лидер Подемос – Пабло Иглесиас – потребовал, чтобы Испания во имя соблюдения прав человека открывала границы для беженцев из Африки, ему ответил лидер центристской партии "Граждане" Альберт Ривера: «Вам не пристало говорить о правах человека, поскольку ваша партия пользуется деньгами режимов, грубо попирающих эти права» [].

В заключении стоит отметить, что внутривнутриполитическая ситуация в Испании напрямую зависит от благосостояния её граждан. И те социальные сферы, которые являются проблемными для страны, используются политическими партиями для увеличения числа сторонников той или иной партии. Очевидно, что люди, в поисках лучших социальных условий будут отдавать предпочтение тем политическим партиям, которые разделяют их точку зрения и готовы вносить изменения в социальную политику для повышения уровня жизни населения. Миграционная политика не исключение.

Уставшие от высокого уровня безработицы, роста уровня преступности на улицах, культурных, религиозных и этнических разногласий, Испанцы в большинстве отдадут предпочтение правоцентристским партиям.

Однако достаточно жесткая политика некоторых крайне правых партий повлияла на увеличение числа сторонников партий социал-демократов.

Трудно предугадать, кто наберет наибольшее количество голосов на предстоящих выборах, но понятно одно-консерваторы так просто не уступят свои лидирующие позиции, а демократы сделают всё, чтобы увеличить свои шансы на победу.

Библиографический список

1. Statistics of migration processes // United Nations Department of Economic and Social Affairs: Population Division – [Electronic resource]. – URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic/products/indwm/Dec.%202012/1a>.
2. Estadística de movimientos // Servicios al ciudadano – [Electronic resource]. – URL: <http://www.interior.gob.es/es/web/servicios-al-ciudadano/servicios-al-ciudadano>
3. Statistics of migration movements // International organization for migration – [Electronic resource]. – URL: https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_&t=2017
4. Casado, en la valla de Ceuta: "El Estado del Bienestar no puede sostener el flujo migratorio" // El español. – 2018. – 1 agosto [Электронный ресурс]. – URL: https://www.elespanol.com/espana/20180801/casado-interesa-algeciras-situacion-recien-llegado-patera/326967704_0.html

5. Ley Orgánica 4/2015, de 30 de marzo, de protección de la seguridad ciudadana // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado – [Electronic resource]. – URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2015/BOE-A-2015-3442-consolidado.pdf>
6. PSOE y Podemos negociarán un "gobierno de cooperación" para España // Sputnik Mundo. – 2019. – 5 julio [Электронный ресурс]. – URL: <https://mundo.sputniknews.com/espana/201906111087585806-psoe-y-podemos-negociaran-un-gobierno-de-cooperacion-para-espana/>
7. Casi 600 migrantes llegan a las costas españolas en la primera semana de 2019 // Sputnik Mundo. – 2019. – 7 enero [Электронный ресурс]. – URL: <https://mundo.sputniknews.com/espana/201901071084583606-crisis-migratoria-en-espana/>
8. Partido Socialista Obrero Español. PSOE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.psoe.es/>
9. Frontex. European Union Agency [Электронный ресурс]. – URL: <https://frontex.europa.eu/>
10. Испанская социалистическая рабочая партия // Риа Новости. – 2019. – 29 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20190429/1553138278.html>
11. PP: Иммиграционная политика Санчеса — это безответственное «реалити шоу» // Русская Испания – 2019. – 3 февраля [Электронный ресурс]. – URL: <http://russpain.com/news/refugiados/pp-immigracionnaja-politika-sanches-a-jeto-bezotvetstvennoe-realiti-shou/>
12. Народная партии Испании отказывается сотрудничать с правительством // Regnum – 2019. – 3 сентября [Электронный ресурс]. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2706755.html>
13. Бурда М.А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий [Электронный ресурс] / М.А. Бурда – 2017 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-protsessy-v-evrope-i-fenomen-rosta-vliyaniya-pravyh-politicheskikh-partiy>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПОЛИТИКА ПАМЯТИ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

Говоря об испанском национализме и политике памяти как его части невозможно, не упомянуть роль Франциско Франко. Перезахоронение диктатора становится новым этапом в данном направлении политики государства. В данной статье анализируется роль перезахоронения Франко как части исторической политики Испании.

Ключевые слова: Испания, историческая политика, политика памяти, историческая память, Франциско Франко, эксгумация Франко, перезахоронение Франко

Talking about Spanish nationalism and politics of memory as a part of this it's impossible not to mention Francisco Franco. The reburial of the dictator is a new step in this policies area. In this article the role of reburial of Franco as a part of Spanish historical policy is being analyzed.

Key words: Spain, historical policy, politics of memory, historical memory, Francisco Franco, Franco exhumation, reburial of Franco

123

Гражданская война в Испании и последующие годы правления Франсиско Франко (1939-1975 гг) оставили значительный след в памяти жителей страны. Восприятие образа диктатора претерпело большие изменения в массовом сознании испанцев. В своё время он позиционировался как исключительный военный, стратег, политик, семьянин и спаситель нации, чей период правления называли «самым длинным периодом мира, порядка и прогресса в истории Испании». Это особенно подчёркивали в радиосообщении, оповещавшем граждан о смерти лидера [1]. Несмотря на то, что в период его правления имели место быть и цензура, и репрессии, и пропаганда, Франко пользовался значительной поддержкой населения. Люди симпатизировали своим военным повстанцам во время Гражданской войны по разным причинам: религиозным, идеологическим, денежным. После 1950-х годов его поддерживали и те, кто просто был благодарен за повышение уровня жизни. Теперь его режим ассоциируется у людей с «войной против демократии» при поддержке Гитлера и Муссолини, а также режимом национального террора и активной пропагандой при помощи медиа и системы образования. С того момента прошло уже 44 года, но похоже, что режим Франко – это не просто часть исторической памяти, а всё ещё актуальная тема, которая остаётся точкой преткновения для Испании, если спустя столько лет правительство страны решило перезахоронить останки своего бывшего лидера, что вызвало общественный резонанс. Так, опрос El Mundo, проведенный в октябре этого года, показал, что 43% населения поддерживают эту идею, 32,5% - проголосовали против, а остальные не определились [15].

Франко выиграл Гражданскую войну 1930-х годов в Испании, которая началась, когда он восстал против избранного левого правительства. Он

установил диктатуру и провозгласил себя главой государства. Франсиско Франко удерживал власть в своих руках до своей смерти в 1975 году, после чего Испания перешла к демократии. Переход страны к демократии был достаточно бескровным, быстрым и не вызывал претензий, не считая неудавшейся попытки государственного переворота в 1981 году. В The Guardian отмечают, что такой быстрый переход от режима Франко требовал некоторого вида «амнезии». По мере того, как Испания модернизировалась, становилась оплотом либеральной демократии и вступала в ЕС, желания оглядываться на своё прошлое у страны было всё меньше [16]. Некоторые также считают, что Испания никогда не сталкивалась напрямую со своим фашистским прошлым: после смерти Ф. Франко в стране главенствовало негласный «Пакт забвения». Кроме того, законом об амнистии 1977 года запрещалось любое расследование произошедшего во времена Франко. Были снесены его памятники и переименованы многие улицы. Закон об исторической памяти, принятый социалистическим правительством в 2007 году, признавал жертв войны с обеих сторон и оказывал некоторую помощь выжившим жертвам диктатуры Франко и их семьям. Но работа по поиску и перезахоронению тысяч погибших в результате гражданской войны была медленной и противоречивой. Тела более 100 000 жертв конфликта и жестоких репрессий по-прежнему не найдены или лежат неопознанными во множественных массовых захоронениях по всей стране [8].

Одной из причин перезахоронения Франко стало то, что Долина павших – монументальный комплекс, где после своей смерти был погребён диктатор, является «святыней» для крайних правых испанцев, которые собираются там, чтобы отдать дань уважения прежнему лидеру страны. Сторонники диктатора также отмечают там годовщину его смерти. Социалистическое правительство Испании, пришедшее к власти в прошлом году, объявило перенос останков Франко одной из своих ключевых задач. Они также заявляют, что факт нахождения останков Франко в данном месте является посягательством на зрелую демократию. Они хотели сделать Долину Павших местом памяти и почтения жертв войны, ведь в данном комплексе кроме Франко захоронены жертвы испанской гражданской войны с обеих сторон. Многие потомки жертв режима Ф. Франко согласны с решением перезахоронить его в менее помпезном месте. Правительство Испании хотело провести перезахоронение до выборов, и сделали крайним сроком переноса останков 25 октября 2019 года [9]. Можно предположить, что таким образом правительство не только хотело отдать дань уважения покоящимся в Долине Павших и закрепить демократию в стране. Также они хотели использовать это для увеличения числа избирателей, возрождая историческую память о болезненном для Испании периоде и делая перезахоронение останков Франко символом полного отказа от фашистского

прошлого страны. Однако данное решение разделило мнение жителей по всей стране.

Не только его вторые, но и первые похороны вызвали в мире неоднозначное мнение и интерес общественности и средств массовой информации своей помпезностью и тем влиянием, которые они могли оказать на испанское общество. Так, газета ABC в своём выпуске от 25 ноября 1978 опубликовала 88 фотографий с похорон Франко. На фотографиях также были представлены изображения представители властей других стран, посетивших это событие: чилийский диктатор Аугусто Пиночет, бывший вице-президент США Нельсон Рокфеллер и король Иордании Хусейн.

В немецких СМИ, а именно Der Spiegel, рассуждали о наследии, которое после себя оставил диктатор и о том, какую роль будет играть с тех пор новый король Испании. Они считали, что он будет иметь небольшую свободу действий из-за власти аппарата генералиссимуса.

Британские СМИ, представленные таблоидом Daily Mirror, в своих материалах называли Франко «маленьким диктатором», «мясником» и описывали его похороны тошнотворно эффектными, тем самым открыто высказывая свою неприязнь. [3].

Похороны бывшего лидера Испании в 1975 году действительно были пышными, и вызывали недовольство общественности по всему миру, ведь его смерть сравнивали со смертью Гитлера и Муссолини. Правительство того времени ожидало беспорядков, поэтому бывший президент правительства Карлос Ариас Наварро поручил центральной службе документации (SECED) – разведывательной службе того времени, разработать план действий в чрезвычайной ситуации на первые часы и дни без Франко. Была создана группа, образованная командирами Пеньярандой, Гонсалесом Солером, Антьенцей и капитаном Эрнандесом Ровирой, ответственная за то, что впоследствии будет известно как операция «Светоч» («Operación Lucero»). В своей книге Пеньяранда рассказывает, что Наварро решил спор о том, где должен быть похоронен диктатор, сказав, что, если Франко не оставит в завещании распоряжения на этот счёт, то он будет захоронен там, где решит правительство, а не семья. Так как никакого распоряжения на этот счёт не было найдено, правительство решило похоронить Ф. Франко в Долине Павших. Также был разработан протокол, в котором описывались все детали похорон от того, во что должен быть одет диктатор, до того, кто именно должен нести гроб [2].

Что касается вторых похорон Франко, эксгумация диктатора столкнулось с некоторыми трудностями: родственники Ф. Франко пытались оспорить в суде решение правительства об эксгумации, но безуспешно. Они не хотели, чтобы тело диктатора покидало Долину Павших, но в тоже время предлагали альтернативное место захоронения – семейную крипту в соборе Альмудена в

самом центре столицы. Но, по решению правительства, подверженному судом, Франко был перезахоронен на кладбище Эль Падро-Мингоррубио, к северу от Мадрида, рядом со своей женой [7].

Кроме того, некоторые опасались, что из перезахоронения диктатора «похорон испанской диктатуры», могут получиться ещё одни помпезные государственные похороны и у крайних правых появится лишний повод отдать дань и почтить Франко. Так, на похоронах присутствовал министр юстиции Испании – Долорес Дельгадо. Многие сочли её присутствие на похоронах защитой государством семьи Франко и почитанием покойного. На самом же деле, она присутствовала там как Главный нотариус Королевства (Notaria Mayor del Reino) для того, чтобы заверить эксгумацию [5]. Кроме Долорес Дельгадо на похоронах имели право присутствовать 22 родственника Франко. Никаких помпезных атрибутов государственных похорон как триумфальный парад, почётный караул и триумфальная помпа на похоронах не было, так что опасения о пышности перезахоронения были преувеличены.

Однако нельзя сказать, что это событие прошло незамеченным и полностью без происшествий. Старший внук диктатора Фрэнсис Франко попытался накрыть гроб диктатора флагом Испании времен правления его деда, но ему запретили. Также, были приняты значительные меры для обеспечения безопасности проведения данной операции, которая привлекла внимание международного сообщества, которое желали осветить 500 журналистов из 17 стран. Но во время эксгумации внутри базилики не пускали журналистов, а всех, кто имел право на вход, проверяли на наличие записывающих устройств [10]. Из-за этого родственники Франко были остановлены и им запретили покидать новое место захоронения диктатора до того, как их тщательно проверят, так как они были заподозрены в записи видео. Это вызвало негодование у родственников покойного, которые даже называли подобные меры диктатурой [12], как бы иронично это не звучало.

Не обошлось и без присутствия крайних правых почитателей Франко. Около 300 человек собрались перед кладбищем Эль Падро, чтобы почтить диктатора. Они поднимали руки в воздух, размахивали флагами до конституционной Испании и кричали «Долгой жизни Франко» и пели «Лицом к солнцу» - гимн испанской Фаланги, который получил распространение с началом Гражданской войны в 1936 году и впоследствии исполнялся наравне с «Королевским маршем», став символом режима Франко и, фактически, вторым гимном. Кульминацией всего этого стало появление Антонио Техеро – бывшего полковника Гражданской гвардии, который в 1981 году пытался совершить государственный переворот для возвращения к режиму Франко, который был подавлен. Присутствующие франкоисты встретили его аплодисментами и одобрительными криками [13].

Как было упомянуто выше, решение о перезахоронении Франко вызвало неоднозначную реакцию. Так, бывший король Испании, Хуан Карлос I Борбон прокомментировал, что ему жаль тратить деньги на эксгумацию тела, которая обошлась государственной казне в сумму около 63 тысяч евро. В тоже время он отметил, что Франко, вероятно, предпочёл бы быть похоронен рядом со своей женой больше, чем там, где он был. Бывший король также пошутил, что он надеется, что после его смерти, мнение людей не изменится столь сильно, чтобы спустя 40 лет перезахоронить и его[11].

Вполне ожидаемо, что такой шаг со стороны правительства вызвал недовольство крайних-правых. Начались акты вандализма, так в центре Мадрида памятник основателю Социалистической партии Пабло Иглесиасу был исписан графити, про-франкоистскими слоганами и надписью «смерть коммунистам».

С актом протеста к почитателям Франко на кладбище Мингоррубио присоединился Чима Кихада, по его словам, с момента перехода к демократии и до настоящего времени все политические партии предали жителей страны. По его мнению, они сфальсифицировали историю страны, так как не хотели, чтобы новые поколения понимали её.

Своим решением PSOE – Испанская социалистическая рабочая партия не смогла угодить не только крайним правым, но и представителям левых партий. Это было во многом связано с упомянутым ранее присутствием Долорес Долгадо на похоронах в качестве юридического свидетеля. Альберто Гарсон, лидер объединённой левой коалиции в своём твиттере написал, что не понимает, что делают члены правительства и другие представители испанской демократии, торжественно посещая то, что явно является данью диктатору, его родственникам и другим фашистам.

Николас Санчес Альборноз, 93-летний историк, выразил своё облегчение решением об эксгумации Франко. В молодости он был приговорён к принудительным работам о постройке Долины Павших, но позднее сбежал оттуда. Он заявил, что не понимает, почему диктатор из группы, в которую входили Гитлер, Муссолини и другие, должен был быть похоронен в монументальном комплексе, являющемся историческим памятником. Николас Санчес добавил, что всё это испытывал стыд и поддержал решение PSOE словами о том, что сейчас самое время для такого шага [6].

Что касается позиций партий-оппонентов PSOE, Ciudadanos – испанская политическая партия либерального толка, занимает двойственную позицию по эксгумации Франко. Официально она поддерживает перенос останков диктатора из Долины павших, но в то же время критикует политическое и «пропагандистское» использование операции правительством Педро Санчеса. Лидер и кандидат Cs, Альберт Ривера, в своё время заявил, что «единственная

хорошая вещь», которую принесет эксгумация тела Франциско Франко в четверг (24 октября 2019 г.) - это то, что Санчес перестанет говорить о «костях» диктатора.

Vox – правая национально-консервативная политическая партия, выступает против эксгумации Франко и обвиняет Педро Санчеса в том, что он организовал "шоу для избирателей и упырей" которое выходит за рамки с решением перенести тело из Долины Падших против желания семьи диктатора.

Представитель Más País – левой экологическо-феминистической партии Ониго Эррехон заявил, что эксгумация тела Ф. Франко – это хорошая новость для демократов. Он отметил, что она подталкивает всех к тому, чтобы лишний раз почтить тех, кто боролся за свободу страны [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что цели Испанской исторической политики достаточно быстро сменялась с момента смерти Ф. Франко: сначала правительство Испании, пусть и не долго, пыталось выставить период правления Франко как самый прогрессивный и мирный, несмотря на огромное количество жертв. Вскоре политика памяти в Испании трансформировалась в добровольную амнезию, которая поддерживалась как негласным пактом, так и законодательными актами. Эксгумация останков Франко в рамках исторической политики Испании может рассматриваться как попытка «похоронить» своё прошлое и поставить на нём точку: то, что данное государство не могло сделать, не перестав игнорировать его, что и делало многие годы. Также стоит помнить, что данная политика обусловлена не заботой об исторической памяти, но и борьбой за власть PSOE. Представители испанской политики считают, что этим ходом партия хочет привлечь к себе внимание и голоса, с целью заполучить 176 мест в парламенте, необходимых для утверждения большинства. На данный момент у партии есть только 120. Таким образом, политика памяти в Испании стала также и инструментом для сохранения политической власти, влияя на дальнейший курс развития страны.

Библиографический список

1. Así contó el NO-DO el primer entierro de Francisco Franco [Электронный ресурс]. - URL.: https://www.religiondigital.org/espana/NO-DO-primer-entierro-Francisco-Franco-primo-rivera-militar_0_2170582925.html
2. Así fue el entierro de Franco en el Valle de los Caídos: todo estaba "atado y bien atado [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.publico.es/politica/exhumacion-franco-entierro-franco-valle-caidos-atado-atado.html>
3. Cómo cubrieron el funeral de Franco los medios de todo el mundo [Электронный ресурс]. - URL.: <https://maldita.es/maldita-te-explica/como-cubrieron-el-funeral-de-franco-los-medios-de-todo-el-mundo/>

4. "El pasado, pasado está", "no tocaba", "indiferencia", "un show electoral", así han reaccionado los partidos a la exhumación [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.elmundo.es/espana/2019/10/24/5db194b7fdddf3c798b459c.html>
5. ¿Fue la exhumación de Franco un "funeral de estado"? Los motivos para creer que no [Электронный ресурс]. - URL.: <https://magnet.xataka.com/en-diez-minutos/fue-exhumacion-franco-funeral-estado-motivos-para-creer-que-no>
6. Franco exhumation: Dictator's move stirs fury in divided Spain [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50171253>
7. Franco exhumation: Spain's Supreme Court backs move to cemetery [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.bbc.com/news/world-europe-49807372>
8. Franco exhumation: Spanish dictator's remains moved [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50164806>
9. Franco exhumation: Why is Spain moving a dictator's remains? [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.bbc.com/news/world-europe-46048514>
10. Franco's exhumation: Bringing an end to a symbol of the Spanish dictatorship [Электронный ресурс]. - URL.: https://elpais.com/elpais/2019/10/24/inenglish/1571900395_914719.html
11. Juan Carlos vio el entierro de Franco en el fisio: "Espero que no me muden de El Escorial en 40 años" [Электронный ресурс]. - URL.: https://www.elespanol.com/reportajes/20191025/juan-carlos-entierro-franco-espero-no-escorial/439207352_0.html
12. Las protestas de los Franco encerrados en Mingorrubio: "¡Quiénes son ustedes para prohibirnos salir, esto es una dictadura!" [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.elmundo.es/espana/2019/10/25/5db2b3a421efa0f6568b45ce.html>
13. Mingorrubio, cuatro franquistas y un funeral [Электронный ресурс]. - URL.: https://elpais.com/politica/2019/10/24/actualidad/1571928944_030598.html
14. Postal vote count gives extra seat to PP as Basque National Party loses MP number seven [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.thinkspain.com/news-articles/politics-people#p:/news-spain/31892/postal-vote-count-gives-extra-seat-to-pp-as-basque-national-party-loses-mp-number-seven>
15. Preston P. Spain feels Franco's legacy 40 years after his death [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.bbc.com/news/world-europe-34844939>
16. The Guardian view on General Franco's exhumation: a Spanish lesson in memory [Электронный ресурс]. - URL.: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/oct/25/the-guardian-view-on-general-francos-exhumation-a-spanish-lesson-in-memory>

THE TAMED ETHNICITY AS THE INVENTED TRADITION OF THE BASQUE NATIONALISM

Abstract: The invention of traditions became a universal strategy of nationalists in their attempts to imagine and construct nations, and the invented traditions became the foundations of national and political identities of modern nations. Basque nationalism is not an exception to this universal logic of the history of nationalism. Basque nationalism operates with several political invented traditions, but they are different from the same experiences of other European nationalisms. The invented traditions of Basque nationalism operate with ethnic categories actively. Therefore, the ideas of a unique nation, blood relationship and language are more important for the invention of the traditions of Basque nationalism than the principles of the political nation, civil rights and freedoms. The land, the Basque language, ethnic relations and other ethnicised imagined categories became the main invented traditions of Basque nationalism.

Keywords: invention of traditions, Basque nationalism, identity, nationalistic imagination

130

Formulation of the problem. Three books published in 1983 changed the main vectors and trajectories in the development of the Nationalism Studies radically. The works of Ernest Gellner⁷⁹, Benedict Anderson⁸⁰, Eric Hobsbawm and Terence Ranger⁸¹ influenced decisively the directions of Nationalism Studies and the terminology this interdisciplinary field of Humanities use. The ideas suggested by these intellectuals became so universal and influential that the modernist and constructivist approaches continue to determine in the most of the academic works focused on nationalism. The collapse of the authoritarian states of Central and Eastern Europe made audible the voices of historians of nationalism from this region. Central and Eastern European intellectuals were extremely receptive to the methodological and theoretical principles proposed in the 1980s by their Western counterparts and predecessors. Therefore, the modern history of nationalism and nations is predominantly modernist and constructivist because these theoretical approaches became universal and applicable for studies of any nationalisms and nations imagined and invented by them.

---

⁷⁹ Gellner, Ernest. (1983), *Nations and nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 152 p.

⁸⁰ Anderson, Benedict. (1983), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. NY: Verso, 256 p.

⁸¹ Hobsbawm, Eric; Ranger, Terence. (1983), eds., *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 324 p.

Ethnic particularism in nationalism as a pillar of history. Basque nationalism⁸² was no exception to this universal logic in the history of nationalism, despite the fact that the region was periphery in the 19th and 20th centuries and the influence of the waves of modernization and social transformations that covered the rest of Europe was heard here as distant of political and ideological revolutions. This remoteness provoked a slow pace of social changes, but it allowed Basque nationalists to use its ethnic archaic potential by a historic, critical and turning point when they actively began to imagine and invent a nation more actively than nationalists did in other regions where ethnicity and traditions in their archaic forms lost their influence in competition with the new political invented traditions.

Eric Hobsbawm, who introduced the discourse of “invention of traditions” into active academic use, believed that “the term ‘invented tradition’ is used in a broad, but not imprecise sense. It includes both ‘traditions’ actually invented, constructed and formally instituted and those emerging in a less easily traceable manner within a brief and dateable period - a matter of a few years perhaps - and establishing themselves with great rapidity... ‘Invented tradition’ is taken to mean a set of practices, normally governed by overtly or tacitly accepted rules and of a ritual or symbolic nature, which seek to inculcate certain values and norms of behaviour by repetition, which automatically implies continuity with the past. In fact, where possible, they normally attempt to establish continuity with a suitable historic past”⁸³. Constructivist and modernist approaches demonstrated and proved repeatedly their effectiveness in the studies of European nationalisms in particular and nationalism as a global phenomenon in general. Constructivist studies of Basque nationalism are rare⁸⁴ and attempts to imagine Basque nationalism as a consequence of modernism in the Basque language⁸⁵ are rarer and more single. This situation was the result of the following fact: primordial concepts dominate in the most of the academic texts about the nationalistic experience in the Basque Country⁸⁶. The inventionist and

⁸² Lecours, Andre. (2007), *Basque Nationalism and the Spanish State*. Las Vegas: University of Nevada Press, 255 p.

⁸³ Hobsbawm, Eric. (1983), *The invention of traditions*, in Hobsbawm, Eric; Ranger, Terence. (1983), eds., *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, p. 1.

⁸⁴ Gabilondo, Joseba. (2008), *Imagining Basques: Dual Otherness from European Imperialism to American Globalization*, in *Imaging the Basques: Foreign views on the Basque Country*. Bilbao: Eusko Ikaskuntza, pp. 145-173; Lilli, Jacques. (1994), *Basques, Catalans, primordialism and violence*, in *Cuadernos de Sección. Historia-Geografía*, Vol. 22, pp. 323 – 358.

⁸⁵ Apalategi, Jokin. (1986). *Euskal nazio ideia modernuaren eta lehen nazionalismuaren bilakaera historikoa*, in *Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria*, Vol. 31, orr. 55 – 75.

⁸⁶ Aizpuru, Mikel. (2000), *El Partido Nacionalista Vasco en Guipúzcoa, 1893-1923: orígenes, organización y actuación política*. Bilbo: Universidad del País Vasco, Servicio Editorial = Euskal Herriko Unibertsitatea, 510 orr.; Antxustegi, Esteban. (1943), *Abertzaletasunaren auzia: independentzia ala autonomia*. Bilbo: Sabino Arana eta oinordekoak, Sabino Arana Kultur Elkargoa, 351 orr.; Corcuera Atienza, Pedro. (1979),

imaginalist paradigm did not become universal languages for analyzing and describing the historical and political experiences of Basque nationalism, although modern Basque intellectuals are well acquainted with these theories and approaches, but prefer to use them exclusively to study how foreign authors imagine the Basques, their language and history. Basque intellectuals extremely rarely use and practice this modernist approach, preferring to write histories in the ethnic and primordial coordinate systems. Therefore, the transplantation of constructivist approaches and methodological principles for the analysis of Basque nationalism seems to be a very productive and promising academic strategy.

Constructivism and Basque nationalism. The main ideas of theoretical and methodological foundations of constructivist approaches in the Nationalism Studies are well known: a nation is a relatively new historical modern phenomenon; modern nations emerged as consequences and results of political, social and economic modernization; bourgeois revolutions and national states, which they inspired, became collective founding fathers- of modern nations; the dissemination of unified secondary education systems was provided by political elites and became too effective in transformation of traditional agrarian and partly urban communities into nations and nation-states; intellectual communities and political elites imagined their nations, they dreamed of, and offered them a set of ideologically, symbolically, sacredly motivated invented traditions for reproduction of identity.

All these theoretical positions, on the one hand, became commonplaces in modernist and constructivist studies of nationalism. On the other hand, they repeatedly dismantled and actualized their universality and effectiveness in studies of the peripheral nationalisms of Central and Eastern Europe, although Western and Eastern nationalisms also fell on the Procrustean bed of modernist and constructivist methodology. The geography of the use of modernism and constructivism as intellectual languages for the Nationalism Studies is extremely extensive, but some regions of Europe are among the “white spots” and “black holes” on the imagined maps the constructivist methodology despite its universality and the actual omnivorousness of modern historians of nationalism who use modernism and constructivism so actively, that this theory lost its orthodox character and its boundaries, which separated the constructivist interpretations of the nation from other ideas, became more like a blurred frontier.

Purpose of the article. The author’s goal, on the one hand, is an analysis of the mythologems proposed by ethnic and linguistic Basque nationalism as the imagined constructs and invented political traditions in contexts of modernist and constructivist theoretical approaches to the Nationalism Studies. On the other hand, the author recognizes and understands the controversy and provocation of the chosen methodology because Basque nationalism in historiography has a reputation of nationalism with

extremely developed and stable ethnic and linguistic backgrounds and ideological preferences. Therefore, it is extremely difficult to localize it in the contexts of civic and political state nationalisms because constructivism and modernism tend to precisely analyse these forms of nationalistic political and intellectual experience.

Basque nationalism and the invention of traditions. What the imagined and invented traditions of Basque nationalism are⁸⁷, the author plans to analyze in this article? The author believes that the ideas of Basque ethnic exclusivity, ethnic nationalism, the uniqueness of the Basque language, attempts to actualize these features and the collective intellectual desires to find ethnic and ancestral languages and relatives⁸⁸ beyond the modern geographical residence of the Basques are the systemic and central invented and imagined traditions of modern Basque nationalism. The invented and imagined traditions became results of the activities of several generations of nationalists and intellectuals, but the author presumes that activists of Basque nationalism were not the only ones who made significant contributions to the development and ideological evolution of the mythology that form the core of the invented traditions of modern Basque nationalism. Foreign intellectuals involved in the studies of the Basque language, in fact, were implicated in the formation and promotion of the central myths of Basque nationalism as invented traditions.

Basque nationalism and social stages. Modern invented national and political traditions belong to a number of relatively new constructs that arose in the 19th and 20th centuries. The starting conditions for the emergence of these political traditions in the regions populated by the Basques⁸⁹ were not very favourable for the further progress of nationalism and the strengthening of national identity. The nationalistic mythologems that form the invented political traditions only seem ancient and stable, but their real history is not more than one hundred years old. The Basque nationalism and political invented traditions offered, developed and promoted by the nationalists, as Miroslav Hroch⁹⁰

⁸⁷ Azurmendi, Joxe. (2007), *Volksgeist-Herri Gogoa. Ilustraziotik nazismora*. Donostia: Elkar, 333 orr.; Azurmendi, Joxe. (2014), *Historia, arraza, nazioa. Renan eta nazionalismoaren inguruko topiko batzuk*. Donostia: Elkar, 628 orr.

⁸⁸ Sánchez, Karmele. (2005), *Egungo euskoiberismoa berrikuspen historiografikotik abiatuz*, in *Kondaira*, no 3, orr. 1 – 53.

⁸⁹ Olábarri Gortazar, Ignacio. (1984), *La sociedad vasca en los siglos XVIII y XIX: estado de la cuestión*, in *IX Basque Studies Congress: Bilbao 1983. Background of current Basque Society. 18th and 19th centuries*. Donostia: Eusko Ikaskuntza, pp. 141 – 153; Mitxelena Elissalt, Koldo. (1984), *Euskara eta euskararekiko ikerlanak (1700-1880)*, in *IX Basque Studies Congress: Bilbao 1983. Background of current Basque Society. 18th and 19th centuries*. Donostia: Eusko Ikaskuntza, pp. 200 – 214; Rubio Pobes, Coro. (2010), *La literatura histórico-legendaria vasca: puente ideológico entre el discurso identitario del fuerismo y el del nacionalismo aranista*, in *Oihenart. Cuadernos de Lengua y Literatura*, Vol. 25, pp. 281 – 305.

⁹⁰ Hroch, Miroslav. (2015), *European Nations: Explaining Their Formation*. NY: Verso, 336 p.; Hroch, Miroslav. (2000), *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Columbia University Press, 220 p.

presumed, passed through three inevitable periods. This chronology of nationalism includes three stages:

Stage A: development of national culture, based on the local language and its normal use in education, governance and economic life. The interest in the nation is present, but it has almost exclusively cultural and even folkloric character. National activists are studying their native language and culture, trying to find the roots and origins of the nation they belong to. Nationalists form and imagine historical memory, although they themselves may not understand what they do.

Stage B: nationalists seek to gain civil rights and political self-government, for example, in the form of autonomy that legitimizes the movement for independence. A new generation of national activists and nationalists begins to actively participate in politics and conduct targeted propaganda among the population, which as they believe should become a nation. Nationalists face many difficulties, but gradually they have succeeded in the transformation of traditional groups into political ones.

Stage C: Nationalists as supporters and apologists for modernization are successful and create a social structure for their ethnic group in general. The complete social structure replaces the incomplete one and includes educated elites, classes of officials and entrepreneurs, free peasants and organized workers. The national movement becomes mass, the intellectuals represent a population that radically changed its status and became a political nation. Therefore, nationalists radicalize and realize that the national state, which personifies and symbolizes the imagined political and ethnic bodies of the nation, became the main goal of nationalism.

Basque nationalism became the product of the transformation of archaic and peripheral groups of non-Indo-European speakers who lived in the communities with incomplete and undeveloped social structures and predominantly traditional relations and institutions. Basque nationalism arose and developed as a consequence of late political, social, economic and cultural modernizations. The Basque nationalism passed all these three stages consistently, imagining the nation and inventing national political traditions for it. The various invented traditions of nationalism correspond to each of these three stages.

Tradition as the social motherland of nationalism. Regions populated by Basques were among the most traditional, archaic and peripheral territories under the control of the Spanish crown. Statuses of territorial and geographical peripheries were combined with numerous and significant social, economic and cultural features that separated the Basque lands from the rest neighbouring Romanesque territories and made them significantly different in the Spanish social and political landscapes. The unique system of political and administrative control and management in the Basque lands arose in the 13th century when local elites were able to get control over taxes and customs. The Basque lands developed in isolation, isolationism and autarky. Therefore, the Basques passed military service only in the territory of their province. *Fueros*, the number of benefits, privileges and duties, became the result of a compromise between the Basque elites and

the Spanish royal authorities. Spanish monarchs despite the fact that the royal power had absolutist character were forced to swear fidelity to *fueros*, although this political ritual had a symbolic and ceremonial nature. *Fueros* had a class character because they declared the principle of social equality of all Basques which in the pre-modern period when the state did not begin to divide its subjects into citizens and not force them to transform into social classes. The territorial periphery of the Basque territories and the archaic nature of regional political relations and institutions actualized the social features of the Basques as a group. Language and other ethnic characteristics were less important than social ones because the nation in the pre-modern Europe did not define the main vectors and trajectories of political developments and transformations. *Fueros* belonged to the number of early pre-national institutions and there is no sense to look for national components in relationships between the Basques and the Roman language groups in the pre-national period. *Fueros* was a traditional institution that fixed archaic political, social and economic norms and relations between different groups and regions. *Fueros* actualized traditional social and political roles, ignoring ethnic and national statuses. Tradition, but not a nation, determined the main vectors of the *fueros* as an institution. Therefore, the Basques before the 20th century had only some forms of administrative autonomy, but their territories never knew what statehood was. Basque society in these intellectual and cultural situations maintained its agrarian, conservative and traditional character, local institutions reproduced religiosity as a systemic element of regional identity and the Basques had a reputation of one of the most religious peoples in Europe. The political elites of Spain tried to change the situation in the second half of the 19th century when in 1876 *fueros* were cancelled and replaced by *Conciertos económicos* - formally modern and institutionalized attempt to define the relationship between the political centre and the economic periphery. The politics of modernization and industrialization, Spain began in the 1870s and 1880s, influenced the lands inhabited by Basques significantly, it led to the destruction of traditional relations and identities. Industrialization stimulated social changes, migration of Castilians to traditionally Basque regions, where national contradictions were absent before. Economic transformations changed the nature and character of social contradictions because it replaced class disputes and conflicts by national ones. Social and economic factors differed the genesis of Basque nationalism from the same processes in other regions of Europe significantly. Basque nationalism arose in unique social and political conditions, it became a collective and institutionalized attempt to preserve and maintain regional social and economic rights, features and privileges, but the Basque regionalists were forced to protect them in a new world that radically changed in comparison with world their ancestors knew and lived in. Therefore, the historical social protest of the Basques was forced to use the language of nationalism. The regional characteristics predetermined further developments of Basque invented traditions and new political language, nationalists spoke in. This new political discourse used ethnic and linguistic nationalism because it defended language and nation in the 20th century. The language of nationalism was more effective because it

proved that the nation has great ancestors who legitimise political efforts of its heirs. The Basque intellectuals preferred to use the language on nationalism because it was more attainable, real, normal and understandable than attempts to challenge the central authorities to control customs and taxes because these efforts had much in common with neo-feudal and neo-fueros nostalgia than with the universal logic of nation-states.

Euskal Herria as an invented tradition: the land as a symbolic body, the founding fathers of the nation as sacred parents. *Euskal Herria*, or the Basque Country, was the first invented tradition and political construct of Basque nationalism. *Euskal Herria* in nationalistic imagination exists as a two-part territory that consists of *Hegoalde* or Southern country and *Iparralde* or Northern country⁹¹. If the first one is in Spain geographically, the second belongs to France territorially and administratively, but the Basque nationalists are sufficiently determined and ambitious to imagine these territories as the sacred mentally united body of the nation, dismembered by Spain and France which are imagined as historically unavoidable opponents and enemies of the Basques. Nationalists actualise the image of enemy periodically because it is important for them in their attempts to understand the causes of the collapse of the medieval states of *Iruñea-Naiarako Erresuma*, *Nafarroako Erresuma* and *Baskoniako Dukerria*, which they prefer to imagine as Basque. Statehood as an invented political tradition in this intellectual situation was historized and nationalists actively use historical experience to legitimize *Euskal Herria* as a political ideal in general and their nationalistic activities in particular.

Euskal Herria has stable connotations with other invented traditions, including *Euskaldunak*, *euskal herritar* and *euskotar* as the main permanent and autochthonous inhabitants of this territory. The invented tradition of *Euskal Herria* actualizes several levels of identity simultaneously, including myths of continuity, constancy and autochthonous presence of Basques in this territory. *Euskal Herria* became a successful institutionalized invented tradition because it mutated and evolved to *Euskal Autonomia Erkidegoa* as a political institution or the institutionalised form of *Euskal Herria*. If *Euskal Herria* has become an ethnic invented tradition, then *Euskal Autonomia Erkidegoa* actualizes the political and state levels and dimensions of the Basque identity in its modernized forms when *Euskal Herria* appeals to the traditional, archaic and ethnic moments of the Basque political project. *Euskal Herria* as an invented tradition has ethnic roots and origins, actualising the relationship between the nation and its language. Therefore, the nationalists cultivate the

---

⁹¹ Ahedo Gurrutxaga, Igor. (2011), Los juegos de la identidad en Iparralde, in Azkoaga. Cuadernos de Ciencias Sociales y Económicas, Vol. 14, pp. 5 – 31; Ahedo Gurrutxaga, Igor. (2004), Celebraciones festivas en Iparralde: del folklore a la reivindicación política, in Zainak. Cuadernos de Antropología-Etnografía, Vol. 26, pp. 803 – 819; Ahedo Gurrutxaga, Igor. (2004), El euskara desde fuera en Iparralde, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria, Vol. 49, pp. 383 – 434; Jacob, James E. (1999), The Future of Basque Nationalism in Iparralde, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria, Vol. 44, pp. 69 – 88.

invented tradition of *Euskal Herria* as euskararen lurraldea - the countries of the Basque language.

The “*Euskadi*” definition became a later invention and political construct proposed by Sabin Arana⁹², who preferred to use the form “*Euzkad*”. *Euskeria*, *Euskaria* and *Euskadia* became special cases of the greater invented tradition of *Euskal Herria*. Sabin Arana, known for his nationalist slogan “*Euzkotarren aberria Euzkadi da*”, became the invented tradition because almost immediately after his death he was mythologized, idealized and proclaimed the founding father of the Basque political nation and Basque nationalism. Sabin Arana who in his nationalism and linguistic purism invented political traditions and civil rituals of a new identity became a politically contrived tradition. Basque nationalist historiography was extremely active and succeeded in its efforts to turn Sabin Arana into a founding father of the nation and a political icon: his life was mythologized and the nationalists suggested informal rules how to write about him as a political prophet. Sabin Arana in the Basque nationalist imagination became the creator of Basque nationalism or *Euskal abertzaletasuna*, which also could not avoid mythologization and ideologization. The invented tradition of nationalism was so universal that it stimulated the emergence of other political invented and imagined traditions that became its special cases and derivatives of ethnic and political Basque nationalisms.

137

Euskal Pizkundea or *Lehen Euskal Pizkundea* (the first Basque revival) became a classic attempt to invent a new political tradition by legitimizing and idealizing the history of Basque nationalism. *Euskal Lore Jokoak* or “flower games” is one of these minor invented political traditions that form the glorious and heroic history of Basque nationalism. *Euskal Pizkundea* became a late intellectual reaction and an attempt to comprehend the events of the 19th century and integrate them into the ethnocentric canon of history, the Basque nationalists actively wrote, imagined, invented and constructed in the 20th century. The disparate facts and events of the cultural and political histories of the 19th century were imagined by intellectuals of the 20th century as central and fundamentally important for the Basque national history. The intellectuals became the creators and founding fathers of the romantic ethnocentric historiographic canon because they provided the history of the Basque country of the 19th century with political characteristics and forms, including the nation and nationalism, which were more normal for the 20th century than for the peripheral and traditional Basque society in earlier stages of its history. Sabin Arana, the ideological and political founding father of Basque nationalism, was not the only product of the idealization and mythologization of nationalistic experience.

---

⁹² Agirreazkuenaga, Joseba. (2005), Sabino Arana Goirirenamodio gutunak (1898-1900), in *Argia*, abenduak 25, URL: <http://www.argia.eus/argia-astekaria/2021/sabino-arana-goirirenamodio-gutunak-1898-1900>; Amézaga, Elías. (2003), *Biografía sentimental de Sabino Arana*. Bilbao: Txalaparta, 316 orr.; Baldasua, Pedro de. (1953), *El libertador vasco. Sabino de Arana y Goiri*. Buenos Aires: Ekin, 202 p.; Igartua Antxustegi, Esteban. (2008), *El debate nacionalista. Sabino Arana y sus herederos*. Madrid: Editum, 324 p.

Basque nationalists in particular as other nationalists in general were very active in their manipulations with historical memory. The nationalist speculations of Basque intellectuals with history inspired them to imagine and invent the formal and informal pantheon of the founding fathers of the nation. Jose Arrandiaga Larrinaga, Engrazio Arantzadi Etxeberria, Angel Zabala and others entered the national pantheon as the founding fathers of nation and friends or historical heirs and successors of Sabin Arana. Koldo Mitxelena also became the founding father of the modern Basque identity, but his role and contribution to the Basque nationalism were mythologized by his historical and political heirs. Nationalism turned into a collective place of historical and political memories because it became the invented tradition and symbol of civil faith and religion for true Basque nationalists. The historical ideologies and theorists of Basque nationalism of the 19th and 20th centuries became imagined constructs and invented traditions because they entered the imagined symbolic pantheon of the founding fathers of the Basque political and ethnic nation.

2003 as an attempt to instrumentalize the political nation. Euskal Herria in Basque political and ethnic nationalism became a contrived tradition. Basque nationalists were interested in the transformation of the region's status that combine political and ethnic functions and the dimensions of Euskal Herria as a political construct and ideological concept. The Ibarretxe plan, proposed in 2003, was the most vivid and significant attempt to instrumentalize Basque nationalism and political invented traditions. Ibarretxe proposed a "Political Statute of the Basque Community" which could provide special relations between the Basque Country and Spain in the form of free association. Ibarretxe tried to combine the principles of political nationalism with the values and ideas of ethnic nationalism, emphasizing that the Basques who lived on their territories have the right to claim their own citizenship. Ibarretxe did not formally demand freedom and independence, believing that the Basque Country would become a state within Spain with significant economic, political and social rights. The Ibarretxe plan envisaged the visualization of Euskal Herria in an international context because in case of its implementation, the Basque Country would have the opportunities to open its offices abroad. The Ibarretxe plan was, on the one hand a radical modernist nationalist project, an attempt to turn the political tradition into a political nation and nation-state. It also fixed the desire to restore the fueros system in the new forms modernized and adapted for the political and socio-economic realities of contemporary Spain. On the other hand, actually the Ibarretxe plan aimed to restore old privileges and special rights that the Basques lost in the second half of the 19th century when Spain began the policy of industrialization and modernization. It is noteworthy that the political language of the Ibarretxe plan avoided to use definitions of political sovereignty and statehood. Formally, it was almost impossible to accuse Ibarretxe of radical political and state separatism because the Basque nationalists replaced the concept of independence with the idea of an association. The central authorities of Spain did everything possible to defame this political plan, but they provided Basque nationalism with the impetus for its

progress and further actualization of the invented political traditions that heroize Basque nationalism and turn ethnic and linguistic ethnicities into the central elements of the Basque political process, substituting political and civic values and principles.

Instrumentalization of invented traditions. The nationalists were quite active in their attempts to instrumentalize nationalism and were able to offer and propose several secular events with semi-ritual and almost sacred significance, including *Aberri Eguna* or “Fatherland Day” which became an eventual invented tradition with elements of a political ritual and the possibilities of visualization of a national identity. *Eusko Abendaren Ereserkia* or Anthem of the Basque Ethnicity was another consequence of the active invention of political traditions that could instrumentalize ethnic identity and make it more visible, audible and tangible in various cultural and social spaces where the Basques dominate as an ethnic majority. Other invented traditions had auxiliary and partly secondary character because they were invented and imagined by nationalists for the legitimation, glorification and visualization of *Euskal Herria* as the imagined and invented sacral political body of the Basques as a community and political nation. Invented traditions including *Ikurrin*, *Arrano beltza* and *Lauburu* became the same invented traditions as images of the ideal Motherland and the great Basque language as a visual confirmation of the autochthonousness and continuity of the presence of the Basques and their ancestors on their modern territory.

All of these three invented traditions became occasions and incentives for the heroicization of the Basque political and historical experience because *Ikurrin*, *Arrano beltza* and *Lauburu* were banned and persecuted during the dictatorship of Francisco Franco. These political invented traditions proved to be extremely convenient and effective in the context of nationalist attempts to overcome the simultaneous coexistence of heterogeneous memories⁹³ because ethnic symbols that appeal to ethnicity are more effective for national consolidation than the invented traditions of political experience and participation in a formally Spanish state. *Ikurrin* in this triad became a classic invented tradition, imagined by nationalists who sought to provide the colours of the flag with nationally marked and meaningful meanings and senses. The flag as an invented tradition became an instrumentalized symbol of the political and ethnic identity of the Basques as a nation and an imagined community. *Euskara*⁹⁴, Basque language is one of the most

⁹³ Innerarity, Daniel. (2012), Políticas de la memoria en Euskadi: reconocer, reconciliar, relatar, recordar, in *Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria*, Vol. 10, pp. 56 – 69.

⁹⁴ Igartua, Iván. (2012), *Euskara eta haren auzoak: aitzinsolas modura*, in Igartua, Iván. (2012), arg., *Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 7 – 16; Lakarra, Joseba A. (2012), “Mailegaketa eta berreraiketa euskararen historiaurrearen ikerketan”, in Igartua, Iván. (2012), arg., *Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 17 – 74; Echenique, María Teresa. (2012), *Euskara y románico: su contacto ininterrumpido a través de la historia*, in, Igartua, Iván. (2012), arg., *Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 85 – 102; Gorrotxategi, Joakin. (2012), *Euskaratiko osagaiak gaztelaniaren lexikoan*, in, Igartua, Iván. (2012), arg.,

mythologized and ideologized invented traditions in Basque nationalism because it constantly inspires and stimulates the nationalist speculations of intellectuals about the antiquity of the language, its uniqueness, origin and possible great relatives.

Ethnicity, language and the invention of traditions. The Basque nationalists, on the one hand, understood the uniqueness of the language, they and their compatriots speak in, and therefore they were very active in the search for possible and probable *Euskararen ahaideak* or Basque ethnic relatives⁹⁵. The Basque language⁹⁶, which does not belong to the Indo-European languages and can not find its place in typologies and classifications became the universal marker, nationalists use to determine identity. The progress and dynamic development of linguistic nationalism predetermined the dominance of ethnic trends in Basque nationalism. On the other hand, the nationalists were active enough to prove that the Basque language in the past was spread over wider territories⁹⁷ than those regions it dominated in the 20th century. These academic and pseudo-academic studies actualized several forms and dimensions of the Basque identity simultaneously, including ancient history, ethnicity, and roots of the language. These primordial preferences and propensities to write history in the ethnic system of coordinates assisted to the fact that the Basque intellectual discourse fell into a crisis and found itself in a state of theoretical and methodological stagnation. The dominance of the primordial approach in historiography marginalizes the modernist and constructivist attempts⁹⁸ to the invention and imagine the Basque identity. Therefore, the significant potentials and resources of constructivism as a universal language of the modern historiography of nationalism remain ignored by Basque intellectuals who continue to be trapped in the old positivist and romantic nationalistic myths and stereotypes. The absence of ethnic groups and languages with the obvious related ethnic and linguistic links allowed Basque nationalists to mythologize history and imagine

---

Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 103 – 150; Coyos, Jean-Baptiste. (2012), *Euskararen eta gaskoieraren arteko harremanak: zubereraren adibide batzuk*, in Igartua, Iván. (2012), arg., *Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar*. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 151 – 164; Zabaltza, Xabier. (1997), *El significado oculto de la palabra Euzkadi*, in *Fontes linguae vasconum: Studia et documenta*. 29. urtea, 74. zenbakia, orr. 77 – 84.

⁹⁵ Lakarra, Joseba A. (2006), *Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica*, in *Oihenart*, no 21, pp. 229 – 322.

⁹⁶ Azurmendi Ayerbe, María José. (2003), *Lengua e identidad: a propósito de una publicación reciente*, in *Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria*, Vol. 48, pp. 409 – 429.

⁹⁷ Lacasta Estaun, Gartzén. (1994), *El Euskera En El Alto Aragón*, in *Cuadernos de Sección. Hizkuntza eta Literatura*, vol. 12, orr. 141 – 278.

⁹⁸ Díaz Bizkarguenaga, Koldo. (2016), *Euskal herritar burujabeon aberria, Euskal estatua da*, in *Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria*, Vol. 61, no 1, orr. 8 – 33; Fernández-de-Labastida, Ixone (2012). *Análisis de un proceso contemporáneo de construcción identitaria: la fiesta del Día del Caballo en la Montaña Alavesa*, in *Zainak. Cuadernos de Antropología-Etnografía*, Vol. 35, pp. 9 – 41.

different ethnic groups as their linguistic relatives or ancestors. The inability to find linguistic ancestors and ethnic relatives, on the one hand, allowed Basque nationalists to declare Basques the most ancient nation in Europe that genetically originates from the first Cro-Magnon people who reached the territories of modern Europe.

On the other hand, the development of the Georgian language as a potential Basque relative in Transcaucasia allowed Basque nationalists to imagine the territories of ancient pre-Indo-European Europe as lands where languages which were related to modern Basque and Georgian dominated. The intellectual speculations of the nationalists about the Basque language as a political tradition in this cultural situation allowed them to imagine history as one more invented tradition in the ethnocentric system of coordinate. Therefore, history in the political and national imaginations was minimized and reduced to the heroic survival of the ancient Basque ancestors when their lands were captured by the Romans⁹⁹ and the history of their contacts with other ethnic groups¹⁰⁰. The last ones in the nationalistic imagination figured as passive recipients of information about the ancient Basques or malevolent falsifiers who deliberately distorted and falsified the facts about the Basques and their ancient glorious history and traditions. Language in this situation was doomed to become almost the only living historical source, which stimulated its politicization and use for ideological needs. A language that survived several periods of prohibition, restrictions and persecutions gained the reputation of *Euskararen debekuak* in the Basque nationalistic imagination and it was doomed to become an invented nationalist tradition. Nationalist intellectuals cultivated and promoted the ideas of purism¹⁰¹ actively and inspired mythologization and fetishization of language as an invented tradition and a form of political identity.

Euskara garbia or pure Basque language and attempts to normalise and standardise it¹⁰² became a natural result of attempts by nationalists to purify the language of

⁹⁹ Urtasun Antzano, Erlantz. (1997), Nafarroako Herribeherako baskoi populua erromatar aldian: Arkeologia eta Hizkuntza, in Isturitz. Cuadernos de Prehistoria-Arqueologia, Vol. 8, orr. 187 – 203.

¹⁰⁰ Joseba, Abaitua Odriozola. (2011), Hacia una cronología del contacto vascorrománico a la luz de la toponimia treviñesa, in Oihenart. Cuadernos de Lengua y Literatura. Vol. 28, orr. 49 – 81.

¹⁰¹ Hernández, Inés Pagola. (2005), Neologismos en la obra de Sabino Arana Goiri. Bilbo: Euskaltzaindia, 480 p. URL: <http://www.euskaltzaindia.net/dok/ikerbilduma/59821.pdf>

¹⁰² Campion, Arturo; Broussain, Pierre. (1922), Informe a la Academia de la Lengua Vasca sobre unificación del euskera, in Euskera, Vol. 3, no 1, pp. 4 – 17; Aurrekoetxea, Gotzon. (2004), Estandar eta dialektoen arteko bateratze-joerak: ikuspuntu teorikotik begirada bat, in Uztaro, Vvol. 50, orr. 45 – 57; Hualde, José Ignacio; Zuazo, Koldo. (2007), The standardization of the Basque language, in Language Problems and Language Planning, Vol. 31, no 2, pp. 143 – 168; Beck, Jan Mansvelt. (2005), The Place of Language and the Language of Place in the Basque Country, in James Cohen, Kara T. McAlister, Kellie Rolstad, and Jeff MacSwan. (2005), eds., Proceedings of the

foreign, mostly Roman and Castilian influences, and expand the scope of its use¹⁰³. The nationalists promoted the ethnization of the Basque language and the triumph of the principles of ethnic centrism in the language picture of the world, displacing and marginalizing Latinisms and Greekisms and replacing them with words with Basque roots. *Aberri* became an analogue of *Patria*, *Antzerrki* superseded *Komedia*, *Argazki* replaced *Fotografia*, *Edesti* acquired the significance of *Historia* in the purged language as the invented political tradition. All these tactics, practices and strategies of nationalist-minded intellectuals are known as *Baskismoa* - the visualization and glorification of everything Basque in all spheres of political, social and cultural life of the region.

Institutions and the invention of traditions. The inclinations of nationalists to invent traditions and provide them with new ethnic sacral or political civic meanings after they collected and systematized cultural, historical, and linguistic facts and forms of Basque identity transformed into attempts to organize special institutions for the promotion of identity. Modern Basque nationalism uses two forms of promotion and popularization of ethnic identity imagined and invented in the political system of coordinates. On the one hand, the nationalists try to institutionalize and instrumentalize the experience of the Basque identity in European contexts¹⁰⁴, comparing Basque nationalism with other regional nationalisms of the European Union¹⁰⁵. On the other hand, nationalists actively continue to use the traditional institutions of identity for its progress and development.

The museum as a cultural institution was the first successful invented tradition and European nationalists actively used the potential of museumed ethnicity to promote nationalism. *Eusko Abertzaletasunaren Museoa* became the most effective and successful attempt to systematize the invented traditions in the form of the museification of ethnicity and identity. Basque nationalism as an imagined and invented tradition quickly grew into a

---

4th International Symposium on Bilingualism, Somerville, MA: Cascadilla Press, pp. 1461 – 1477.

¹⁰³ Cobarrubias, Juan. (2008), History of the "Normalization" of Basque in the Public Administration Sphere, in *The Legal Status of the Basque Language Today: One Language, Three Administrations, Seven Different Geographies and a Diaspora*. Bilbao: Eusko Ikaskuntza, pp. 135 – 164.

¹⁰⁴ Aranbarri, Asier. (2016), Erregio errealitatearen papera Europan, in *Euskal Autogobernuaren etorkizuna: eredu azterketa alderatua eta dimentsio europarra* (Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria. Vol. 12), orr. 82 – 100; Bengoetxea, Joxerramon. (2016), Nazio-erregio izatetik Estatukide izatera: barneko zabalkuntza Europar Batasunean, in *Euskal Autogobernuaren etorkizuna: eredu azterketa alderatua eta dimentsio europarra* (Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria. Vol. 12), orr. 104 – 121.

¹⁰⁵ Ezeizabarrena Sáenz, Xabier. (2008), Basque Historical Rights within the European Union. A path towards co-sovereignty, in *Sub-State entities and co-sovereignty within the EU*. Bilbao: Eusko Ikaskuntza, pp. 29 – 103; Ayestarán Etxeberria, Sabino. (2001), La identidad vasca y la dimensión transfronteriza, in *Azkoaga. Cuadernos de Ciencias Sociales y Económicas*, Vol. 11, pp. 41 – 50.

network of specialized organizations which became attempts to instrumentalize and promote Basque identity simultaneously. If *Eusko Abertzaletasunaren Museoa* cultivated, imagined, invented ethnicity and museumed the ethnographic and cultural characteristics of the Basque identity, other social groups were more active in the promotion of the language as the most significant invented tradition that actualized the potential of ethnicity. *Eusko Ikaskuntza*, *Bai Euskarari Ziurtagiriaren Elkartea*, *Euskararen Etxea*, *Zenbat Gara*, *Euskara Kultur Elkargoa*, *Mendebalde Kultura Alkartea*, *Helduen Alfabetatze eta Berreuskalduntzerako Erakundea* became the most influential think tanks of Basque nationalism, which seek to instrumentalize identity and made the mythologized Basque identity an interesting to the Basques who in the globalising Spain prefer to use Castilian more active than their formal mother tongue. These and other institutions developed into a network of academic journals, including “*International Journal of Basque Studies (RIEV)*”, “*Azkoaga. Cuadernos de Ciencias Sociales y Económicas*”, “*Azpilcueta. Cuadernos de Derecho*”, “*Ikusgaiak. Cuadernos de Cinematografía*”, “*Isturitz. Cuadernos de Prehistoria-Arqueología*”, “*Jentilbaratz. Cuadernos de Folklore*”, “*Oihenart. Cuadernos de Lengua y Literatura*”, “*Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía*”, “*Zainak. Cuadernos de Antropología-Etnografía*”, which form intellectual discourse of the Basque nationalism as its invented tradition. The journals published by *Eusko Ikaskuntza* (Society for Basque Studies) became factories of meanings and senses that imagine, invent and reproduce different forms of Basque identity simultaneously. The activities of these social groups, activist organizations and academic journals focus mainly on popularisation, support and promotion of the Basque language, its more active use and the rise of prestige in comparison with competing and more widespread Castilian.

History, the invention of traditions and the limitations of ethnicity. Basque nationalists in this context actualize the applied and instrumental dimensions and functions of the invented political traditions. Several linguistic theories proposed by non-Basque intellectuals¹⁰⁶ became attempts to actualize and prove the antiquity and uniqueness of the Basque language and to find its relatives on the linguistic map of Eurasia. It is noteworthy that among the historians and popularisers of the Basque language were a lot of ethnic non-Basques and this academic fact actualizes the invented character of the national identity of the Basques in the context of other modern European nations which also emerged and achieves significant political progress as imagined communities and invented traditions created and proposed by intellectuals who could know the Basque language despite it was not their mother tongue. The involvement of non-Basques in the invention of the Basque language actualized the belongingness of Basque nationalism to the number of modern political constructs and projects because the ethnicity of the classics Basque linguistic studies did not correspond with ethnic values of Basque nationalism, but it did not

---

¹⁰⁶ Hamel, Elisabeth; Vennemann, Theo. (2002), Vaskonisch war die Ursprache des Kontinents, in Spektrum der Wissenschaft, Mai 1, URL: <http://www.spektrum.de/magazin/vaskonisch-war-die-ursprache-des-kontinents/828702>

become an obstacle for Basque nationalists and intellectuals to use results of their studies too actively in their attempt to promote values of Basque nationalism.

Numerous Basque and foreign intellectuals assisted to the unification of the language and the formation of its myth. Therefore, the linguistic studies of the Basque language are imbued with the spirit and values of nationalism and its theorists prefer to quote Koldo Mitxelena¹⁰⁷ who promoted the mythologization and ideologization of the language by one phrase: “*Euskararen egiazko misterioa iraupena da, ez jatorria*”. This nationalist myth was so stable, attractive and adaptive that it became one of the factors that determined the basic trajectories and directions of development of Euskal literatura or Basque literature¹⁰⁸, which became another stronghold of ethnicity and the domination of myths and invented traditions of an ethnic identity. Invented traditions of linguistic nationalism correspond to mythological and ideologized concepts, including *euskaldunak euskalduntzea* (the world of the Basque people) and *euskal herritarak euskalduntzea* (the world of Basque descent).

On the one hand, the considerable interest of Basque nationalists in use and instrumentalization of ethnicity turned Basque nationalism into an ideology with powerful and influential ethnic backgrounds and made nationalists hostages of myths and ideals of ethnicity which they imagined and invented themselves for the nation they dreamed of. On the other hand, academic historiography¹⁰⁹ also became an invented political tradition, nationalists actively use for history writing and its imagination as the symbolic form they used in their attempts to legitimize modern Basque ethnicity. Ethnicity in the Basque Country since the critical historical moment after the region was institutionalized in a democratizing Spain with an autonomous status always was among important political factors rooted in subjective dimensions of linguistic ethnicity. Therefore, Basque historians always were divided into those who preferred to write positivist traditional history and those

---

¹⁰⁷ Mitxelena, Koldo. (1968), Ortografia, in Euskera, Vol. 13, orr. 203 – 219; Mitxelena, Koldo. (1988), Euskararen batasun bideak, in Mitxelena, Koldo. (1988), Sobre historia de la lengua vasca. Donostia – San Sebastián: Diputación de Gipuzkoa, Vol. 2, orr. 972 – 983.

¹⁰⁸ Zarate, Mikel. (1977), Euskal literatura: Azterbideak, aztergaiak, azterketak (Udako euskal ikastaroa). Bilbo: L. Zugaza, 153 orr.; Kortazar, Jon. (2000), Euskal Literatura XX. Mendean. Bilbo: Las Tres Sorores, 160 orr.; Salaberri Muñoa, Patxi. (2003), Iraupena eta lekukotasuna: Euskal literatura idatzia 1900 arte. Bilbo: Elkarlanean S.L., 236 orr.

¹⁰⁹ Agirre García, Jaione. (2005), Historiaurrearen, Antzinaroaren eta Erdi Aroaren historia euskaraz. Historia ala fikzioa?, Vasconia. Vol. 34, pp. 185 – 208; González Mínguez, César. (2005), La construcción de un paisaje historiográfico: el País Vasco en la Edad Media. Balance de las dos últimas décadas (1983-2003), in Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía. Vol. 34, pp. 117 – 138; Sayas Abengoechea, Juan José. (2005), Protohistoria e historia de los vascones. Balance historiográfico (1983-2003), in Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía. Vol. 34, pp. 89 – 116.

who were voluntarily and decisively wrote history in the contexts of the ethnicized system of coordinates and ideological preferences of nationalism.

Historiography in Basque language¹¹⁰ plays a special role in the invention of the political traditions of nationalism because it actualizes several factors which are symbolically important for nationalism, including the continuity of the historical process, territory and language, but this Basque ethnical trend in historiography cannot successfully compete with historiographies in English and Spanish because it leans towards ethnic centrism inevitably. Political values and principles as parts of the invented traditions were less important and attractive than ethnic ones. Therefore, the ideological program of Basque nationalism developed as predominantly ethnic or ethnicised. Ethnic and folklore stimuli in this cultural situation became the main factors that stimulated and inspired the emergence and further progress of newly invented traditions, but they developed in the ethnic system of coordinates. The invention of the Basque national version of paganism in this cultural and intellectual situation was inevitable.

Therefore, *Euskal Herriko mitologia*¹¹¹ became one more invented political tradition that actualized the powerful potential of ethnicity and traditional religious relics, inherited by Basques from archaic pagan cults. *Mundakako printzesa*, *Sugaar*, *Mari*, *Amalur*, *Jaun Zuria*, *Mikelats*, *Atarabi*, *Eguzki Amandre*, *Ilargi Amandre*, *Amilamia*, *Urtzi*, *Basajaun*, *Basandere* and *Lamia* became the invented ethnic traditions and intellectual constructs Basque intellectuals created and imagined for re-vitalization of ethnicity and its successive competition with modern threats. These intellectual activities, on the one hand, inspired and stimulated the revitalization of folklore¹¹² as a source for newly invented traditions. Globalization and the integration of Spain into the globalizing world became factors that stimulated the interest of nationalists in folklore and inspired their attempts to integrate elements of popular culture into modern political traditions. On the one hand, the invention of new political and national traditions stimulated the concepts of autochthonism and the

¹¹⁰ Aizpuru Murua, Mikel. (2005), Historia euskaraz XX. mendean, nahiaren eta ezinaren artean. Lehen hurbiltzea, in Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía. Vol. 34, pp. 423 – 451.

¹¹¹ Euskal Herriko mitologia. Jentilen aztarnen atzetik. Liburua eta DVDa. 2010. ISBN-10: 8461447638; Euskal sinesmen zaharrak. Liburua eta DVDa. Egilea: Joseba Aurkenerena, 1999. ISBN-10: 8427122551; Pirinioak eta Euskal Herria: mitoak eta sineskizunak. Egilea: Gaiak argitaleletxea, 1995. 164 orr.; Lamia, sorgin eta tartaroen erresuma ezkutua. Liburua eta DVDa. Egilea: Xabier Kaltzakorta. Labayru Ikastegia, Bilbo, 1997. ISBN-10: 8486833965; Arana, Anuntxi. (1996), Orozko haraneko kondaira mitikoak. Bilduma eta azterketa. Doktorego Dieztatzeta. Universite Michel De Montaigne - Bordeaux Iii; Euskal Herriko Unibertsitatea, 1104 orr.

¹¹² Aurtenetxe Zalbidea, Auritz. (2010), Ez dok amairu tradizioa eta modernitatea, nortasunaren bila, in Jentilbaratz. Cuadernos de Folklore. Vol. 12. orr. 135 – 157; Legorburu Arzamendi, Mikel. (2001), Folklorea euskal curriculumaren globalizatzailea, in Jentilbaratz, vol. 7, orr. 7 – 12.

continuity of the historical and linguistic development of the Basques¹¹³ as another political invented tradition. Imagination and inventions as two universal strategies for the inspiration of identity became universal forms of actualization and promotion of images of pagan deities as relict sources of Basque identity, although it is not possible to exclude that some of these gods and goddesses became the imagined constructs of nationalist-minded intellectuals. The language and linguistic forms and backgrounds of national identity, on the other hand, in this intellectual situation became incentives for the emergence and further development of ethnically invented traditions that imagined and invented the Basque identity as predominantly ethnic, rooted in subjective factors of blood, language and kinship. The domination of ethnic centrism in the invention of traditions stimulated the emergence and progress of concepts that actualized ethnic principles, including *euskotar* and *euskaragabea*, which symbolized the Basque community in general and its individual representatives in particular.

Preliminary conclusions. The invented traditions of Basque nationalism became relatively late social, political and cultural constructs that arose as consequences of modernization and other transformations in the region in the contexts of belated changes and political democratization that began in the second half of the 1970s. The invented traditions of nationalism and identity became complex and multi-level constructs that actualized the political and ethnic forms of Basque consciousness simultaneously, but the ethnic component was more influential than in other European nationalisms. The domination of ethnic moments and the attempts of nationalists to invent language, ethnicity and history as invented traditions became the consequences of the fact that Basque ethnicity was weakened less than in other regions where the processes of modernization and destruction of traditional society were faster and more dynamic than in areas populated by Basques. The significant role of ethnic moments in the political imagination of Basque nationalism predetermined the fact that the invented traditions arose and developed as ethnical ones. Therefore, the motives for subjective ethnic kinship, language and blood were among dominant in political imagination of Basque nationalism. The traditional and partly archaic structure of Basque society did not allow to dominate civil and political nationalism because different groups of the Basque population were not ready to accept the ideas of political nationalism and nation-state. The slowed races and social speeds of modernization predetermined the radicalization of Basque nationalism and the further institutionalization of groups that preferred to use terror because they believed that it is more effective than a political dialogue with ideological opponents. These trends in the history of Basque nationalism in the second half of the 20th century stimulated the genesis and development of violence as one more invented tradition and form of political behaviour. Basque radical nationalists invented violence and legitimized it as a political tradition and it co-existed with predominantly intellectual practices and strategies of invention and

---

¹¹³ Ansorena Miner, José I. (1983), *Autoktono konzeptua ta euskal folklorea*, in *Jentilbaratz*. Cuadernos de Folklore. Vol. 4. orr. 277 – 282.

imagination of new political and social traditions as universal forms of identity and the reproduction of its politically sacred and symbolic meanings and senses. Basque nationalism develops in a European context where the imagination and the invention of traditions became universal forms of political and cultural communication, but nationalisms constantly practises in the revision of their political traditions as the formalized expressions of nations. Therefore, the prospects for further development and transformation of the invented traditions of the Basque identity continue to remain vague and indefinite because nationalism will develop dynamically as the part of the political agenda in the region in the next decades.

Bibliography

1. Agirre García, Jaione. (2005), Historiaurrearen, Antzinaroaren eta Erdi Aroaren historia euskaraz. Historia ala fikzioa?, Vasconia. Vol. 34, pp. 185 – 208.
2. Agirreazkuenaga, Joseba. (2005), Sabino Arana Goiriren amodio gutunak (1898-1900), in Argia, abenduak 25, URL: <http://www.argia.eus/argia-astekaria/2021/sabino-arana-goiriren-amodio-gutunak-1898-1900>
3. Ahedo Gurrutxaga, Igor. (2004), Celebraciones festivas en Iparralde: del folklore a la reivindicación política, in Zainak. Cuadernos de Antropología-Etnografía, Vol. 26, pp. 803 – 819.
4. Ahedo Gurrutxaga, Igor. (2004), El euskara desde fuera en Iparralde, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria, Vol. 49, pp. 383 – 434.
5. Ahedo Gurrutxaga, Igor. (2011), Los juegos de la identidad en Iparralde, in Azkoaga. Cuadernos de Ciencias Sociales y Económicas, Vol. 14, pp. 5 – 31.
6. Aizpuru Murua, Mikel. (2005), Historia euskaraz XX. mendean, nahiaren eta ezinaren artean. Lehen hurbiltzea, in Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía. Vol. 34, pp. 423 – 451.
7. Aizpuru, Mikel. (2000), El Partido Nacionalista Vasco en Guipúzcoa, 1893-1923: orígenes, organización y actuación política. Bilbo: Universidad del País Vasco, Servicio Editorial = Euskal Herriko Unibertsitatea, 510 orr.
8. Amézaga, Elías. (2003), Biografía sentimental de Sabino Arana. Bilbao: Txalaparta, 316 orr.
9. Anderson, Benedict. (1983), Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. NY: Verso, 256 p.
10. Ansorena Miner, José I. (1983), Autoktono konzeptua ta euskal folklorea, in Jentilbaratz. Cuadernos de Folklore. Vol. 4. orr. 277 – 282.
11. Antxustegi, Esteban. (1943), Abertzaletasunaren auzia: independentzia ala autonomia. Bilbo: Sabino Arana eta oinordekoak, Sabino Arana Kultur Elkargoa, 351 orr.
12. Apalategi, Jokin. (1986). Euskal nazio ideia modernuaren eta lehen nazionalismuaren bilakaera historikoa, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria, Vol. 31, orr. 55 – 75.
13. Arana, Anuntxi. (1996), Orozko haraneko kondaira mitikoak. Bilduma eta azterketa. Doktorego Dieztatzea. Universite Michel De Montaigne - Bordeaux Iii; Euskal Herriko Unibertsitatea, 1104 orr.

14. Aranbarri, Asier. (2016), Erregio errealtatearen papera Europan, in Euskal Autogobernuaren etorkizuna: ereduen azterketa alderatua eta dimentsio europarra (Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria. Vol. 12), orr. 82 – 100.
15. Aurrekoetxea, Gotzon. (2004), Estandar eta dialektoen arteko bateratze-joerak: ikuspuntu teorikotik begirada bat, in Uztaro, Vvol. 50, orr. 45 – 57.
16. Aurtenetxe Zalbidea, Auritz. (2010), Ez dok amairu tradizioa eta modernitatea, nortasunaren bila, in Jentilbaratz. Cuadernos de Folklore. Vol. 12. orr. 135 – 157.
17. Ayestarán Etxeberria, Sabino. (2001), La identidad vasca y la dimensión transfronteriza, in Azkoaga. Cuadernos de Ciencias Sociales y Económicas, Vol. 11, pp. 41 – 50.
18. Azurmendi Ayerbe, María José. (2003), Lengua e identidad: a propósito de una publicación reciente, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria, Vol. 48, pp. 409 – 429.
19. Azurmendi, Joxe. (2007), Volksgeist-Herri Gogoa. Ilustraziotik nazismora. Donostia: Elkar, 333 orr.
20. Azurmendi, Joxe. (2014), Historia, arraza, nazioa. Renan eta nazionalismoaren inguruko topiko batzuk. Donostia: Elkar, 628 orr.
21. Baldasua, Pedro de. (1953), El libertador vasco. Sabino de Arana y Goiri. Buenos Aires: Ekin, 202 p.
22. Beck, Jan Mansvelt. (2005), The Place of Language and the Language of Place in the Basque Country, in James Cohen, Kara T. McAlister, Kellie Rolstad, and Jeff MacSwan. (2005), eds., Proceedings of the 4th International Symposium on Bilingualism, Somerville, MA: Cascadilla Press, pp. 1461 – 1477.
23. Bengoetxea, Joxerramon. (2016), Nazio-erregio izatetik Estatukide izatera: barneko zabalkuntza Europar Batasunean, in Euskal Autogobernuaren etorkizuna: ereduen azterketa alderatua eta dimentsio europarra (Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria. Vol. 12), orr. 104 – 121.
24. Campion, Arturo; Broussain, Pierre. (1922), Informe a la Academia de la Lengua Vasca sobre unificación del euskera, in Euskera, Vol. 3, no 1, pp. 4 – 17.
25. Cobarrubias, Juan. (2008), History of the "Normalization" of Basque in the Public Administration Sphere, in The Legal Status of the Basque Language Today: One Language, Three Administrations, Seven Different Geographies and a Diaspora. Bilbao: Eusko Ikaskuntza, pp. 135 – 164.
26. Corcuera Atienza, Pedro. (1979), Orígenes, ideología y organización del nacionalismo vasco. Madrid: Siglo XXI, 610 p.
27. Coyos, Jean-Baptiste. (2012), Euskararen eta gaskoieraren arteko harremanak: zubereraren adibide batzuk, in Igartua, Iván. (2012), arg., Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 151 – 164.
28. Díaz Bizkarguenaga, Koldo. (2016), Euskal herritar burujabeon aberria, Euskal estatua da, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria, Vol. 61, no 1, orr. 8 – 33.
29. Echenique, María Teresa. (2012), Euskera y románico: su contacto ininterrumpido a través de la historia, in, Igartua, Iván. (2012), arg., Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 85 – 102.
30. Euskal sinesmen zaharrak. Liburua eta DVDa. Egilea: Joseba Aurkenerena, 1999. ISBN-10: 8427122551

31. Ezeizabarrena Sáenz, Xabier. (2008), Basque Historical Rights within the European Union. A path towards co-sovereignty, in Sub-State entities and co-sovereignty within the EU. Bilbao: Eusko Ikaskuntza, pp. 29 – 103.
32. Fernández-de-Labastida, Ixone (2012). Análisis de un proceso contemporáneo de construcción identitaria: la fiesta del Día del Caballo en la Montaña Alavesa, in Zainak. Cuadernos de Antropología-Etnografía, Vol, 35, pp. 9 – 41.
33. Gabilondo, Joseba. (2008), Imagining Basques: Dual Otherness from European Imperialism to American Globalization, in Imaging the Basques: Foreign views on the Basque Country. Bilbao: Eusko Ikaskuntza, pp. 145-173.
34. García Venero, Maximiano. (1945), Historia del Nacionalismo Vasco. Madrid: Editora Nacional, 664 p.
35. Gellner, Ernest. (1983), Nations and nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 152 p.
36. González Mínguez, César. (2005), La construcción de un paisaje historiográfico: el País Vasco en la Edad Media. Balance de las dos últimas décadas (1983-2003), in Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía. Vol. 34, pp. 117 – 138.
37. Gorrotxategi, Joakin. (2012), Euskaratiko osagaiak gaztelaniaren lexikoan, in, Igartua, Iván. (2012), arg., Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 103 – 150.
38. Hamel, Elisabeth; Vennemann, Theo. (2002), Vaskonisch war die Ursprache des Kontinents, in Spektrum der Wissenschaft, Mai 1, URL: <http://www.spektrum.de/magazin/vaskonisch-war-die-ursprache-des-kontinents/828702>
39. Hernández, Inés Pagola. (2005), Neologismos en la obra de Sabino Arana Goiri. Bilbo: Euskaltzaindia, 480 p. URL: <http://www.euskaltzaindia.net/dok/ikerbilduma/59821.pdf>
40. Hobsbawm, Eric. (1983), The invention of traditions, in Hobsbawm, Eric; Ranger. Terence. (1983), eds., The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, p. 1.
41. Hobsbawm, Eric; Ranger. Terence. (1983), eds., The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 324 p.
42. Hroch, Miroslav. (2000), Social Preconditions of National Revival in Europe. Columbia University Press, 220 p.
43. Hroch, Miroslav. (2015), European Nations: Explaining Their Formation. NY: Verso, 336 p.
44. Hualde, José Ignacio; Zuazo, Koldo. (2007), The standardization of the Basque language, in Language Problems and Language Planning, Vol. 31, no 2, pp. 143 – 168.
45. Igartua Antxustegi, Esteban. (2008), El debate nacionalista. Sabino Arana y sus herederos. Madrid: Editum, 324 p.
46. Igartua, Iván. (2012), Euskara eta haren auzoak: aitzinsolas modura, in Igartua, Iván. (2012), arg., Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritza, pp. 7 – 16.
47. Innerarity, Daniel. (2012), Políticas de la memoria en Euskadi: reconocer, reconciliar, relatar, recordar, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Eusko Ikaskuntzen Nazioarteko Aldizkaria, Vol. 10, pp. 56 – 69.
48. Jacob, James E. (1999), The Future of Basque Nationalism in Iparralde, in Revista Internacional de los Estudios Vascos = Nazioarteko Eusko Ikaskuntzen Aldizkaria, Vol. 44, pp. 69 – 88.

49. Joseba, Abaitua Odriozola. (2011), Hacia una cronología del contacto vascorrománico a la luz de la toponimia treviñesa, in Oihenart. Cuadernos de Lengua y Literatura. Vol. 28, orr. 49 – 81.
50. Kortazar, Jon. (2000), Euskal Literatura XX. Mendean. Bilbo: Las Tres Sorores, 160 orr.
51. Lacasta Estaun, Gartzen. (1994), El Euskera En El Alto Aragon, in Cuadernos de Sección. Hizkuntza eta Literatura, vol. 12, orr. 141 – 278.
52. Lakarra, Joseba A. (2006), Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica, in Oihenart, no 21, pp. 229 – 322.
53. Lakarra, Joseba A. (2012), “Mailegaketa eta berreraiketa euskararen historiaurrearen ikerketan, in Igartua, Iván. (2012), arg., Euskara eta inguruko hizkuntzak historian zehar. Vitoria-Gasteiz: Eusko Jaurlaritz, pp. 17 – 74.
54. Lecours, Andre. (2007), Basque Nationalism and the Spanish State. Las Vegas: University of Nevada Press, 255 p.
55. Legorburu Arzamendi, Mikel. (2001), Folklore euskal curriculumaren globalizatzalea, in Jentilbaratz, vol. 7, orr. 7 – 12.
56. Lilli, Jacques. (1994), Basques, Catalans, primordialism and violence, in Cuadernos de Sección. Historia-Geografía, Vol. 22, pp. 323 – 358.
57. Mitxelena Elissalt, Koldo. (1984), Euskara eta euskararekiko ikerlanak (1700-1880), in IX Basque Studies Congress: Bilbao 1983. Background of current Basque Society. 18th and 19th centuries. Donostia: Eusko Ikaskuntza, pp. 200 – 214.
58. Mitxelena, Koldo. (1968), Ortografia, in Euskera, Vol. 13, orr. 203 – 219.
59. Mitxelena, Koldo. (1988), Euskararen batasun bideak, in Mitxelena, Koldo. (1988), Sobre historia de la lengua vasca. Donostia – San Sebastián: Diputación de Gipuzkoa, Vol. 2, orr. 972 – 983.
60. Olábarri Gortazar, Ignacio. (1984), La sociedad vasca en los siglos XVIII y XIX: estado de la cuestión, in IX Basque Studies Congress: Bilbao 1983. Background of current Basque Society. 18th and 19th centuries. Donostia: Eusko Ikaskuntza, pp. 141 – 153.
61. Pirinioak eta Euskal Herria: mitoak eta sineskizunak. Egilea: Gaiak argitaleletxea, 1995. 164 orr.; Lamia, sorgin eta tartaroen erresuma ezkutua. Liburua eta DVDa. Egilea: Xabier Kaltzakorta. Labayru Ikastegia, Bilbo, 1997. ISBN-10: 8486833965
62. Rubio Pobes, Coro. (2010), La literatura histórico-legendaria vasca: puente ideológico entre el discurso identitario del fuerismo y el del nacionalismo aranista, in Oihenart. Cuadernos de Lengua y Literatura, Vol. 25, pp. 281 – 305.
63. Salaberri Muñoa, Patxi. (2003), Iraupena eta lekukotasuna: Euskal literatura idatzia 1900 arte. Bilbo: Elkarlanean S.L., 236 orr.
64. Sánchez, Karmele. (2005), Egungo euskoiberismoa berrikuspen historiografikotik abiatuz, in Kondaira, no 3, orr. 1 – 53.
65. Sayas Abengoechea, Juan José. (2005), Protohistoria e historia de los vascones. Balance historiográfico (1983-2003), in Vasconia. Cuadernos de Historia-Geografía. Vol. 34, pp. 89 – 116.
66. Urtasun Antzano, Erlantz. (1997), Nafarroako Herribeherako baskoi populua erromatar aldian: Arkeologia eta Hizkuntza, in Isturitz. Cuadernos de Prehistoria-Arqueologia, Vol. 8, orr. 187 – 203.
67. uskal Herriko mitologia. Jentilen aztarnen atzetik. Liburua eta DVDa. 2010. ISBN-10: 8461447638

68. Zabaltza, Xabier. (1997), El significado oculto de la palabra Euzkadi, in *Fontes linguae vasconum: Studia et documenta*. 29. urtea, 74. zenbakia, orr. 77 – 84.
69. Zarate, Mikel. (1977), *Euskal literatura: Azterbideak, aztergaiak, azterketak* (Udako euskal ikastaroa). Bilbo: L. Zugaza, 153 orr.

**ЭТНИЧЕСКИЙ
НАЦИОНАЛИЗМ В ВЕНГРИИ:
ТЕКСТЫ**

ВИКТОР ОРБАН ОБЪЯВИЛ О ПРОГРАММЕ ПО ПРЕКРАЩЕНИЮ ИММИГРАЦИИ¹¹⁴

Виктор Орбан объявил о программе из семи пунктов, чтобы остановить иммиграцию, представляя предвыборную программу Европейского парламента партии «Фидес» в пятницу в Парламентском салоне.

Согласно программе, управление миграцией должно быть изъято у бюрократов в Брюсселе и возвращено национальным правительствам. Он также предположил, что ни одна страна не должна быть обязана принимать мигрантов против их воли и не позволит никому иметь действительный европейский паспорт без документов.

Он также призвал изъять карточки мигрантов и визы для мигрантов, и Брюссель не должен давать больше денег организациям поддержки иммиграции Джорджа Сороса, а вместо этого возмещать расходы на охрану границ. В конце концов, Виктор Орбан потребовал, чтобы никто не подвергался дискриминации в Европе, потому что он объявляет себя христианином, а лидеры по борьбе с иммиграцией возглавляются институтами ЕС.

По его словам, именно эти моменты наиболее необходимы для прекращения иммиграции и сохранения христианской культуры. Он также попросил избирателей поддержать эту программу, подписав их. Он подчеркнул, что усилия элиты в Брюсселе должны быть ограничены, а иммиграция прекращена.

По его словам, на выборах в Европарламент наша христианская цивилизация заинтересована в том, чтобы ставка была на то, что лидерами иммиграции или антииммиграционными лидерами будет ЕС.

Вопрос в том, будет ли ЕС лидером иммиграционных или антииммиграционных лидеров. «Является ли Европа европейцем или местом для массы, пришедшей из другой цивилизации; мы защищаем нашу христианскую, европейскую культуру или даем место мультикультурализму», - заявил Виктор Орбан

Виктор Орбан также отметил, что основным источником недовольства европейской элиты сегодня является управление миграцией в Европе. Сегодня Европе угрожает миграция, но не просто миграционный кризис, а миграционный феномен, объясняющий, что главная причина миграции заключается в том, что за пределами Европы гораздо больше детей, чем в Европе, поэтому следует искать основную причину миграционного кризиса. «В Европе больше нет детей, потому что наш континент борется с культурными противоречиями и кризисами идентичности», - сказал он.

¹¹⁴ Источник: Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/orban-viktor-programot-hirdetett-a-bevandozlas-megallitasaert> (дата обращения: 16.06.2019)

Он также подчеркнул, что Европа, если она хотела бы иметь возможность остановить массовую миграцию, но не пыталась ее предпринять и даже поддержала нынешнее руководство ЕС, поощряет миграцию. Он также жаловался на то, что в Брюсселе не хотят ничего слышать о семейной политике, только хотят говорить каждый день о важности легальной миграции. Он сказал, что программа легальной миграции - это название европейской программы обмена населением, и поэтому она должна предстать перед выборами.

«Мы, венгры, прожили здесь тысячу лет здесь, в Карпатском бассейне (...), и мы хотим остаться здесь, по крайней мере, тысячу лет, чтобы сохранить наши границы, - сказал премьер-министр, - мы хотим, чтобы следующие поколения, наши дети, внуки, будут иметь право решать свою жизнь так же, как мы.»

Премьер-министр также коснулся отношений между Европейской народной партией (ЕНП) и партией «Фидес». Тогда Орбан сказал: «Мы решаем наше будущее, а не Европейская народная партия». После выборов они увидят, - продолжил он, - куда поворачивается ЕНП, но теперь, похоже, ее оставили в либеральном направлении к либеральной европейской империи и к Европе иммигрантов. Если вы обратитесь к этому, вы можете быть уверены, что «Фидес» не последует - заверили вашу аудиторию.

Манфред Вебер, лидер фракции ЕНП, назвал громкие заявления высокопоставленных бегунов радостью и национальной самооценкой, иными словами, неудивительно, что все больше и больше людей говорят «внешне». Однако премьер-министр попросил терпения, добавив, что они будут принимать решения в нужное время и исходя из национальных интересов.

В своем выступлении Жан-Клод Юнкер, уходящий в отставку президент Европейской комиссии, назвал приглушенного социалиста, который сказал, что он несет решающую ответственность за Брексит, миграционное вторжение и эскалацию конфликта между Центральной Европой и Западной Европой. По его словам, «в брюссельской элите есть ошибка», в Брюсселе есть «пузырь», виртуальный мир, который не хочет принимать во внимание реалии. Вот почему он считает, что католический баварский Вебер оскорбляет венгров. «Баварский баварец» может сделать это, но «баварский баварец», безусловно, никогда этого не сделает, сказал он.

Он напомнил, что Венгрия ведет переговоры с Брюсселем в течение 9 лет, и они всегда говорят, что венгерское правительство не желает делать то, что диктует Брюссель, если это не хорошо для венгров. Он подвел итоги пятилетнего баланса комитета Юнкера: «Англичане выходят, а иммигранты входят». Он также подверг критике план Соединенных Штатов Америки, который характеризовался стремлением элиты в Брюсселе к национальным государствам.

Виктор Орбан также представил больше данных из исследования Századvég европейского уровня, что сегодня население ЕС утратило уверенность в том, что жизнь следующих поколений будет лучше, чем нынешняя, «мечта о Европе сломана», а лагерь пессимиста - западный. Европейские страны. Он также привел число, согласно которому, по мнению большинства, 80% в Венгрии должны сохранять христианскую культуру и традиции.

Европейцы не хотят иммиграции - однако он высоко оценил это, указав, что Франс Тиммерманс является кандидатом на социалистическую встречу на высшем уровне, и одно из его утверждений об этом было классифицировано как марксистско-социалистическое. «Понятно, что Юнкер и мистер Тиммерманс все вместе, и единственный вопрос в том, как вооружить такого человека, как этот человек, Манфред Вебер», - сказал он. В заключение он сказал «покажите Брюсселю 26 мая», что последнее слово - не НПО Сороса и бюрократы в Брюсселе, а люди в кабинках для голосования.

«ФИДЕС» - НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ ВЕНГЕРСКИХ ГРАЖДАНСКИХ АССОЦИАЦИЙ ПРИНИМАЕТ СЛЕДУЮЩЕЕ РЕШЕНИЕ¹¹⁵

«Фидес» - Национальная Ассоциация Венгерской Гражданской Ассоциации отвергает План Сороса и стремление превратить Венгрию в страну иммигрантов. Мы обеспокоены тем, что благодаря огромному влиянию сети Сороса Брюссель хочет, чтобы государства-члены ввели обязательную квоту для постоянного потока иммигрантов без ограничений. Это нарушение суверенитета нашей страны и угроза безопасности и будущему страны.

Мы отвергаем стремление сети Сороса создать венгерский парламент и правительство, минуя волю венгерского народа.

Мы отвергаем намерение сети Сороса вмешиваться в венгерскую избирательную кампанию, цель которой заменить «Фидес»-КДНП иммиграционным правительством во власти.

Поэтому Национальный совет партии «Фидес» призывает правительство принять решение использовать любые средства, чтобы предотвратить реализацию плана Сороса. Правительству нужно, в случае с законом, ограничить законную деятельность и дальнейшее расширение иммиграционного регулятора сети Сороса.

Защитим Венгрию вместе!

---

¹¹⁵ Источник: Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.fidesz.hu/newsite/documents-file/zat/1516211926-fidesz-orszagos-valasztmany-hatarozat.pdf> (дата обращения: 16.06.2019)

Европа находится на перепутье, наша ответственность является исторической, - заявил в пятницу в Будапеште министр юстиции, лидер Европарламента партии «Фидес»-КДНП Ласло Трочаньи. Министр иностранных дел Петер Сийярто говорил о необходимости гордиться тем, что Венгрия сказала «нет» миграционному пакету ООН, но борьба не закончилась.

Ласло Трочаньи рассказал о Парламентском салоне, представляющем предвыборную программу Европейского парламента (ЕП) партии «Фидес»: выборы ЕП решаются не только с учетом настоящего Европы, но и с учетом будущих поколений и судьбы нации каждого государства-члена.

Он добавил, что представлять интересы Венгрии в ЕС - это серьезная задача, задача не меньше, чем защищать и строить Европу, следуя ценностям христианско-демократического духа отцов-основателей. Союз может выполнить свою миссию, если он хочет быть децентрализованными имперскими амбициями и сообществом, построенным с применением насилия, но уважением национального суверенитета, независимости, - отметил он.

Он сказал, что верит в силу демократии, что будущее Европы находится в руках европейских граждан. Вы верите в Европу, где страны-претенденты помнят о европейском единстве, где большие, средние и малые страны сидят на столе как равные стороны и слушают каждую из них. Он добавил, что он также считает, что в союзе не может быть центра и периферии, исчезнет интеллектуальный тоталитаризм и возобладает великая миссия европейской интеграции, гарантия европейского процветания, свободы и безопасности.

«Выборы в Европарламент решаются не только с учетом настоящего Европы, но и с учетом будущих поколений и судьбы нации каждого государства-члена», - сказал Ласло Трочаньи.

«Я считаю, что в ЕС свободное перемещение товаров, капитала, свобода услуг и свободное передвижение людей являются фундаментальными ценностями, которые должны быть сохранены», - сказал министр, который также назвал Шенгенский закон важным и сохраняемым. «Они уверены, что именно эти ценности могут способствовать единству континента», - добавил Ласло Трочаньи.

По его мнению, европейские институты сегодня отошли от населения Союза, решения ЕС часто далеки от реальности и практически неосуществимы. «Если вы посмотрите только на миграцию, Союз яснее, чем сегодня, он потерпел неудачу», - сказал он и отказался рассматривать Венгрию как

¹¹⁶ Источник: Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/europa-valaszut-elott-all-tortenelmi-a-felelosseg> (дата обращения: 16.06.2019)

«молодую демократию», над которой она должна контролироваться, несмотря на ее «исторические» традиции.

Министр иностранных дел и иностранных дел Петер Сийярто напомнил, что в 2015 году почти 400 000 нелегальных иммигрантов «прошли» по всей стране, нарушили наши границы, суверенитет и нарушили правила Венгрии и Европы. «Было доказано, что это является частью тщательно разработанного плана по глобальному изменению населения», - пояснил он.

Он объяснил, что европейские бюрократы, которые постоянно хотели наказать виновных стран, и европейские политики, которые обвиняют страны, которые хотят сохранить свою национальную самобытность, должны сыграть свою роль в реализации этого плана, настаивая на своем культурном, религиозном и историческом наследии. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций, были вовлечены в это, которые хотели легализовать нелегальную миграцию во всем мире с помощью пакета глобальной миграции.

По словам Петера Сийярто, он должен гордиться тем, что Венгрия сказала «нет». Однако борьба не закончилась, а вступила в новую фазу, - подумал он. По его словам, Брюссель делает все возможное для придания юридической силы пакетным положениям, вместо того, чтобы решать, с кем нас пускать и с кем мы живем, и тем самым игнорировать право венгров жить в мире и спокойствии на своей родине. «Мы не допустим этого, нам нужно четкое решение в конце мая», - сказал глава МИД.

Брюссель прилагает все усилия, чтобы сделать положения миграционного пакета юридически обязательными, вместо того, чтобы решать, с кем нам пускаться и с кем мы живем, тем самым пренебрегая правом венгров жить в мире и спокойствии в своей родной стране.

Йожеф Шажер, член Европейского парламента партии «Фидес», заявил, что «кошмар Соединенных Штатов Европы должен быть предотвращен путем укрепления наций». Европа не может быть сильной, если страны не сильны, пришло время вернуться к свободному сотрудничеству европейских народов равной ценности, которое принесло много успехов. Таким образом, Европа может только сохранить свою силу, и когда Венгрия борется за нее, она делает это на благо всей Европы, - сказал он.

Напомним: Венгрия вступила в Союз по своему усмотрению, и членство все еще высоко поддерживается. В то же время разочарование во всемогуществе западных рецептов усилило веру в здравый смысл, собственный опыт новых государств-членов и важность независимых решений. Время «рабского копирования» закончено, созданы новые альянсы, - напомнил он.

Йожеф Шажер подчеркнул, что в настоящее время наш регион является двигателем европейского роста, поэтому старые государства-члены становятся все более и более нервными, но они ищут ошибку, они хотят оказать на нас давление, и они хотят сказать что-то большее во всем. Некоторые лидеры ЕС институционализируют двойные стандарты, хотя это сотрудничество, главный враг равенства, подрывает доверие государств-членов и граждан к ЕС, сказал он.

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ АКТ, ПО КОТОРОМУ БРЮССЕЛЬ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ КАРТОЧКИ МИГРАНТАМ¹¹⁷

Возмутительный акт, по которому Брюссель предоставляет карточки мигрантам, подчеркнул Тамаш Дойч на пресс-конференции в субботу.

Член Европарламента партии «Фидес» напомнил гражданам, чтобы они неделями ждали, пока Брюссель ответит прямо и откровенно на вопросы, связанные с карточками мигрантов, после того, как выяснилось, что сирийский лидер террористов получил такую карточку. Тамаш Дойч подчеркнул возмутительный акт Брюсселя в отношении карточек мигрантов.

Депутат партии «Фидес» объяснил, что сначала они отказались иметь такую программу, а когда она оказалась, они месяцами держали в секрете и говорили об этом. Он добавил, что, наконец, признал, что Европейская комиссия поддержала программу карточек мигрантов.

«Драма, которую Брюссель изображает на карточках мигрантов, является четким свидетельством того, что нынешнее руководство базирующейся в Брюсселе иммиграции не представляет интереса для Европы и безопасности европейцев.», - сказал Тамаш Дойч.

Тамаш Дойч объяснил, что это анонимные карты без имени. К мигрантам, к которым эти карточки попадут, не применяются строгие правила, в отличие от граждан Европейского Союза.

Депутат партии «Фидес» заявил, что Европейская комиссия в своем еженедельном заявлении заявила, что считает программу карточек мигрантов «очень успешной». Он добавил, что комитет рассматривает программу, в рамках которой неконтролируемым образом нелегальные иммигранты, въезжающие в Европейский Союз, массово получают анонимные карточки мигрантов.

Тамаш Дойч подчеркнул, что Брюссель поразительно избегает объяснений по поводу раздачи карточек мигрантам. Он сказал, что в марте было выдано больше карт для мигрантов, чем когда-либо прежде. Он написал 69 000 карточек, заполненных деньгами, большинство из которых - люди, которые не знают, сколько террористов проникло в Европу.

Тамаш Дойч сказал, что о бюрократах в Брюсселе не говорят случайно, потому что эта программа полностью маскирует реальную цель. Он сказал нам помогать, поощрять и финансировать миграцию всеми средствами и любой

¹¹⁷ Источник: Fidesz. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://fidesz.hu/hirek/felhaborito-szinjatek-amit-brusszel-eload-a-migranskartyakrol> (дата обращения: 16.06.2019)

Под «карточками» имеются в виду банковские карты, заполненные деньгами для передвижения мигрантов по странам Европы с возможностью обосноваться в конкретном европейском городе.

ценой, хотя он знает, что миграция также приходит в Европу через миграцию и что карточки мигрантов также подходят для финансирования терроризма.

Депутат партии «Фидес» заявил, что драма, которую Брюссель представляет на карточках мигрантов, свидетельствует о том, что нынешнее руководство иммиграционной службы в Брюсселе не представляет интереса для Европы и безопасности европейцев.

Ставка на майские выборы заключается в том, можно ли остановить массовую нелегальную иммиграцию в Европу и сменить иммиграционных политиков, - отметил правительственный политик.

По мнению партии «Фидес», карточки мигрантов должны быть ликвидированы, а управление миграцией должно быть удалено из бюрократов в Брюсселе и возвращено национальным правительствам», - сказал Тамаш Дойч.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА - СТАРЫЕ ЦЕННОСТИ, НОВЫЕ ЦЕЛИ¹¹⁸

После краха коммунизма лица, принимающие решения в области внешней политики Венгрии, определили три приоритета: улучшить положение венгров, живущих в соседних странах, развивать хорошие отношения с нашими соседями и интегрироваться в евроатлантический блок. Последние двадцать лет доказали, что три цели были достигнуты лишь частично. Некомпетентность венгерских правительств помешала вступлением в ЕС вызвать настоящий бум для страны и венгерской нации в целом. На самом деле, наша ситуация ухудшилась в нескольких отношениях. Наши подчиненные внешнеполитические лидеры, которые пытались выполнить любые внешние требования, упустили исторические возможности, связанные с изменяющимся балансом международных (и европейских) держав, таким образом вступив в переговорный процесс вопреки интересам нации. Суверенитет Венгрии был потрясен.

Партии «Йоббик» считает, что внешняя политика Венгрии должна быть заложена на новых основах, которые являются краеугольным камнем укрепления нашего национального суверенитета в хорошо продуманной структуре альянса. На европейском уровне мы поддерживаем концепцию Европейского Союза, функционирующего как сотрудничество свободных наций, включая политические силы, выступающие за это дело. Наша внешняя политика отводит ключевую роль развитию наилучших отношений с тремя великими державами, которые определяют ситуацию в центрально-европейском регионе: Германии, России и Турции. Мы убеждены, что мы можем и должны сделать этот шаг, хотя это нелегко осуществить в условиях существующих внешнеполитических стычек. Германия является политическим и экономическим центром Европейского Союза, и, говоря культурно, это также одна из самых близких стран к Венгрии; Россия является важным игроком в глобальной политике и ключом к нашей энергетической безопасности, в то время как Турция является ключевым государством на Ближнем Востоке и, как таковое, важно для нас.

С точки зрения стратегической и военной политики мы выступили с резкой критикой НАТО. Мы твердо верим, что организация может гарантировать безопасность Венгрии и мира только в том случае, если она соблюдает свою первоначальную миссию и остается оборонительным союзом. Мы поддерживаем силы, которые призывают к ослаблению напряженности между НАТО и Россией.

¹¹⁸ Источник: Jobbik. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jobbik.com/policies> (дата обращения: 16.06.2019)

Проблема венгров, живущих в соседних странах, была в центре внимания венгерского мышления с 1920 года, когда в Париже был объявлен мирный диктат Трианона. Мы не смогли полностью оправиться от травмы, и ситуация еще более усугубляется часто враждебными и пугающими шагами соседних государств против их местных венгерских общин.

В настоящее время в соседних странах проживают 2,5 миллиона венгров, и половина из них проживает в этнических блоках, составляющих большинство в их соответствующих городах или регионах. Однако их права и использование языка признаются только Словенией, Австрией и Хорватией, хотя доля венгров, проживающих в этих государствах, не очень значительна. Вопреки вышеизложенному, венгерская община Словакии, насчитывающая 400 000 человек, до сих пор подвергается стигматизации коллективной вины, в то время как государственная администрация постоянно пытается ограничить их использование языка, то есть лица, использующие венгерский язык, часто сталкиваются с юридическими санкциями. 1,5-миллионная венгерская община Румынии живет в одном блоке, образуя абсолютное большинство в трех округах. Однако власти регулярно принимают грубые меры против венгерских национальных символов и/или их пользователей, а венгерская интеллигенция часто подвергается преследованиям, запугиваниям, в крайних случаях даже тюремному заключению на общенациональном уровне. Общинам диаспоры часто запрещается использовать венгерский язык. Несмотря на то, что в последние годы Сербия добилась определенного легального прогресса в вопросе самоуправления 200-тысячной венгерской общины, физические нападения на них по-прежнему распространены, а подстрекательское невежество со стороны властей. Наихудшая ситуация наблюдается в Украине, где много венгерской молодежи призваны в украинскую армию, а беженцы направляются в населенные венграм города и деревни, тем самым насильственно нарушая этнические пропорции. Кроме того, населенные Венгрией районы регулярно подвергаются запугивающим действиям со стороны украинских неонацистских групп.

Положение венгров, проживающих в соседних странах, требует немедленного урегулирования. Соседние государства должны признать право венгерских общин на самоуправление и обеспечить условия для их выживания. Наша позиция заключается в том, что венгерским общинам, живущим в квартале, должна быть предоставлена всесторонняя территориальная автономия, в то время как тем, кто живет в диаспоре, должна быть предоставлена культурная автономия. Соседние страны должны, наконец, отказаться от ложного мифа о том, что на их территориях нет меньшинств, и в соответствии с европейскими нормами они должны урегулировать статус венгерских общин, предоставив им конституционное признание. Антивенгерский

подход должен быть ликвидирован, а законы, напоминающие о мрачных периодах 20-го века, должны быть отменены. Венгерские общины Трансильвании или Словакии не должны быть лишены прав, которыми пользуются Южный Тироль или Каталония.

Венгрия всегда была культурно разнообразным и гостеприимным государством, которое строили люди, говорящие на венгерском, немецком, хорватском, румынском, сербском или цыганском языках. В настоящее время в Венгрии насчитывается 13 признанных этнических меньшинств, чей государственный статус, свободное использование языка и представительство в парламенте гарантированы Основным законом Венгрии. Как патриотическая сила, Партии «Йоббик» не только выступает за коллективные права венгерских общин, живущих за границей, но мы также искренне поддерживаем улучшение положения меньшинств, проживающих в Венгрии, например, немецкое сообщество, и мы выступали и всегда будем выступать за развитие их национального образования, а также за сохранение своей национальной самобытности и использования языка.

Самая большая проблема для большинства этнических групп - это ассимиляция и исход из жизни в сельской местности. Вопреки этому, проблемы, затрагивающие цыганскую общину, уже переросли в демографические, социальные и общественные вопросы безопасности из-за серьезной политической халатности этого вопроса. Неэффективные, плохо выполненные интеграционные программы привели к тому, что за последние 25 лет положение цыганского сообщества действительно значительно ухудшилось, а не улучшилось. Поколения выросли, не увидев никакого положительного примера в семье, поэтому они вели такой же образ жизни, который часто влечет за собой преступный образ жизни. Повседневная жизнь людей омрачена сотнями краж, грабежей, краж со взломом и угрозами смерти, которые чаще всего совершаются цыганами не только против венгров, но и других цыган. Таким образом, проблема цыганско-венгерского совместного проживания остается в центре общественного обсуждения как проблема, которая все еще нуждается в решении.

Позиция партии «Йоббик» заключается в том, что каждое из этнических меньшинств Венгрии должно получать поддержку в сохранении своей культуры и должно гарантироваться их политическое представительство. Тем не менее, членство в меньшинстве никогда не может оправдать чью-либо жизнь, несовместимую с законом. Этнически положительные действия должны быть устранены. Цыгане должны понимать, что ничто не связано с ними исключительно из-за того, что они цыгане. Мы должны прекратить финансирование фондов развития сотнями миллиардов, большая часть которых исчезает из карманов различных фондов, цыганских организаций и

борцов за гражданские права. Преступление цыган должно быть устранено, поэтому мы должны укреплять наши правоохранительные органы, даже если это необходимо, контролируемым государством участием добровольных организаций. Мы должны создать государственную систему школ-интернатов для цыганских детей с особыми образовательными потребностями и проблемами с адаптацией. Мы будем реализовывать концепцию «рабочие места вместо выгод». По мнению партии «Йоббик», реальный интерес цыганского сообщества заключается в быстрой социальной интеграции, а не в позитивных действиях, преимущества которых цыганское сообщество не может реально использовать в своей нынешней ситуации. Сегодня программа нашей партии - единственная программа, которая призывает к сотрудничеству, а не к усилению этнического разделения и разделения.

Венгерская нация рассматривала европейскую интеграцию как решение для завершения перехода страны от коммунизма к демократии, но она не оправдала ожиданий. Это факт, за который правительства Венгрии последних 25 лет, очевидно, несут ответственность. Провал внешнеполитических программ или программ интеграции цыган в основном был вызван тем фактом, что выделенные средства обычно обогащали группы людей, имеющих дружеские связи с правящими правительствами. Коррупция приняла невообразимые меры при прежних правительствах, которые наконец привлекли внимание международного сообщества после того, как некоторые связанные с правительством бизнесмены и государственные деятели были запрещены в Соединенных Штатах.

Партия «Йоббик» считает, что необходимо немедленно и беспощадно бороться с коррупцией. Мы практикуем то, что проповедуем: с этой целью наша партия ежегодно публикует аудиты своих политиков, а также своих ближайших родственников. Попав в правительство, мы применили бы эту практику ко всему политическому руководству. Мы бы отменили иммунитет политиков, и мы также введем более строгие правила в отношении политических игроков, установив более суровое наказание за экономические преступления, совершенные такими лицами.

ЧТО СДЕЛАЕТ ПОБЕДИВШЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПАРТИИ «ЙОББИК»?¹¹⁹

1. Подотчетность

Создать Независимую антикоррупционную прокуратуру и Комитет по государственным закупкам. Повышение наказания за коррупционные преступления и установление немецкой модели успеха в выявлении преступлений. В то же время, имея узкий круг ответственности, создать мирный, конструктивный диалог, чистую, демократическую общественную жизнь, восстановить самоопределение профессиональных сообществ, открытые и конструктивные дебаты и не разрушить государственный аппарат.

2. Усиление защиты границы

Продолжить поддержку первоначальной граничной защиты, предложенную Партии «Йоббик»ом. Реорганизовать пограничную охрану для обеспечения безопасности нашей страны с помощью подготовленных специалистов. Не принимать богатых, оседлых мигрантов, но и не причинять вреда населению. Вместо пропаганды тратить деньги на охрану границы и преодоление миграционной проблемы.

3. Улучшение здоровья населения

Основываясь на профилактике, диагностический машинный парк сократить очереди с существенными и ощутимыми улучшениями. Ввести систему заработной платы, которая замедляет эмиграцию. Это увеличит расходы на здравоохранение от ВВП в среднем по Европе.

4. Строительство жилья для молодежи

Запустить уникальную программу аренды жилья по всему миру! Позволить арендовать 800 форинтов / кв.м (одна квартира площадью 35 кв. м на 28 000 форинтов + накладные расходы). Через 8-10 лет квартиры будут доступны для покупки по сниженной цене, включая арендную плату. Бороться за заработную плату за самостоятельную жизнь молодежи. Создание собственной лицензии бесплатно, строительство бесплатных открытых спортивных парков и взлетно-посадочных полос в каждом населенном пункте на 500 человек вместо коррумпированной поддержки некоторых спортивных соревнований.

¹¹⁹ Источник: 15+1 pont a sikeres és boldog XXI. századi Magyarország felépítéséért [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jobbik.hu/151-pont-sikeres-es-boldog-xxi-szazadi-magyarorszag-felepiteseert-0> (дата обращения: 16.06.2019)

5. Создание качественных рабочих мест с достойной заработной платой

Профсоюз по заработной плате также борется с трудящимися за счет ускоренного ограничения заработной платы. Укрепление профсоюзов, введение отраслевой минимальной заработной платы, вовлекая их в обрабатывающую промышленность, в которой можно достичь средней чистой заработной платы для 300 000 человек за несколько лет, а к концу следующего десятилетия - немецкой заработной платы на 75 процентов от уровня заработной платы в Германии.

6. Развитие современной системы образования

Создание общества, основанного на знаниях, где живые и современные школы дают возможность играть более игриво, лучше подходят для детей, а также уважают наши традиции. Осуществлять это стоит с известными учителями, которым нужно дать достойную заработную плату вместо обещания. Опытная страна сможет позволить более высокую заработную плату.

7. Сохранение и поддержка МСП

Наконец, покидание МСП заключение с ними стратегических соглашений, пересмотр многоцветных и более решительно предоставление интересов венгерской экономики и рабочих. Сверху нужно конкретизировать налоговую систему, продолжить снижать налоговую и налоговую нагрузку и отменить налоговые дивиденды ниже 10 человек и 200 миллионов форинтов.

8. Развитие сельской местности

Поддержка сельской местности. Отнимать незаконно приобретенные крупные имения. Поддержка небольших ферм. Это увеличит в два раза общую доступную поддержку для хозяйств до 200 гектаров. Увеличить налог на размер фермы. Стране следует внедрять ускоренный процесс наверстывания посредством политики перераспределения ресурсов развития и выравнивания заработной платы внутри страны. Потому что это не правда, что разница в заработной плате не может быть уменьшена.

9. Обеспечение пенсионного возраста

Увеличение самых низких пенсий, объясняя неспособностью повысить роскошные пенсии. Оказание усиленной фармацевтической поддержки пенсионерам. Введение родительского вклада, по которым выплаты детям оплачиваются родителями. Это продлевает право на пенсию после 40 лет для мужчин.

10. Решение автомобильного вопроса

Предоставить бесплатную парковку для местных жителей и ввести однодневную автомобильную наклейку.

11. Защита кредиторов в иностранной валюте

Займы для семей, зачисленных в иностранную валюту, возвращаются в момент поступления, что продлит мораторий на выселение и подавляет переполненность.

12. Уважение женщин

Помощь женщинам в принятии решений об их судьбе: продвижение гибких и неполных форм занятости, реализация комплексной программы развития питомников. Контроль за безопасностью семей с одним родителем, устранив разрыв в оплате труда женщин и мужчин. При определении женских пенсий также учитывать время, потраченное на воспитание детей.

13. Строительство качественных, безопасных дорог!

Развитие автомагистрали, достижение новых стандартов качества, чтобы сделать их более долговечным, Объездные дороги сделать бесплатным, что снизит нагрузку НДС на транспортные расходы, улучшит связанные пути и автобусные перевозки.

14. Укрепление верховенства закона

Устранение диктатуры, политизации государственной институциональной системы и возврат к открытым, конструктивным дебатам.

15. Воскрешение павших

Создание европейские страны с европейской заработной платой. Предполагаемые социальные группы, социальные работники, обмундирование и инвалиды должны цениться не только словами и обещаниями. Необходимо присоединиться к гражданскому обществу, а не бороться с ним

+1. Наказание для мучителей животных

Это будет первое правительство, которое, помимо воспитания своих граждан, несет в себе дела животных и осуществляет свою программу защиты животных, которая началась в течение восьми лет. Ибо тот, кто не уважает эмбрион, будет относиться к нему с животными, и наоборот.

ТРИАНОН 99 (Венгерская партия «Правды и Жизни»)¹²⁰

Дорогие друзья!

Мы живем в решающие времена, все из которых мы чувствуем. Предстоящее столетие может сделать текущее состояние окончательным без надлежащего протеста. Присоединение к двум третям нашей страны, задержание венгров в качестве заложников и систематическое их покидание сократило население страны на миллионы. Праведность проецируется многими людьми как смерть, так как это была цель Трианона. Венгерская партия «Правды и Жизни» не была бы партией глубочайших корней национального радикализма, если бы мы все это приняли. Нам необходимо иметь чужую власть, науку и сдаться, уйти в отставку. Мы никогда не заботимся об этом! Нет, нет, никогда! Мы серьезно относимся к этому, цвет нации позади. Триста миллионов венгров следят за нами с небес. Они жили и умерли за нас, мы должны рассчитывать на них. Но прежде всего мы должны спасти живую, измученную, униженную, разграбленную венгерскую границу здесь и за ее пределами. Карпатская низменность, как родная страна, всегда живет в сердце тех, кто был посеян далеко. Не думайте, что они ушли с их пути. Венгры всего мира избежали коммунистической диктатуры. Эта диктатура не закончилась в 1990 году, но у нас была хорошая надежда.

Смена режима была разработана секретной службой диктатуры с секретными службами великих держав в Трианоне. Когда мы бежали из зоны Советского Союза - на другую сторону Запада - мы не осознавали, что в Западной Европе они строили такую же социалистическую систему внутри Европейского Союза. В конце копейки те же самые семьи находятся в образе Ротшильдов, Рокфеллеров, Варбургов, которые заплатили за русскую революцию 1917 года, заказали две мировые войны и сейчас работают над немедленным развертыванием наднационального глобального полицейского государства. Печальным сюрпризом этого процесса является то, что политические трупы были вытасканы из могилы, и на них были повешены новые лохмотья. Успех выборов в ДК не может быть объяснен исключительно ошибками правительства Орбана. За ним есть еще один. Есть много денег, которые отправляются в святое личное пространство каждого венгра через его незаконное финансирование вечеринок в его квартире. Венгерский народ не осознает, что благодаря своей ежедневной информации, когда он пытается найти реальность между венгерским 1 и ATV, то есть правительственным и оппозиционным телевидением, он оказывается в ловушке. Потому что они оба

¹²⁰ Источник: *Magyar Igazság és Élet Pártja*. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.miepinfo.hu> (дата обращения: 16.06.2019)

лгут. Дизайнеры Трианона не имеют отношения к мировой власти, как развивается партийная симпатия венгров, поскольку оба крупных партийных блока находятся в их карманах. Вот почему мы должны отказаться от них обоих, и, по словам основателя нашего основателя Иштвана Чурки, мы находимся на венгерском пути.

Европейские выборы позади нас показали, что мы, венгры, которые не голодны, находятся дальше от власти, чем коммунистическая диктатура, MSZMP и его преемники, MSZP, DK, Momentum и их сверстники. Общим знаменателем является привязанность к либеральному лизингополучателю в партиях-преемниках. У них так много денег, что они не могут сосчитать и делать то, что хотят. В детских садах, с теорией пола, они путают естественное развитие маленьких мальчиков и девочек, они преподают атеистические взгляды, фальсификацию истории, финно-угорскую расовую теорию в школах, пытаюсь показать венгров в худшем из возможных цветов, чтобы маленький ребенок стыдился рождения венгерского. В старшей школе детей отворачивают от родителей, когда они провозглашают сексуальную свободу с одним и тем же полом, и университету не разрешается поступать на дому, со здоровыми мыслями, христианской венгерской молодежью на основании вступительных испытаний. Не удивляйтесь, что 90 процентов выпускников планируют свое будущее за границей. Мы не удивлены, что талия рабочих уже сбежала за границу на два миллиона. Мы не удивлены, что наша индустрия здравоохранения стала индустрией смерти из-за изъятия средств, и сегодня она работает только на сверхчеловеческие жертвы врачей, медсестер и медсестер. Все это сознательный процесс: эвакуация и передача Венгрии новым завоевателям. Это настоящее проклятие Трианона, мы должны это изменить. Когда мы попали в дом во время мировой войны или в ходе 56-й революции и в мгновение ока все превратилось в ром, нам пришлось начинать все сначала.

Мы все еще живем в такие времена. Бомба взорвалась. Он вернулся к призраку коммунизма. Самым большим преступником не является Ференц Дюрчань, чья семья ведет через Клару Добрев к Анталу Апро, который впервые получил ордер на мирных демонстрантов 24 октября 1956 года. Наибольшую ответственность несут те, кто позволил или даже потребовал не обвинять тех, кто несет ответственность за диктатуру. Не думайте, что только партия «Фидес» несет ответственность. Они действуют как депутаты, и чтобы остаться у власти, они выполняют каждую команду, исходящую извне. Команда тех, кто принял трагические решения Трианона. Мы должны понимать, что дух Трианона сейчас на месте, к которому теперь присоединилась не только правительственная сторона, но и парламентская оппозиция.

Было бы ошибкой полагать, что эти две великие внешне оплачиваемые силы могут учитываться одновременно. Их привезли на европейские выборы, что было подтверждено муниципальными выборами перед нами, и в 2022 году они могут помочь вывести страну из оппозиции. Это три плюс четыре года из нашей жизни. Очень долго и все же мы должны подготовиться к этому. Национальный радикализм должен быть усилен после запуска партии «Йоббик», чтобы через несколько лет он стал государственной властью. Однако для этого нам нужно много работать. Трианон не только в Париже, но и во влиянии Трианона в каждой венгерской жизни. Вот почему мы так мучаемся, что умираем на десять или пятнадцать лет раньше, чем жители Запада, поэтому наша жизнь так горька. Если мы хотим измениться, мы должны сделать первый шаг в наших собственных рядах. Многое произошло в моей жизни с тех пор, как я был избран два года назад, изменив наше падение после смерти Иштвана Чурки, и число наших членов и сторонников постоянно увеличивается, и теперь мы стали широко известны среди молодых людей, которые не знали нас раньше. Мы также прояснили положение тех, кто не принимал участия в работе ни на парламентских, ни на европейских выборах, но пытался ввести в заблуждение общественность ложной информацией. Сегодня МИЭП сильнее, чем когда-либо за последние 15 лет, и готово решать задачи, которые стояли перед другими сторонами.

Опыт Трианона заключается в том, что усилия по самообеспечению меньшинств должны осуществляться вовремя, иначе они станут инструментами для разрушителей страны. Вот почему мы должны уделять особое внимание проблеме цыган, не противореча им. Не существует цыганского вопроса с точки зрения решения, существуют только честный человек и преступник. Первым нужно помочь продвинуться через работу двумя руками, а вторым посадить в тюрьму, чтобы защитить общество.

У Трианона есть опыт из двух вариантов, которые у нас всегда хуже, если мы хотим остаться на месте. 3 ноября 1918 года монархия заключила перемирие с Антантой в Падуе. Затем наши войска были выведены к исторической границе, но мы не потеряли ни одного клочка земли. Однако Михай Кароль, националист, и его соратники, отправились в Белград 13 ноября и подписали там все, отказавшись от всего. Неудивительно, что правительство Михая Кароля не отправилось в чехословацкую, румынскую и сербскую армии, оккупировавшие Нагорье, Трансильванию и Юг. Затем пришло причастие Бела Куна, истинное знание которого по-прежнему является долгом нашего исследования истории. Было гораздо больше жертв, гораздо больше ущерба и потерь, чем обнародовали историки системы Кадар.

Мы до сих пор стоим Трианон сегодня. 320 000 квадратных километров Венгрии стали 93 000, из двадцати миллионов державы средней силы были

сокращены до семи миллионов мелких домашних животных. Наши враги ограничили нашу армию до 35 000 человек. Как мы были бы счастливы, если бы у нас была армия из 35 000 человек, готовых сегодня. В отсутствие всего этого ответственность за здоровое воспитание молодежи, а также за физическое и психическое благополучие молодежи несет семья. Организовывая молодежную секцию МИЭП, мы стараемся создать круги, в которых развиваются физическая активность, здоровый образ жизни и состояние сознания подрастающего поколения. Самое большое испытание сегодня - быть венгром и оставаться венгром. Мы должны работать над этим. Не оспаривается, что Трианон является одним из самых несправедливых мир в истории человечества, который не может оставаться навсегда. Мы должны объявить 100-летие нашего позора. Это все назад! Думаете или смиряетесь с нашими собственными страданиями? С этой точки зрения организации, которые принимают диктат Трианона, представляют серьезную угрозу, но по сути ничего не делают. Недостаточно создать музей Трианона, чтобы поговорить об отключенных университетах, когда венгры пришли на смерть. С привлечением неподходящих людей и приведением их в соответствие на один год нам необходимо укрепить национальную сторону на один год, чтобы это стало поводом для повышения осведомленности о годовщине, непрерывной демонстрации в течение всего года. Мы ожидаем, что все хорошие венгерские люди, которые понимают, что ничто не потеряно навсегда, чего мы сами не говорим.

Урок Трианона заключается в том, что в Европе мы не должны думать о победителях и проигравших, когда мы находимся на заключительной стадии исламизации из-за принудительного смешивания. Весь венгерский и не венгерский народ должен собраться вместе, чтобы остановить оккупацию континента. В этой великой борьбе правительства потерпят неудачу, границы страны будут перерисованы, и у нас будет только один вопрос: мы идем вперед или все бросаем?

Ответ не может быть сомнительным: все вернулось! Погибни за Трианон! Живи в свободной Венгрии!

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА:
ПЕРЕВОДЫ**

173

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ¹²¹

Одним из важнейших условий общественных связей в государстве политическая культура его граждан. Анализируя культурные аспекты политических связей, надо учитывать нормы и стоимости различных сфер жизни. Культурные образцы являются продуктом исторического процесса развития. Этот процесс формируют различные элементы, которые оставляют долговременные следы в общественном сознании. Образцы, которые являются продуктом исторических процессов, влияющих на современное поведение в индивидуальном и коллективном кругу. Политические образцы детерминируют нормы поведения, которые действуют не только в рамках политики. Поэтому при исследовании вопроса о культурные аспекты политических связей, мы должны принимать во внимание то, что политические явления связаны не только с процессами осуществления власти. Политическая культура является выражением определенных общих свойств определенного общества, которые существуют во всех сферах общественных связей. Она также является тем элементом общественных связей, который является причиной того, что в мире нет двух идентичных социально-политических систем. Даже если были попытки реализовать универсальную систему, то они имеют разные культурные условия, и в конце концов создали разнообразные мутации.

174

Поэтому, когда мы употребляем понятие политической культуры или культурных условий социально-экономического и социально-политического развития, то понимаем, что политика является не только формой поведения в противовес к существующим проблемам и ситуациям, но и отражением определенных, относительно длительных диспозиций, которые снова и снова оказываются в разных коллективных и индивидуальных манерах поведения. Введение этого понятия в анализ политической системы, в анализ связей между политикой и экономикой показывает, что признается значение общих свойств нации, которые существуют во всех областях общественной жизни. Политическая культура состоит из образцов индивидуальных поведений и ориентаций членов политической системы по политике. Она является субъективной основой политического поведения, которая придает ей определенного значения. Итак, такая концепция политической культуры воплощает такие компоненты знания политической жизни или эмоциональное отношение к нации, к государству и других крупных общественных групп, в которых живет человек. К этим компонентам входит и определенная система ценностей. При такой формулировке понятия политической культуры охватывает всю совокупность политической жизни, потому что эта культура касается государства, нации, ее истории и социополитической системы.

¹²¹ Источник: Вятр С. Політична культура в Середній Європі [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ji.lviv.ua/n9texts/wiatr.htm>

"Мир культуры", писал польский социолог Флориан Зканецки, - "это мир ценностей, которые можно трактовать, как перманентные факты человеческого опыта". Система ценностей, на которой основываются способы поведения людей, больших и маленьких общественных групп, проявляется переплетение прошлого, настоящего и будущего. Человеческий опыт вытекающее из конкретного исторического развития. Последний строится исходя из принципа, что ни одна генерация, ни один индивидуум не строит свою систему ценностей в вакууме. Системы ценностей имеют свои корни в конкретном опыте, а именно как в интеллектуальной, так и материальной и биологической сферах. Осуществление различных коллективных и индивидуальных потребностей всегда и везде происходило в конкретных материальных, биологических и общественных условиях на базе определенных образцов поведения и общественных норм.

Постепенность развития индивидуальных и коллективных потребностей и постепенность материальных, биологических и общественных условий осуществления этих целей создают конкретный потенциал "... опыта", следовательно, тоже определенную наследство систем ценностей. Это не значит, конечно, что эти ценности остаются неизменными. Они меняются в разных условиях более или менее радикально, ведь они всегда имеют историческую основу в форме конкретных индивидуальных опытов. Это также становится причиной того, что изменения, то есть перемена системы ценностей, надо признать как постепенный процесс. Культурная постепенность касается не только формы, в которой она находит свое выражение, но и содержания, которое она воплощает. В процессе, как он здесь был описан, остается много места для деятельности различных мифов. Каждое общество, каждая группа, каждое социальное окружение и каждая отдельная личность выстраивают рядом с существующей, настоящей действительностью мир грез, мир, основанный на ценностях, которые признаны положительными. Представление об этом мире состоит из упрощенного и идеализированного понимания своей собственной природы, которая, однако, часто противоречит видению нас другими.

Побег в такой мир является тем более интересной, чем меньше реальный мир удовлетворяет желаемые стоимости. Чем сильнее оценки различных субъектов формируются силой воображения, тем критичнее становятся эти субъекты. Мифы и стереотипы, как компоненты политической культуры творят один из элементов унаследованной общественного сознания. Без ответа на вопрос, был прав Сорель, когда сформулировал тезис о детерминировано значение мифа, который движет массы, надо констатировать, что миф является важным элементом сознания. Каждый миф упрощает мировоззренческие идеалы, в межличностных отношениях, в форме и языке, которые понятны так называемом среднем гражданину. Итак ,политический миф является, следовательно, спонтанным представлениям о том, как должно быть, и о его противоположность, то есть отрицание, об истинном положении, может функционировать и как мировоззрение.

В конце общей рефлексии на политическую культуру можно было бы задать вопрос, проблема культурной идентичности региона сама не является мифом? Или географическая близость действует сильнее, чем культурно-творческий элемент, или

другие исторические предпосылки? На эти вопросы я бы ответил - "нет". При анализе культурной идентичности Средней Европы в контексте политической культуры возникает вопрос, можно ли вообще обоснованно говорить о политической культуре региона? Я сомневаюсь, или такая формулировка проблематики может быть плодотворным. Однако, и это без сомнения, обоснованно, искать общее и отличное в политических культурах обществ региона. Совместное может быть продуктом подобных исторических предпосылок и процессов развития обществ заданного региона. Исторические начальные развития народов Средней Европы не является, как известно, одинаковыми. С политико-культурной перспективы я бы вместо географического фактора выделил совсем другой. Можно выявить определенные сходства в свойствах политической культуры народов, так называемых естественных районов. От Польши на севере через Чехословакию и Венгрию в западных регионах Югославии на юге простирается поле, в котором можем найти многочисленные культурные параллели.

Генеza этой культурной сходимости надо искать в подобных исторических предпосылках и в факте, что общества этих стран развивались на границе двух типов культур - западного и восточного. Это оставило политические следы в их общественном сознании и политической культуре.

На народы приграничных областей влияли оба типа культуры. Они принципиально отличались в общественном восприятии государства и политической власти. На Востоке государство было самым высоким авторитетом и самой стоимостью, в западных цивилизациях, кроме государства, были еще и другие авторитеты, например, церковь. Отношения государства и церкви является одним из самых сенсационных примеров отличных политических и культурных отношений в обществе. В то время как на Западе отношения между государством и церковью нашли свое выражение в определенной форме автономии и взаимного признания обоих авторитетов, в восточной модели культуры церковь была подчинена высокому авторитету государства и монарха.

Вторым важным элементом обоих противоположных культурных моделей было отношение к индивиду, что позже нашло свое отражение по правам человека и гражданина. В западной культуре индивид в процессе развития достиг некоторой автономии по отношению к государству. В восточных культурных моделях господства государственного авторитета распространялись и на отношения между государством и гражданами.

То, что страны так называемых естественных областей нельзя однозначно отнести ни к западной, ни к восточной культуре, можно объяснить историческими процессами развития. В XIX веке, то есть в период консолидации современных национальных обществ и государств Западной Европы, народы этих приграничных областей принадлежали к мультиэтническим государствам и за исключением одной части Польши, в монархии Габсбургов. Последняя в период формирования национальных государств была выражением единства Средней Европы, особенно той части, которую мы здесь обозначили как естественную область.

Первая мировая война не только разрушила единство региона, которую воплощала монархия Габсбургов. Распад монархии освободил путь для новой Европы, в которой возникли глубинные политические и социальные конфликты. После второй мировой войны весь регион, за исключением Австрии, попал под политический, идеологический и культурный влияние Востока. Развитие социалистической формации этого периода можно охарактеризовать как попытку развития универсальной общественно-политической и экономической модели. В области культуры эта тенденция проявляется в преобладании социалистического реализма.

Однако развитие в отдельных обществах не был однотипным и сталкивался с различными препятствиями. Результатом этого стал ряд различных типов развития, которые были обусловлены культурными традициями отдельных стран. Кризисы в Польше, Чехословакии и Венгрии имеют свою специфическую культурную генеза. Конечно, ход кризисов, обнаруживает различия политических культур обществ и элит этих стран. Положение на границе между "восточной" и "западной" культурами привело к выработке образцов поведения, которые не всегда соответствовали требованиям реального социализма. Вероятно, эта культурная база по меньшей мере отвечала бы требованиям западного демократического развития. Хотя неоспоримым является то, что существует для целого региона общая историческая база политической культуры, это не значит, что существует действительно культурная идентичность, которая охватывает весь регион. Существуют тенденции, в которых манифестируется общий опыт региона. На этой основе создается общая политическая культура элит, причем здесь и официальная культура и неофициальная антикультура черпают из того же источника социального и политического опыта.

И историческая база политической культуры региона является общей лишь в общих чертах. А для каждой страны на протяжении веков возникли различные социальные и экономические стереотипы ее развития. Так, в случае Венгрии и Польши можно говорить о культурное превосходство аристократии, тогда как в случае Югославии или Чехословакии доминирующими стали мелкобуржуазные или крестьянские культурные образцы. Политическая преимущество определенных общественных групп оказалась в создании разнообразных культурных образцов и систем ценностей. Культурные различия порой весьма сильно выражены, что и проявляется в различных стереотипах коллективного поведения в кризисных ситуациях. В историческом аспекте эти различия проявляются в различном отношении освободительных войн XIX в. или к сопротивлению во время второй мировой войны. Также и интенсивность национальной государственной идентичности отличается в своем символическом выражении. В результате неоднородность региона выражается в существовании негативных стереотипов о соседний народ.

С внимания на многочисленность доказательств несуществования общей политической культуры региона возникает вопрос, общности исторического развития после второй мировой войны позволяют сделать вывод, что существует определенная общая культурная идентичность или, может, она в стадии формирования. По крайней мере с уверенностью можно говорить, что в этом общем

для всех регионов существуют и определенные общие интересы, которые ведут к его конвергентного развития. Однако это еще не дает права говорить о культурном осознаваемую однородность всего этого региона.

УКРАИНА ТОЖЕ ПРИНАЖДЛЕЖИТ К ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ¹²²

Олег Заячківський: Ваше Высочество господин фон Габсбург, начиная с последних десятилетий XIII и заканчивая первыми десятилетиями XX века, то есть почти шесть с половиной столетий, правящий род Габсбургов был одним из самых могущественных правящих династий Европы. Если внимательно посмотреть на Ваше родовое дерево, то создается впечатление, будто оно вобрало всю благородную кровь Европы. Не случайным является, конечно, и то, что ни одному другому правящему дому не служили веками так много различных европейских наций. Не видите Вы здесь связи между браками монарших особ и государственной властью?

Отто фон Габсбург: Вероятно, что, да, только не государственной властью, а сотрудничеством наций. Благодаря этим брачным связям были созданы все предпосылки для надлежащего сотрудничества, что на долгое время объединила немало разных народов. Сейчас же это могло бы происходить в других формах, например, через право наций на самоопределение.

А.З.: Существует ли для Вас культ предков?

О.ф.Г.: Нет. Собственно, есть несколько предков, перед которыми я глубоко преклоняюсь, ведь они для нас выдающиеся исторические личности, и это отнюдь не означает, что из них следует делать некий культ.

А.З.: Так чьи же жизни и правления для Вас являются образцом?

О.ф.Г.: Их трое. Первый - Фридрих III (1415 – 1493), одна из самых неизвестных и самых непопулярных исторических фигур. Однако детальное рассмотрение его властвования свидетельствует, что в свое время он принял решения, которые были воплощены в жизнь гораздо позже, уже после его смерти. Если Габсбурги чего и достигли, то этим они должны благодарить прежде всего Фридриха III, который к тому же был еще и большим миротворцем. Он, как писал Эмиль Францен в "истории немцев", победил всех своих врагов уже хотя бы тем, что пережил их всех.

Второй был Карл V (1500-1558), о котором я написал книгу. А третий - Леопольд II (1747-1792), который после слишком поспешных указов императора Йозефа II сумел за два года восстановить общественное равновесие, провел необходимые реформы, отказавшись взамен от тех мер, им население оказывало сопротивление.

А.З.: Поговорим о императорской королевской монархии ...

О.ф.Г.: Прежде всего хочу отметить, что это была единственная наднациональная форма существования. Найдя свое место в таком многонациональном обществе, все национальности считали его своим родным домом. В конце концов, вот Вам и убедительное доказательство: даже на последнем этапе своего существования Австро-Венгрия, несмотря на военное лихолетье, еще более четырех лет сохраняла государственную целостность.

¹²² Источник: Отто фон Габсбург, Україна також належить до Середньої Європи [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.ji.lviv.ua/n9texts/habsburg.htm>

А.З.: Как уроженца Галичины меня, естественно, интересовал бы Ваш взгляд на роль этого коронного края в империи.

О.ф.Г.: Это был весьма важный коронный край, где, во-первых, тамошним полякам было предоставлена возможность сохранить себя и свою культуру, создать польский образ жизни, который, например, в России и Пруссии был почти искоренен.

А во-вторых, сами украинцы играли роль куда более значительную, чем об этом известно широкой общественности. Например, в области здравоохранения. Малоизвестным тот факт, что в старой Дунайской монархии министром здравоохранения часто бывал украинец. Населения, где преобладали украинцы, было довольно-таки лояльно, особенно в Восточной Галиции и на Буковине. На этих землях царил общенациональный австрийский дух, хотя следует отметить, что и евреи играли в обществе большую роль.

А.З.: Статистические данные свидетельствуют о том, что в начале XX века из общего количества рутенцами, которые жили в Галичине, более 90 процентов населения были заняты в сельском хозяйстве и лишь 2 процента - в промышленности. Итак, Галичина была одной из житниц империи. В настоящее время существования Советского Союза Украина считали самой житницей этого государства. Нельзя, ввиду эти исторические параллели, говорить об Украине как о нацию деревенщины? Если так, то ли это хуторянство общенациональный характер, сформированный определенными историческими событиями, или это, скорее, - судьба каждого промышленно отсталой нации?

О.ф.Г.: Я бы не сказал "промышленно отсталой", так способности украинский в области техники были незаурядными. Да, конечно, крестьянство было, потому что, во-первых, были почвы, пригодные для возделывания. Во-вторых, некоторые национальности, особенно, скажем, евреи, были заняты преимущественно в городском хозяйстве. Украинцы обнаружили большое трудолюбие, что и дало впоследствии свои плоды. Ведь хорошо известно, когда общественные механизмы идут наперекосяк, выживает тот, кто производит продукты питания.

А.З.: В последние годы своей жизни, на острове Святой Елены, Наполеон писал в завещании: "Существуют стремление народов, и рано или поздно эти стремления необходимо удовлетворять. К этой цели надо стремиться! "Насколько слова корсиканца, по Вашему мнению, соответствуют событиям 1918 - 1919 годов в Австро-Венгрии?

О.ф.Г.: Полного соответствия я здесь не вижу. Конечно, следовало немало перестроить в Австро-Венгрии, но, с другой стороны, большого напряжения в обществе не было. Народы стремились сохранить собственное богатое государство во время первой мировой войны, и это стремление было куда больше, чем это казалось извне. Возьмем, например, чехов. Часто говорилось о том, что они больше всего хотели выйти из состава империи. Однако приведу Вам два примера. Часть Пражского полка №28 переметнулась к русским. После этого полк был расформирован. И вот мой отец, взойдя на трон, в знак доверия восстановил этот полк, который впоследствии особо отличился во время войны. А вот Вам и второй

пример: сын президента Масарика, Ян Масарик, некоторое время был министром иностранных дел правительства Чехословакии в эмиграции.

О.З.: В конце следующего десятилетия распался цесарско-королевская монархия. В начале 90-х годов перестал существовать Советский Союз. Неужели Вы не видите сходств между этими державами?

О.ф.Г.: Нет, никакой. Советский Союз был вполне иным государством, а старая цесарско-королевская монархия росла медленно, предоставляя собственным народам разные свободы. Это было государство, которое с полным правом можно назвать либеральным, тогда как Советский Союз считался, вне всякого сомнения, тоталитарным. Еще недавно, в эпоху деколонизации, он был последней крупной колониальной империей, наследницей которой остается современная Россия.

А.З.: А как Вы оцениваете восточноевропейские политические события последних лет?

О.ф.Г.: Я считаю их положительными, поскольку многие народы Восточной Европы получили себе право на самоопределение. Сделано еще далеко не все, и не все, к сожалению, происходило так, как оно могло бы быть. Большинство западных политиков оказалась не готова к такому развитию событий. Более того, они не верили в распад Советского Союза.

А.З.: Вновь государства пытаются идти по пути западноевропейской демократии. Можно ли уже сейчас говорить об окончательном сближения между Западной и Восточной Европой?

О.ф.Г.: Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что существуют не только Западная и Восточная Европы, также Средняя Европа, и забывать этого не стоит. В конце концов, Украина также относится к Средней Европы. Восточная Европа - это Россия. Большим моральным или скорее интеллектуальным достижением Советского Союза было то, что он заставил Запад говорить о Западной и Восточной Европы, напрочь забывая о ее средней части. Поэтому одной из важнейших задач последних лет было, собственно, восстановить понятие Средняя Европа. Выздоровление Средней Европы будет продолжаться, думаю, не так уж и долго. И хоть и сделано для этого немало, однако окончательная ликвидация обломков тоталитаризма потребует значительных усилий.

А.З.: Ваше Высочество, Вы член Европейского парламента. Как, по Вашему мнению, будет выглядеть будущее Европы?

О.ф.Г.: События будут развиваться медленно, и это я считаю закономерным. Европа должна расти, как дерево, а не быть построенной, как американский небоскреб. Потому что, чем больше корней имеет дерево, тем оно сильнее. Поэтому Европу надо лелеять, как дерево. Это и будет большой задачей для следующих двух-трех поколений.

А.З.: Что Вы понимаете под понятием "культура"?

О.ф.Г.: Под "культурой" я понимаю многое: религию, язык, умение общаться, чувство прекрасного. Возьмем, например, религию. Нашим, европейским, городам присущи соборы и церкви, городам же других континентов - гигантские банковские здания и административные небоскребы. А во-вторых, речь. Если бы мы хоть

наполовину сохранили наши языки! Ведь мы в опасности, и это нам надо хорошо осознать! Международный рынок навязывает Европе отвратительный языковой склон - искаженный английский, которую французы называют "le Franglais". Это разрушительное воздействия испытывают и другие европейские языки. Думаю, это весьма острая проблема, поскольку каждый народ живет в своем языке. Защита и сохранение европейских языков - вот одна из главных наших задач.

А.З.: Ваши любимые писатели...

О.ф.Г.: Больше всего меня интересует венгерская литература. В ней есть немало удивительных поэтов, например Янош Арана, Йожеф Етвёш или, скажем, Шандор Петёфи. Однако и в Восточной Галиции также замечательные писатели. Например, Йозеф Рот. Ведь этот великий мастер немецкой художественной литературы происходит, как известно, из Восточной Галиции. Оттуда же и Филипп Менцель, Уриель Бирнбаум и еще несколько хороших, но, к сожалению, так мало известных в немецкоязычных странах писателей.

А.З.: Вы являетесь автором многочисленных публикаций и книг. Так кем считаете себя, прежде всего - публицистом или политиком?

О.ф.Г.: И публицистом, и политиком. Существенной разницы между ними не вижу.

А.З.: Какую роль играет в Вашей жизни художественная литература?

О.ф.Г.: Чрезвычайно важную. Литература формирует наш язык, речь, хороший вкус. Поэтому я выступаю против того, чтобы в наших школах изучали какую-то псевдолитературу. Надо вернуться к классике! И еще одно. Надо сопротивляться нашествию иностранных слов! Ведь нам следует научиться снова разговаривать на хорошем, чистом языке. Задача эта не из легких, но я верю в успех.

А.З.: Или Вы имеете в виду выбранный язык?

О.ф.Г.: Нет, речь идет о национальных языках. В Европе должно царить разнообразие языков, где каждая из них имела бы свое назначение. Возможно, в будущем - уже после моей смерти - дело таки дойдет до распределения языков, то есть определенные языки приниматься в определенных сферах жизни. Не лишним было бы сохранить многообразие языков, в том числе и малых, так малые языки - это тоже часть нашей общей культуры.

А.З.: А как же быть с теми европейскими малыми языками, которым угрожает полное исчезновение?

О.ф.Г.: Мы делаем все, чтобы не допустить этого и дать им новую жизнь. В наше время всплывают из забвения малые языки - отголосок эпохи великого переселения народов, например в Северной Италии или, например, во Франции, где снова встает уже почти забытая южная речь. То есть каждый язык можно возродить, если приложить хоть немного усилий.

А.З.: И в конце нашего разговора вернемся снова к политике. Вас считают одним из ведущих европейских политиков современности. Мне интересно знать, что больше определяло Ваше политическое сознание в течение последних десятилетий?

О.ф.Г.: Краеугольным камнем всей моей политической деятельности была и остается идея христианского паневропеизму, то есть объединения Европы на

христианских началах. На эту тему я произнес не одну речь и написал ряд книг, как "Выбирая Европу" (1953 - А.З.), "Идея Европы как возможность свободы" (1976 - А.З.), "Европа как гарант свободы "(1980 - А.З.).

А.З.: Ваше Высочество, позвольте мне поблагодарить за это содержательное интервью.

Предметом наших размышлений будет часть нашей родины, а именно – Галичина, как психологическая категория. Если присмотреться к галичанству, если можно так высказаться, как к отдельной душевно-расовой отмене среди украинства и отдельного типа, и попробуем понять её возникновение, формы исторического бытия, и в конце её современные задачи в связи с задачами всего украинства.

Поэтому факты, исторические события, будут иметь для нас не то значение, как для историков. Для него они важны сами собой. Историк пытается локализовать их точно в нашей временно-пространственной схеме, осветить их причинную связанность. Для нас факты и события важны, поскольку они влияли на создание и оформление западно-украинского, и тем более (a fortiori) Галицкого типа, и были позднейшим плодом его. Эту разницу передает уже давно принято противопоставление – для ученого исследователя прежде всего важна история правды; мы же будем искать правду в истории.

Понятие и определения, которые будут использоваться в данном тексте должны быть ясно очерчены и однозначные. Поэтому договоримся о часто употребляемых терминах, как Восточная, Западная, большая Украина, Приднепрянщина. В данной работе эти термины будут иметь культурно-политическое, а не чисто географическое значение. В Украине есть много духовых и хозяйственных центров. Но два среди них стали особенно выразительными и особыми ячейками внутри украинского мира – это Киев и Львов. Большие города, даже с отдельным лицом, как Харьков, Полтава, Чернигов, или меньше, как Одесса, Днепропетровск, при всей их динамике и их значении, духовно и политически зависят от Киева. Города, как Ужгород или Черновцы - или находились отгорожено на периферии, или искали связи со Львовом. Итак, Восточная Украина – это города, которые зависят от Киева в духовном и политическом направлении. Западная Украина- это города, которые духовно и политически оглядываются на Львов. Таким образом, например, Холмщина к Первой мировой войне принадлежала к Восточной Украине, а ее большой сын, Михаил Грушевский, действовал и творил во Львове, как представитель Киева. Безразлично, что та Холмщина куда дальше выдвинута на запад по сравнению, например, с Брами. Это относится также к Волини, Подляшью, Полесью. Помимо всех усилий Польши поставить между Львовом так называемую сокальскую границу, те области, когда части Восточной Украины, становились между двумя войнами частями Западной Украины...

Что же представляет собой та душевная отмена, то западное украинство, или называя его именем части, которая всегда жила в свете Львова – это Галичанство? Ответы будем искать так, как обычно ищем ответы на разные жизненные вопросы. Итак, сначала попробуем разобрать характерные черты того украинского западничества в самой импрессии, и попробуем выделить их, противопоставляя

¹²³ Источник: Шлемкевич М. Галичанство [электронный ресурс]. - URL: <http://www.ji.lviv.ua/n6texts/shlemkev.htm>

восточным особенностям. Потом постараемся отчетливее схватить то общее впечатление образами, чтобы в конце понять отчётливость и ясность понятий и возможностей.

Поэтому для первого шага вернемся к 1918 году, и представим себе исторически важный месяц года – ноябрь. На Западной Украине видим ведущий украинский слой, следовательно, в первой степени интеллигенцию, далее образованных крестьян и сознательных рабочих, которые хотят построить и утвердить новое государство, возникшее на руинах Австрийской империи. Мы видим те усилия при некоторой безалаберности и покой широких народных масс. В основном интеллигенция – это пафос, который был значительно сильнее силы народной стихии, ее надо было побуждать к движению, а не усмирять.

С другой стороны, нужно вспомнить тот ноябрь в Восточной Украине. Разбушевавшаяся народная стихия кипит, переливается. Это месяц восстания под руководством Директории Украинской Народной Республики. В Киев огромное количество народной армии; край заливают меньшие реки повстанческих отрядов. 1 снова, как не думать о тех событиях, одно для нас здесь важно – пафос стихий значительно мощнее организационных средств правящего слоя, и она едва успевала оформлять стихийные движения, и то не всегда и не везде сумела удерживать то народное движение в берегах государственного порядка. Итак, противоположное впечатление - на Западе преимущество рациональных, умственных первенств; на востоке преимущество иррациональных, стихийных, эмоционально-волевых движений...

Снова та же разница, если мы вспомним ноябрь 1918 года в Западной и Восточной Украине. На востоке могучая и прекрасная стихийность, на западе спокойная, скромная, рациональная ограниченность.

Те различия между украинским Востоком и Западом они древние, потому что уже в княжеском государстве они были заметны. Сравним героев обороны Украины перед хищной степной птицей, кочевыми ордами, героев Восточной и Западной Украины. Для примера возьмем с одной стороны князей, воспетых "Словом о полку Игореве", следовательно, Игоря Святославича, его брата Буй-Тур Всеволода, и с другой стороны, короля Даниила. С одной стороны, князья, у которых сердце загло "жажду и тоскливое желание" голову свою приклонить, но шлемом напиться голубого Дона. Мотивы иррациональные "жажда и тоскливое желание", цели прекрасно романтичны.

С другой стороны, имеем борьбу короля Даниила, упрямую, непреклонную, хоть без ветхих и романтических первенств. Борьба Даниила реалистична. Король с отвращением, но, когда надо, все же пьет кумыс, поданный рукой татарина, ни на миг, не останавливая своих усилий освободиться от воздействий врага. Есть что-то западное в том славном князе, что-то характерно упорное, но без романтики, без особого вдохновенья, даже в великих замыслах, как в идее крестового похода Европы против татар.

Во втором Украинском государстве Войска Запорожского намного различней. Снова для их подчеркивания сравним характерные фигуры того государства,

личности с запада и востока. Возьмем во внимание гетмана Петра Конашевича Сагайдачного и великого гетмана Богдана Хмельницкого.

Первый – шляхтич галицкий, самборско-перемиской земли. Если говорить современными названиями, он же адмирал казацкой флота, герой двух отчаянных постирал на Царьград. Он светлый проводник казацкого конного рейда под Москву. И все же, несмотря на те бравурные чины. Сагайдачный пришел в историю как представитель совсем реалистичной политики в лучшем смысле того слова. Он дал здоровой и молодой, стихийной мощи Запорожье ясную, умную идею, связывая ее с киевской интеллигенцией. Он рациональный организатор запорожской военной силы, в своей осторожности не решаясь бросить ее в борьбу против Польши и всю свою жизнь пил кумыс, подаваемый ему польской рукой. Когда же его наследники, под давлением настроений стихии, решились на ту войну, они заплатили за этим разгромом своими головами...

Поставим рядом Сагайдачного мощное воплощение Восточной Украины, ее самую высокую фигуру - гетмана Богдана. Сразу же должны сделать одну замечание. Особенно в последние времена охотно подчеркивают у нас западное образование и западную военную выучку Хмельницкого. Это было бы только доказательством, что синтез восточных и западных начал дает верхи украинского творчества...

Никогда Западное и Восточное украинство нельзя представить себе, как два мира, опять скажем по-современному, они разделены каким-то непроходимым железным занавесом. Тяжкая жизнь, в которой нет внезапных перескоков, только медленные переходы. И когда понимаем характеристику жизни, тогда должны помнить, что все наши очертания, следовательно, ограничения, имеют только аппроксимативное, приблизительное значение. И разделение между украинским востоком и западом не абсолютный, а все наши характеристики надо понимать, то есть как характеристики преимущественных и первичных. Это не исключает, что на украинском востоке могли случаться и наверняка случались сугубо рациональные, галицкие типы, и наоборот, в Галичине могут появляться, но как исключения, носители Приднепровских рас. В каждом случае, откуда бы не был родом Богдан Хмельницкий – это типичная персонификация украинского Востока.

Уже само появление его на государственно-политических верхах украинской жизни характеристическая. Путь к гетманству у Богдана - это не путь сознательного и разумного усилия, это путь внезапных пробуждений, неожиданных ветхостей, чудесных озарений. Казалось бы, жизнь уже обозначена и окончательно ограничена для мирного чигиринского сотника и брата-земледельца. И вот та украинская жизнь выкидывает его с мирного и спокойного житья и ставит на лоб могучего восстания. И снова казалось, раз на всегда историей очерчен круг деяний и славы таких повстанческих и запорожских гетманов, вассал Речи Посполитой Польской. И киевские встречи с украинским духом и с историей делают из вассала суверена Государства Войска Запорожского...

История Украины XV–XVII веков не (злагіднювала) разниц; наоборот, она еще только усугубляла их. И еще одно: она, и новее история, обнародовала и помогла осознать причины психических разниц между украинским Востоком и Западом.

Причины зародились на истоке нашей истории. Степ всегда был ненадежный и опасный, и туда шли смелейшие и своенравные слои населения, чтобы в минуты особых бурь обратно подаваться в более спокойные, лесистые окрестности Волыни или в отдаленную от степи Галичину. Западные, в частности же северо-западные земли были тем горнилом, где созрели северные и южные расовые основы в средней украинской динарской разнице. Те окрестности были и родительским домом, где в степные непогоды украинская народная семья находила защиту. В более спокойные времена те окрестности высылали, как ракетные Стрельна друг за другом, новых колонизаторов степи-добытчиков, уходников, сечевиков, запорожцев...

На западе оставалось все то, кто по разным причинам не могли уйти с места. Для нас самые интересные душевные, психические причины. Итак, все спокойнее, более послушное закону, менее радикальные, сказать бы – реалистичнее, – сидели дальше на своей земле, хоть в чужой неволе. Это были небогатые воображением и тяжелые к движению слоя, но и упрямее и характерны в том смысле, что, вросший в землю, они не бросали ее даже за цену полной социальной нивелировки. Сейчас в глухих деревнях иногда встречаются крестьяне или ремесленники с бывшими боярскими фамилиями, это потомки рода, что скорее всего социально снизились и утонули в народе, но не отреклись от своей земли и живут на ней и по сей день.

XVIII век припечатал тот процесс и завершал его. На востоке существовала некая, ограниченная, но автономная Гетманщина; существовали еще хоть какие-то возможности социального повышения. Все это должно было дальше привлекать амбициозные элементы мероприятия, тем более, что все то уже не было сопряжено с такой опасностью, как прежде, когда по Украине носились татарские отряды с арканами на людей. На украинском западе, в частности в Галичине, в то время уже была сравнимая народная масса, имеем общество “мужика и попа”, как насмешливо называло его польское панство. При том надо помнить, что тот “поп”, тогдашний греческо-католический священник, интеллектуально и социальное не рос более общий уровень...

Галицкое общество середины прошлого века жило – как говорим обычно – старым патриархальным строем...

Это был упорядоченный, узенький мир на краю широкого мира. Его социальная структура была примерно такая: на широкой крестьянской фундаменте вырастала иерархичная лестница. Такие как – управляющую, военную, промышленную, банковскую, купеческую, религиозно-церковную, научную, художественную, журналистскую, политическую; в более поздние времена профессионально рабочую, профессионально крестьянскую... Среди нашего тогдашнего мира выстрелила вверх только одна высшая коломна пастырской иерархии, и несмотря на нее, опираясь на нее, тоненькой веточкой вилась (уряднича літоросль). Поэтому на широкой крестьянской основе с жидким ремесленным сословием ступень за ступенью поднималась вверх лестница. Ее отдельные ступни – пономарь, дяк, отец сотрудник, отец администратор, отец настоятель, отец советник, отец декан, отец крилошанин, преосвященный-епископ, и как завершение здания, ее купола, князь церкви и народа: митрополит во Львове. А уже в облаках носились апостольский император в Вене и

апостольский наместник – папа в Риме. Подходить шаг за шагом выше по той иерархической лестнице было законной мечтой каждого более способного и амбициозного украинца. Ее исполнением был титул крылошанина или придворного советника в этом мире, и царство Небесное во втором...

Это был упорядоченный мир и на то время его духовный и жизненный строй выполнял свои задачи. Но вскоре тот уклад оказался недостаточным, и своим общественным видом, и своим духовным смыслом. Количество священных семей увеличивалось, и приход становилось меньше.... Поэтому сыновья должны были искать и другие жизненные дороги; они должны были прибегать к светским занятиям. По их примеру начинают идти сыновья богаче, а дальше и среднего крестьянства. Это конец XIX века, когда капиталистические волны слабым прибоем, все же приплыли и в далекой Галиции. Ее города растут и требуют увеличения государственной администрации. Уже отмена барщины 1848 года, следовательно, отмена юрисдикции помещиков, действовала в том же направлении. В Австрии, правительственные сабли - были доступны и для украинцев. Это те непонятные для более поздних поколений, блаженные времена, когда готовые должности ждали людей, а не как потом – люди на свободные места. Посылать сыновей в школу, среднюю и высшую, это был хороший вклад капитала, и крестьянин часто не колебался продать часть поля, чтобы – как говорилось тогда – вывести сына в баре... Такие мысли должны были беспокоить и наконец убедить и нищего кузнеца Яця, и он послал своего сына в гимназию в Дрогобыче. И стал его сын господином и обладателем духа своего народа, Иваном Франком.

Так вот рождается новая, каждый раз многочисленная верста светской интеллигенции. Производится ее самосознание и вместе с ней желание занять соответствующее положение в общине. И для той новой силы в только что описанной общественной иерархии подходящего места не было.

Также и духовность светской интеллигенции сейчас же попала в конфликт с традиционными взглядами. И интеллигенция изучала в краевых университетах, во Львове и в Черновцах, но и в Вене, и Праге. Немногочисленные единицы пробирались и дальше, вне границы Австрии. В тех очагах науки в то время господствующими были философический позитивизм и естественный монизм. Главные тезисы тех доктрин таковы: действительно есть то, что может доказать свою действительность в смысловом ощущении. Это научно изящное положение апостола Фомы, который не верил, пока не прикоснулся. Правдивое же для тех доктрин было то, что смогло доказать правдивость в систематическом наблюдении, в методическом научном эксперименте, и в конце в индуктивном обобщении тех наблюдений и опытов. Судьей действительности правды были мысленное чувствование и главное критический, анализирующий разум. – А как же патриархальный, древний мир? Он держался обычаем, привычками, традицией, не спрашивая по умственному их оправданию. Его гимном было: “Смело ступай отцов следам, и церковь русскую храни” ... Поэтому достаточно было приложить степени критического ума до того мира, его мыслей и учреждений, чтобы сразу же и неизбежно пришло к зудару...

Глубокую духовую революцию возглавил величайший дух Галичины, Иван Франко. Это не была легкая борьба, и древний мир не думал сразу поддаваться. Знак, что он не был еще полностью перегнивший, но для многих слоев тогдашнего гражданства исполнял свое назначение хозяйничать мысли и жизни. Трагическая молодость Франко – это доказательство той борьбы. Гонений чужой властью, польско-австрийской, бойкотов от своего родного общества, – он потерпел усмирение, физических и моральных, и пережил в своей душе разочарование, восторг, сомнения и радости победы. Он собственным опытом снискал себе жизненную и политическую мудрость, их проявления находим в его произведениях от юношеских “Каменяров” и “Вечного Революционера” до сбалансированных строф “Измарагда”, “Semper tiro” и “Моисея”...

Для нашей проблемы особенно важно то, что те времена дали самые яркие проявления галичанства и в духовом, и в политически-государственной плоскости. Это и понятно. Говорим, что приятеля познать в беде. Подобно во времена величайших проб и мер, или по-модерному – в межевых ситуациях, человек и общество познают себя. Такие пограничные ситуации духа, когда примем этого срока свободнее, это его самые высокие постижения, это Тарас Шевченко и его творчество, истинное порождение Восточной Украины, – это с другой стороны Иван Франко и его произведения, типичная эманация галичанства в доступнейшем издании.

В предисловии к сборному изданию произведений Франко мы дали такие характеристики тех двух ведущих духов Украины. У Шевченко есть “что-то из спонтанного взрыва горячего гейзера из глубин украинской души, легкость с Божьей ласки и непревзойденная сила высказывания одновременно. Слово добыто из сердца, из недр стихии. Иначе у Франка. Это тяжелая борьба с материалом. Его слово – это сознательные, рациональные удары молота о твердую скалу. Пением выстреливают слова Шевченко; твердым усилием ризбарского долота предстают строфы Франка, и на них всюду остаются следы того напряженного труда. У Шевченко гений творит, как природа, как стихия. У Франка сосредоточенная интеллигенция борется с безвластной и неподатливой материей внешнего мира и собственной души, оформляя их”. В конце концов сам Шевченко, характеризуя свое творчество, говорит о том, как слова и образы стихийно всплывают в воображении, становятся вокруг него пышными рядами; как радость и грусть воспеваются, выливаются в строки поэм. Все те намеки указывают на легкость, с которой поэт выражает свои переживания. Есть в той легкости вновь нечто, что напоминает буйную весеннюю поросль на полтавском черноземе, где былины вырастают до высоты деревьев. Есть в той легкости близость от сердца к слову, которую мы увидели в выступающих Восточной Украины в революционные годы и которая особенно жидкая среди галичан, где слово тяжело рождается, переходя от сердца дорогой через мозг. Кант в своей эстетике характеризует гения как интеллигенцию, что творит, как природа. Творчество — Шевченко-это иллюстрация этой ученой дефиниции.

Чтобы понять другой образ, нужно посмотреть на творческие верхи Галичины. Иван Франко, Василь Стефанык. У обоих ничего из той естественной легкости.

Наоборот, есть впечатление труда долотом в твердом материале. Недаром молодому Франко снятся, не как Шевченко легкие, полные движения и лёгкости, волшебные степные атаманы, но собственным разумным решением к скале прикованы каменщики. Недаром Стефаньк годами ваяет, не распекает, немногочисленные страницы своих произведений. Это галицкий стиль. И когда творчество молодого Шевченко напоминало зеленое буйство пьяного жизнеспособными соками чернозема, то большие произведения Франко могут напоминать хребты Горганов, тяжелые горы набросанных одно на одно каменных Тесов.

Теми действительностью духа предупреждаются аналогичные явления в других сферах. Мы присматривались к верхам духового творчества. Теперь обратимся к политическим верхам нашей недавней истории, а значит, опять к годам революции и государственности 1917-1920 годов. Восточная Украина дала армию Украинской Народной Республики, под руководством Симона Петлюры покрылась славой в обороне своей державности, героическую армию, но немногочисленную, если мерить ее пространством и населением Украины. И когда говорим о тех годах начинают появляться в воображении армии УНР – разноцветные повстанческие отряды, носились с ветром по свободной степи в своих как крылья распущенных киреях и своих голубых, зеленых, желтых, золотых и черных шапках. Те народные армии вырастали со дня на день, как степные травы, и снова моментально исчезали, пропадали как весенний дождь, что проникает в жаждущую влажности землю. Это воскресали давние и тогда еще живые, вечные степные призраки, и эхом пеленали их давние и новые песни. Сколько веселого гуку и сколько красивого и счастье пролетало в те дни на буйных конях по степи широкой, по краю веселом!

В то же время Западная Украина дала достаточно большую, когда снова брать во внимание тесную пространство и меньшее количество населения, но серую Галицкую Армию, без яркой ведущей фигуры; армию, которая проходила вдоль и поперек степи, как будто панцирник, разрезая революцией взволнованное, украинское народное море. За ней оставалось меньше красочных воспоминаний, но больше твердой дисциплины. Это опять что-то из галицкого стиля. 1 отречься от него-это отречься от себя...

Это глубочайшее познание галичанства и его задач, постигнуто глубочайшим духом Галичины. В переводе – это означает следующее, мы, галичане, это не племя гениев и героев, но племя организованной пересечки. И в этом наша сила. Наша роль служить, и наша задача помогать при рациональном оформлении идей и начинаний богатой Восточной Украины, Киева. И хотим или нет – так бывало до сих пор. Оттуда приходили западные мысли. Достаточно вспомнить влияние Шевченко на возрождение Западной Украины; влияние Драгоманова на выше описанную духовую революцию под предводительством Франко. 1 в более поздние времена идеи украинского монархизма подал Галичине приднепровец Липинский, и проповедь национализма в западных землях связана с лицом приднепровца. Галичина принимала те идеи, оформляла их, живя духом в их тени.

В этом была наша сила. И пока мы были верны нашему заданию, мы добывали себе – пусть не всегда любовь – то все же уважение и признание всей Украины. Тогда правительство украинского государства чувствовал себя спокойно, зная, что на страже стоят галицкие части... Как видели мы раньше, галичанство – это рационально организованная пересечь, и в такой форме оно творческое и полезное. Когда же оно отрекается от этих рациональных первенств в правде, морали, в логике, когда оно отрекается от своей рациональной функции служения великой родине, посягая по непосильную для него власть над ней, оно теряет почву под ногами и становится карикатурой. В бунтах и расколах собственной организации оно дает карикатуру степного атаманства. Там в 1917-м и последующих годах мы видели живые явления Трясил, Подков, Гамалий, Тарасов Бульб – мощные фигуры, половодье витальных сил, которые переливаются через берега. Избыток жизни необузданной лошади разряжался в той атаманщине. Галицкие атаманы – это чаще всего порождение не обильности, не богатства витальных сил, но наоборот, недостатков, брака. Это рекомпенсаты физических недугов, психических спинений, по каким-то причинам неутолимых страстей. Отсюда наивная – по ту сторону добра и зла – жестокость степного атаманства, и отсюда никакой красоты, только рационально-программная, идеологически приписанная безнравственность и жестокость галицкой атаманщины... И в конце стоит отметить еще одно. Ситуация в Польше становилась все более невыносима. Когда нажим на Украину велся господствующей, шляхетско-магнатской слоеной и ее классовым государством, а не польским народом. В Польше 30-х годов в явном походе против украинства видим не только государственный аппарат, но почти целое польское общество. Благородные интеллектуальные круги, которые уже в 20-х годах протестовали устами великого писателя Стефана Жеромского, были жидкие и политически бессильны. А все же даже при таком нажиме и при такой безнадёжности измены было мало. Имморализм не стал основой. Отдельные случаи изменения обряда, что означало ассимиляцию, и отдельные случаи провокаторской службы – это исключения, а не правило. Может и в этом действовало то настоящее психологическое галичанство, может в этом было не столько личного терпения, как массовой дисциплинированности общества, которые привыкли и хотят делать все вместе и солидарно, не вырываться впереди войска, и не оставаться позади – даже погибать вместе! И та черта галичанства, прикрытая удивительными масками, продолжается... И черта жила дальше в Украинской Повстанческой Армии, в которой галицкая молодежь, раз поверив, дальше боролась за Украину даже тогда, когда ее провод добывал себе уже новые “государства” по лагерям Германии. И сейчас выступает и черта в верности части галицкой массы в свободном мире для того националистического провода с 30-х годов. Иногда и верность делает впечатление тупой ограниченности. А все же умеют увидеть в ней и чтить далекий отблеск добродетели, которую показывают до сих пор: в трагические дни 1919-1920 годов, больные тифом, без оружия и лекарств, и без одежды, и помимо всех усилий и большевиков галицкие воины не покидали своих старшин!

Почти все западные украинские земли нашлись в пределах Украинской Социалистической Советской Республики. Нетерпимый и нетерпеливый режим

старается как можно скорее провести полное уравнивание не только административное, но также в общественном укладе и в духе... Все это можно очертить одним словом: там происходит каждый раз дальше и глубже "восходящее" Западной Украины, следовательно, и Галичины.

Но после наших предыдущих размышлений этот процесс можем охарактеризовать еще иначе. Вместе с таким "восходящим" Западу идет дальше, под конец 20-х годов начат, процесс "огаличанення" Восточной Украины. Мы понимали галичанство как следствие веками продолжающегося давления духового и социально-политического, который создал сравнимую, рациональную пересечь, систематически сдавливая все, что произрастало свыше нее. От конца 20-х годов коммунистический режим действует в том же направлении в Восточной Украине...То, что было не под силу царскому православию, то в духовой плоскости делает марксизм...Украинской духовности польский католицизм не убил. Наоборот, и духовность на Западе оперлась польским элементом, заступая их украинскими в украинском протестантизме. Так же марксизм не убил и не убьет духа Украины. Восточные украинцы, что теперь находятся в свободном мире, это доказательство этого. Но и католицизм и марксизм имели одно подобное следствие – они дисциплинировали человеческие души догматикой и логической схоластикой, истребляя в них душевную атаманщину...Идет взаимное сближение, уподобление уклада жизни и уклада духа. Соборность становится не только географическим и государственно-политическим понятием, но и психологическим...На события в Украине смотрим не как на окончательное проклятие страшного суда истории, но как чистилище, сквозь которое проходит нация, пока войдет в царство свободы и государства...

ИСТОРИЯ УКРАИНСКОГО ИСКУССТВА МЕЖДУ ОКЦИДЕНТОМ И ВИЗАНТИЕЙ¹²⁴

Старая княжеская Русь и ее Украина, как ее дитя, за все время своего исторического существования стояли в той или иной осцилляции между двумя универсально-историческими культурами: Византией и Окцидентом.

Нигде так наглядно не отражается этот исторический процесс, как в памятниках искусства. Бесспорно, и все другие проявления духовной жизни несут на себе знамение этого процесса, но история искусства, как в зеркале отражает все проявления духовно-культурной жизни этой сферы.

Выдвигая эти проблемы, идем по последним постулатам более новых течений в истории искусства, вне чисто формальными вопросами стараются убрать художественное произведение, считая его произведением духа современности. Этот новый методический подход к истории художественных течений, который так успешно ввели в жизнь представители венской школы историков искусства и каким обязаны одной из первых реабилитаций средневекового искусства [1] вместе с его основной переоценкой, отвечает также и новым духовным направлениям современности, которые освобождаются как с чисто формалистического, так и механически-материалистической трактовки исторических явлений.

Этот подход открывает новые горизонты в истории украинского искусства. История украинского искусства еще очень молодая наука и многие ее участки совсем не исследованы ... Такой общий взгляд на ее историческое развитие с показом важнейших духовных течений, которые имели решающее влияние на ее возникновения и формирования, может иметь значение для выдвижения требований и вопросов не только по ее предмету. Поэтому, несмотря на студии над единичными вопросами из этой сферы считаем не менее важным проследить основные направления и обосновать синтетические рассуждения. Очевидно, что чем сильнее будут труда из одиночных отраслей, тем увереннее будут результаты общих соображений,

Когда охватываем глазом сохранность истории художественных течений на наших землях, то сразу замечаем, что она изымается из того чередования художественно-исторических явлений, которое мы привыкли приспособливать к окцидентальному искусству. Не замечаем нигде, чтобы у нас сменяли друг друга, так как в окцидентальной Европе: романский, готический стиль, ренессанс, барокко и классицизм. Мы находим проявления каждого из этих стилей, но они не проявляются здесь в своем чистом виде. В любом случае они не творят здесь ограниченного основания, как везде в окцидентальной Европе. Органическим основанием, общим

¹²⁴ Источник: Залозецкий-Сас В. Між Окцидентом і Візантією в історії українського мистецтва [Електронний ресурс]. – URL: <http://www.ji.lviv.ua/n7texts/zalozucky.htm> Печатается в сокращении

для всей Восточной Европы, является искусство византийское, которое со временем под воздействием окцидентальных художественных течений дифференцировалось.

Итак, если имеем перед глазами вертикальное сечение через историю художественных проявлений на наших землях, то можем различить два основных направления: на нижние слои этого сечения ляжет византийское искусство, а в верхних слоях, под влиянием окцидентальных течения, оно дифференцируется.

Поэтому замечаем две главные художественные оси: одну - старшую - можем ее назвать южной, другую - младшую - западной. Вокруг этих двух осей кружат все важнейшие проблемы украинского искусства, когда будем на них смотреть с исторической перспективы.

Юго-византийская ось особенно сказалась на нашей культурно-духовной истории, потому что соединила ее неразрывными узлами с средиземноморско-античной культурой, представителем которой в средневековой эпохе была Византия. Факт связи наших земель с тем южной осью Киев-Константинополь имел, разумеется, исторически переломное значение для всего культурно-духовного развития наших земель не только ввиду того, что благодаря той оси эти земли нашлись впервые в орбите старой средиземноморско-античной культуры, но и потому, что вся ось легла в основу всего будущего духовно-культурного развития земель между Днестром и Днепром, а впоследствии стала основным хребтом,

Но впоследствии эта ось ослабилась. На это были разные внешние причины. Во-первых, в XIII веке этот непосредственную связь ослабили татарские набеги на Русь, а также перенос веса государственной жизни с Востока на Запад. Во-вторых, к ослаблению непосредственного влияния той оси привели сильный нажим ислама на византийскую империю, походы крестоносцев, но одновременно и медленное ослабление всемирно-исторической роли Византии и ее центрального значения для Восточной Европы. Упадок Константинополя, как прямое следствие внутреннего ослабления Византии, еще сильнее расшатал основы оси Киев-Константинополь, от которой осталась только тень былого величия.

Все это - перенос политического центра на Запад, в Галицко-Волынская регион, и медленный упадок византийских влияний через уничтожение его центрального источника - повлияло на возникновение второй оси, то есть воздействий оси окцидентальной, которая своим географическим положением как стала поперек первой.

Эту западную ось нельзя так четко определить, как ось Киев-Константинополь, но она не менее четко и наглядно выступает в нашей духовной истории как и первая. Эта западная ось, в противовес южной, лучить наши земли с резервуарами окцидентальной культуры и ее значение имеет тот же вес, что и южная ось, только тяжелее найти значение ее отдельных культурных центров, вследствие сильной национальной дифференциации окцидентальной культуры и вследствие частых изменений направляющих этих воздействий.

Суть проблемы заключается во взаимоотношениях этих двух культурных направляющих исторически универсального значения. Нет сомнения, что это был тяжелый конфликт двух, в основном различных культур: византийской и

окцидентальной, что всколыхнул духовные основы наших земель и среди отличных исторических обстоятельств происходил не раз между двумя культурами, в несколько иных плоскостях, как, например, конфликт античных основ средиземноморской культуры с северогерманским миром, повторяющийся несколькими волнами в истории окцидентальной Европы.

У нас этот конфликт получил своеобразную окраску, хотя можем его считать одним из отрезков этого универсального соревнования между Византией и Окцидентом, который наполнял своим содержанием целые века.

В чем же заключается тот своеобразный характер конфликт двух культур на наших землях? С долговекового соревнования встал своеобразное явление осцилляции окцидентально-византийской культуры, произошло сближение обеих культур и обоюдное оплодотворение их творческими потугами. Нет сомнения, что это сближение обеих культур, абсорбировать все духовные силы наших предков, переходило самые фазы, от более механической соединения до высших форм их синтеза, но главный результат этого исторического процесса - глубокая дифференциация основ византийской культуры под дуновением окциденту. Эта дифференциация имеет для истории Украины универсально-историческое значение, так как именно в ней целая ее отличие от других восточноевропейских народов, которые так же переняли византийские основы культуры, такие как Северная Русь. Но на Севере эти византийские основы, укреплены впоследствии западными и восточными элементами и слабо и органически не переваренными воздействиями западной культуры, создали формы культуры московской. Юг основно определил те общие основы вследствие необычно сильного, глубокого и органического синтеза культуры византийской и окцидентальной. Содержание этого синтеза - это собственно и историческая индивидуальность, которая сформировалась на Юге относительно духовного комплекса близкой Восточной Европы, были укреплены впоследствии восточными и западными трендами, и слабо и органически не переваренными воздействиями западной культуры, создали формы культуры московской. Юг определял те общие основы вследствие необычно сильного, глубокого и органического синтеза культуры византийской и окцидентальной. Содержание этого синтеза - это собственно и историческая индивидуальность, которая сформировалась на Юге определились относительно духовного комплекса близкой Восточной Европы. Исторический подход к этому вопросу наглядно указывает нам на то, что рождение Украины как исторически индивидуальной единицы зависело от того процесса дифференциации как на поле духовно-культурной, так и социально-политическом.

И именно это создает гораздо сильнее распределение в истории Восточной Европы, чем языковые, этнографические и даже антропологические различия, которые есть только пригодным материалом, но не свойственной *causa efficiens* таких глубоких исторических процессов, поскольку различия между народами возникают во многом на почве нарастания определенных культурно-духовных и социально-политических ценностей, а главное на почве формирования ментальности и души народов под влиянием тех культурно-духовных ценностей, когда будем смотреть на

рождение национальных организмов не только как на биологическую, но и высшее от нее, духовно-историческую перспективу.

И еще один фактор предстоит принять во внимание, прежде чем приступим к практической части соображений: это вопрос территориальную локализации воздействий обеих осей.

Победа южной оси передвигала сердечника наших земель к востоку, на Поднепровье, там лежал центр оси Киев-Константинополь. Это имело тот результат, что там возникли глубокие основы византийской духовной культуры, которые стали на целые века резервуаром этих традиционных основ. Из всех наших регионов Поднепровье стало сильнейшим забралом византийских основ культуры, дольше опиралось воздействиям окцидентальной культуры. С того географического сообщения следует временное перенесение процесса ассимиляции обеих культур и их сильнейший конфликт именно на тех территориях.

Иначе реагировали на эти исторические процессы западные области, главным галицко-волынские. Здесь влияние Окцидента было интенсивнее, культурная дифференциация была ограничена и началась уже в средневековой эпохе. Правда эти влияния окцидентальной культуры не вытесняют и здесь основ византийской культуры, хотя их экспансия далеко сильнее. Заметим, что и здесь время от времени в сутках княжеской, как потом и в сутках после падения Византии, проявлялись тенденции к восстановлению византийских влияний, только они уже не шли непосредственно через Константинополь-Киев, а окружной дорогой - через Балканские страны, путем воздействия на Молдову и Валахию. [2]

Из этого следует, что процесс духовной дифференциации начался сначала на западных землях, там он запустил глубокие корни и оттуда продвигался с запада на восток.

Это были бы те существенные теоретические рассуждения, которые надо подпереть доказательным материалом по истории наших художественных памятников, поскольку они являются историческими документами исторического процесса, который здесь в общих чертах намечены.

Постараемся прояснить этот процесс, рассмотрев несколько важнейших памятников искусства методом сравнительного анализа ввиду существенную проблему - процесс дифференциации византийского искусства под влиянием окцидентальных течений.

К наиболее хорошо сохранившихся византийских строительных планов княжества принадлежит церковь св. Спаса в Чернигове, построенная в начале XI в. Это тип крестообразной центральной здания, ядро которой творит главный купол, покоящийся на четырех средних столбах. Этот средний балдахин, как ковчег колоссальных размеров является существенной частью византийской церкви. [3] В нем пересекаются все оси здания и поэтому он в укладе своих пространств производит впечатление сбалансированного покоя. Здесь завершается равновесие между высотой, шириной и глубиной, которая творит впечатление гармоничного, величественного бытия. То же впечатление эластичного всплывания плоскостей производят и все другие своды, купола и пивкуполы абсид, которые сверху вместе

образуют связанную систему сферического гармонизации пространств. К тому идеальному трактовки пространства в византийской архитектуре прибавляется сильное оптически колористическое трактовка стен, которые покрываются цветными плитами мрамора, мозаиками и фресками. Это лишает стены их материальности и субстанциональности и производит впечатление оптических эффектов, игры света и тени, блеск и мерцание цветов на золотом фоне. Итак, византийская архитектура княжества зиждилась на иллюзорное впечатление идеально гармонизированных пространств, вызывают у нас чувство величественного, идеального, спокойного бытия. [4] Это имеет свое глубокое значение, ибо вытекает из потребностей византийской религиозной мистики и символической обрядности, которая пытается вызвать сверх реальное, неземные и сверхъестественные впечатление, вичаровуючы художественными средствами линии, формы, краски, света и тени проекцию сверхъестественных сфер, в которых пробивается вся красота и блеск неба. Недаром послы Владимира Великого, услышав богослужения в храме св. Софии в Константинополе, заявили своему обладателю, что они не знали, они находятся на земле или на небе. [5] Такое же впечатление вызывает и тесно связано с одухотворенным характером византийской обрядности византийское искусство ...

Подобное впечатление производит и внешний вид церкви св. Спаса в Чернигове. Простоте голубых архитектурных единиц соответствует равновесие и баланс архитектурных масс и гармоничное сочетание частей с помощью центрального купола, который творит равновесие между четырьмя угловыми куполами. Луга фронтонов стен и закругления шлемов куполов эластично замыкают внешнюю архитектуру и как творят целость архитектурного организма, пропорционально балансируя архитектурные массы. Этой идеально завершенной замкнутости соответствуют идеально плоские стены наружу, лишенных всякой пластической декорации, а все деления происходят только в площадях. Даже окна лишены пластических рам [...]

[...] Романский стиль оказывается главным в декорации и членения стен, когда главная строительная идея купольных планов [трехапсидный с тремя кораблями в церкви Пантелеймона, церкви Спаса и церкви над Дубравой и трехапсидный с пятью кораблями в кафедральном соборе Успения в Крылосе] остается неизменной. До можем заметить эти изменения, в основном на сохранившихся частях церкви св. Пантелеймона. Романская декорация, пластическое членение стен, а главное необычно богатая архитектура главного портала совсем вытеснили византийскую плоскую стену и заменили легкую кирпич отягощенным и материальным впечатлением тесаных каменных блоков. Вся стена превратилась в строгую декабрь пластически-архитектурного деления:

Новый, византийском стилю неизвестный момент - это пластика, резьба и строгая тектоника стен, которые отличают наши здания от чисто византийских и творят первый этап дифференциации византийской архитектуры под влиянием романского стиля. [6] Галицко-волинская архитектура играет здесь роль первостепенную.

Следующим звеном того же художественного процесса является дифференциация византийского искусства под влиянием готики. И здесь есть ряд чрезвычайно поучительных примеров синтеза этих двух стилей. [7] Вспомним здесь только одну из лучших памятников, которая появилась очень поздно, но характерна тем, что очень наглядно отражает процесс дифференциации. Им является Богоявленская церковь в Остроге, построенная в 1521

Заметим, что ядро здания осталось византийским: кресто-купольный план по центральному куполу на четырех главных столбах, с тремя кораблями, законченными на востоке абсидами. Но когда ближе присмотримся к нашей Богоявленской церкви в Остроге и сравним ее с чисто византийскими строительными планами, например церковью св. Спаса в Чернигове, то увидим глубокие изменения [...]

[...] Эти глубокие изменения возникли вследствие переноса готической архитектуры на византийское ядро. Готика лишила византийский строительный план его массивности, гармоничного равновесия пропорций, одухотворяя и сублимируя архитектурные средства в вертикальном направлении. Это победа средневековой идеи над тяжелой материей по вертикали здания, ядро которой все же осталось византийским. Имеем перед собой памятник искусства, в которой как завершился синтез готики и византийского архитектурного стиля в таком индивидуализированном виде, который не имеет аналогов в мировой архитектуре.

Синтез византийского и окцидентального искусств находим также и в сутках более новой, в ренессансе и барокко. Меняется лишь отношение окцидентальных стилей к византийскому. Когда в раннем средневековье преобладал византийский стиль, в позднем скорее царил баланс между обоими стилями. Так, в новейшей эпохе начинают преобладать западные влияния, а не затирая, однако, глубоко укорененных византийских традиций, то есть, синтез становится свободным [...]

[...] расходятся художественные пути Византии и Окциденту.

Но для нашего художника XVIII века характерно то, что хотя он брал за образец окцидентальное искусство, и перенимал от него то, что ему было по старой византийской традиции ближе: в пейзаже последовал средневековое голландское живопись, в типах - идеальные изображения ренессансных художников [...]

[...] На нескольких типичных примерах, которые можно было бы дополнить, мы заметили, что в истории украинского искусства как красной нитью тянется соревнования в духовного слияния Востока и Запада, Византии и Окциденту. В нем видим неизменную черту нашего искусства. Оно проявляется в различных стилевых проявлениях в разное время, но одно остается неизменным: осцилляция, колебания между византийским Востоком и Западом.

Из этого следует, что эти два основных источника нашего художественно-исторического прошлого оплодотворяли все творческие художественные соревнования и их историческое отношение друг к другу создает присущий содержание украинского искусства. Очевидно, что этот синтез Византии и Окциденту

оказывається також во всіх інших проявленнях духовної життя, але найбільш наочно він проявляється в історії мистецтва.

Він вказує нам на універсальне значення цього процесу. Це єсть з ним зв'язана не тільки індивідуалізація нашої духовної історії з іншими східноєвропейськими народами, але також універсальне значення того зближення двох великих культур, що в вічному суперництві як раз в нашої історії набуло форми, яких ми не маємо ніде.

В цьому як раз і єсть загальносвітове значення тих історических процесів, які так наочно перед нами зарисувалися на фоні історії наших художественних пам'яток.

1. Dvorak M.: Kunstgeschichte als Geistesgeschichte. Studien zur abendlandischen Kunstentwicklung. головна праця "Idealismus in der gotischen Skulptur und Malerei", München, 1924.
2. Ці питання чекають ще на окремі монографічні опрацювання.
3. Питання про значення балдахинів у візантійській архітектурі вперше висвітлив Sedlmayr H. у "Das erste mittelalterliche Architektursystem", 1934.
4. Zalusky W. Byzanz und Abendland im Spiegel ihrer Kunsterscheinungen. Salzburg, 1936.
5. Heiler Friedrich Urkirche und Ostkirche. München, 1937, s.325.
6. Уважний дослідник зауважить, що пластика деяких архітектонічних частин, наприклад колон з гудзами [Knotensaule] головного порталу церкви св.Пантелеймона, не так повна, як звичайно буває у романських портах. Це, очевидно, локальні відхилення, які стоять під знаком візантійського площинного трактування декорації. З літописних описів церков, що побудував король Данило у Холмі, випливає, що уживано тут навіть фігуральної різби, якої дотепер у Крилосі не знайдено.
7. Порівняй церкви у Маломожейкові з XV століття [друга половина], у Синковичах з першої половини XV століття, у Супраслі з XVI століття пор.: Zalusky W. Gotische Baukunst in Osteuropa. Köln, 1932.

**НЕВИДИМЫЕ НАЦИОНАЛИЗМЫ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ:
АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И
АНГЛИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В
ДИСКУРСЕ СМИ**

АНГЛИЙСКОСТЬ КАК ЗАПРЕЩЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ¹²⁵

Неприятный национализм процветает, когда политкорректное общество рассматривает английскость как проблему белого рабочего класса.

Фольклорный музыкант Элиза Карти недавно написала о том, как она была потрясена тем, что оказалась в списке одного из любимых музыкантов лидера BNP Ника Гриффина. И кто может ее винить?

Но у этого есть более глубокий подтекст, чем смущение одного народного певца. Борьба Гриффина с английской народной музыкой является одним из элементов широкой культурной стратегии, проводимой BNP. Она включает в себя установление связи между глубоко ощущаемым чувством социально-экономической маргинализации, распространенным в некоторых общинах, и более явной поддержкой проанглийского, а не пробританского национализма.

Этот сдвиг в культурной политике крайне правых упускается из виду. Согласно исследованию, которое вскоре будет опубликовано Институтом исследований государственной политики, привязанность к английскому языку стала более важной чертой социальной культуры Англии, чем осознавали многие наши политики. Эта тенденция также тесно переплетается с разногласиями, связанными с классом.

Различные факторы помогли укрепить английскую идентичность за последнее десятилетие. Деволюция заставила англичан задуматься о собственном чувстве государственности и позиции в союзе. Признание того, что Англией управляют сверху вниз, породило чувство беспокойства по поводу ее (не) демократической позиции, которая охватывает лагеря правых и левых. Не менее важной была тенденция к возрождению некоторых древних связей принадлежности перед лицом изменений и нестабильности, связанных с глобализацией.

Наше исследование указывает на характер этого нового чувства англичанства на лице Януса. С одной стороны, отчетливая английская национальная иконография довольно быстро стала частью нашей культурной жизни. Подумайте о том, каким обыденным стал крест Святого Георгия, когда-то символ, испорченный ассоциацией с крайне правыми. В этом и во многих других формах - таких как заметное возрождение английских музыкальных традиций, литературы и искусства - мы обнаружили, что английская самопроявление не несет единой политической или социальной программы. Также укрепление англоязычных идентичностей не обязательно означает, что люди перестают заботиться о Британии. Факты свидетельствуют о том, что для большинства людей верно обратное: оценка вашей английской идентичности привела к тому, что многие люди добавили к множеству идентичностей, которые нам нравится хранить.

¹²⁵ Источник: Michael Kenny, *Englishness: the forbidden identity* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/feb/11/english-nationalism-fight>

Так в чем проблема? Ну, вторая тенденция также вошла в игру. Очень кричащая и часто шовинистическая идея английской идентичности стала важным средством выражения растущего чувства обиды среди некоторых слоев английского населения. Именно эта новая основа популистского национализма бросает свет в глаза Ника Гриффина.

Это та разновидность английского национализма, которую многие либеральные комментаторы и политики, включая нынешнего премьер-министра, справедливо считают ядовитой противоположностью гражданскому и всеобъемлющему патриотизму, который они хотят видеть, опираясь на более широкое чувство британства.

Иначе говоря, наши исследования заставляют нас усомниться в этой широко распространенной прогрессивной позиции. Во-первых, мы обнаружили, что вера в то, что правительство и политкорректное общество не одобряют английскость, является ключевым элементом почвы, на которой процветал популистский национализм. Согласованное прогрессивное взаимодействие с английской самобытностью и культурой помогло бы истощить это неприятное растение, лишив его большей части кислорода.

Во-вторых, нам пора отказаться от карикатуры белого рабочего класса, что разжигает общественные дебаты. Это неправда, что белые люди из рабочего класса более склонны к популистскому национализму, чем их коллеги из среднего класса. На самом деле, больше всего нас поразили разговоры с людьми из разных слоев общества в ходе нашего исследования, так как были амбиции и страхи, связанные с обязательством быть англичанами. Мы узнали о сложном и меняющемся наборе аргументов о том, что значит быть англичанином сегодня.

И, в-третьих, можно поставить под сомнение широко распространенное предположение, что английскость «предназначено только для белых». Это правда, что опросы, как правило, показывают, что большинство этнических меньшинств в Англии связаны с идеей быть британцами, а не англичанами. И есть веские причины, по которым либералы иногда с подозрением относятся к утверждению английской идентичности. Но более тщательное изучение доказательств позволяет предположить более сложную картину. Отношение к английской идентичности варьируется между общинами этнических меньшинств и внутри них, в то время как существует неофициальная поддержка идеи о том, что люди из третьего поколения более готовы идентифицировать себя с аспектами английской культуры и идентичности.

Мы должны также напомнить, что по некоторым важным социальным вопросам, включая отношение к расовому смешению и сплоченности сообщества, Англия остается одной из наиболее терпимых развитых стран в мире. Прогрессивный и мультикультурный английский патриотизм представляет собой важное средство отодвинуть назад почву, которую пытаются занять крайне правые. Хорошим началом было бы для всех основных политических партий бороться с инсинуацией, что английскость «запрещено» в нашей культурной жизни.

АНГЛИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ МОГУТ СТАТЬ «ЭЛЕКТОРАЛЬНО АВТОРИТЕТНЫМИ» В РЕЗУЛЬТАТЕ ПАДЕНИЯ БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ¹²⁶

Партия уже заявила о некотором количестве перебежчиков. В связи с этим глава партии – Робин Тилбрук предупредил, что вновь прибывшие участники должны быть по-настоящему преданы партии.

Красно-белый крест Святого Георгия был распространен повсеместно. Рекламные товары включали футболки с надписью: «Правосудие для 50 миллионов», а призом вечерней лотереи являлась подборка фильмов Шейн Медоуз.

Все это с большой вероятностью было приурочено к ежегодной конференции английских демократов - партии, члены которой во главе с лидером считают огромным достижением свое десятилетнее пребывание в составе британского парламента.

Тем не менее, когда около 60 белых делегатов собрались в конференц-зале отеля рядом с Лестером, мероприятие, ранее используемое лишь для увеличения минимального предела избирательных бюллетеней, неожиданно для многих выходит за пределы фиксированного членства в 3500 человек.

Многие серьезные эксперты полагают, что благодаря сочетанию факторов, наиболее важным из которых является кризис в Британской национальной партии, у Либеральной Демократической партии появилась возможность использовать образовавшийся разрыв на избирательном рынке для внедрения анти-иммиграционных лозунгов правого толка.

Некоторые разочарованные активисты BNP уже перешла на сторону партии, которая, несмотря на свой девиз «Не левый, не правый - только английский», является гораздо более жесткой по отношению к иммиграции, чем кто-либо в Вестминстере. Они предлагают выход из ЕС, уверенные в том, что «общественная культура» Англии должна быть культурой «коренного английского» и рассматривающие «политкорректность» как «злую идеологию».

Эту мысль подтвердил и лидер партии Робин Тилбрук. По его словам, возможность у партии появилась когда «некоторые люди, которые хотели сделать все возможное для нашей страны, но допустили ошибку, присоединившись к Национальной партии, теперь присоединяются к нам, что поможет нам стать этой избирательной партией».

Мы должны быть уверены, что такие люди действительно направляют свои силы в более гражданский или культурный национализм и что они станут основной составляющей нашей партии, но при этом нам не стоит занимать чересчур оборонительную позицию.

На конференции выступил один из вновь прибывших членов партии, бывший советник Национальной партии Крис Беверли, который пытался развеять подозрения

¹²⁶ Источник: *English Democrats could become 'electorally credible' as BNP decline* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2011/sep/25/english-democrats-electorally-credible-bnp>

о том, что бывшие националисты в конечном счете превзойдут по численности демократов, вместо этого настаивая на том, что важность тех, кто придет, заключается в том, что они являются активными участниками, которые могут изменить ситуацию.

«Для меня английские демократы - это новый шанс для всех нас. У партии есть возможность преуспеть», - сказал Беверли Хранителю, который блистательно говорил о своем новом политическом доме после 14 лет - «Вся моя взрослая жизнь» - проведенных в национальной партии, которую он сравнил с культом.

Несмотря на это, наблюдатели отмечают, что Беверли остается сотрудником избирательного округа Эндрю Бронса, одного из двух членов Европарламента БНП, который недавно вступил в борьбу за кресло лидера партии.

Кроме того, еще одной ключевой фигурой, которая ожидает решения по его заявлению о вступлении в БДП, является Эдди Батлер, бывший национальный организатор, который обеспечил успех партии на местных выборах и главный соперник лидера Гриффин в борьбе за власть в разделенной противоречиями партии.

Такие люди, как Батлер и Беверли, который является значительной политической фигурой, потому что обладает возможностью баллотироваться и шансом победить на выборах, для подстраховки заигрывают с английскими демократами.

Они так же, как и многие политические комментаторы понимают, что у правых партий есть серьезный шанс влиять на британскую политику», - говорит Мэтью Гудвин, автор книги «Новый британский фашизм: восстание БНП».

Хоть Гудвин и не считает сам английский национализм безоговорочным победителем выборов, он полагает, что новая радикально-правая сила может заметно укрепить свои позиции за счет общественной обеспокоенности вопросами иммиграции, правопорядка и противодействию давно сложившимся партиям.

«Настоящей проверкой на прочность для английских демократов станет вступление в ее ряды большего количества бывших участников национальной партии. В партии могут возникнуть неловкие вопросы среди тех, кто хочет, чтобы она оставалась свободной от БНП, и тех, кто хотел бы открыть дверь для всех желающих, тем самым повторив путь самой Национальной партии в конце 1960-х годов. Если тенденция продолжиться, у нас сложится необычная ситуация – так как, радикальная антиправительственная партия бесспорно обладает большим потенциалом».

Английская лейбористская сеть призывает радикально переосмыслить наши представления об этой стране, от празднования Дня Святого Георгия до министров регионов.

Идентичность - одна из самых мощных сил в политике сегодня, но в Англии лейбористы до сих пор заинтересованы в ней. Запуск английской рабочей сети смелый и запоздалый. Его радикальный потенциал нуждается в быстрой добыче.

В последнем лейбористском правительстве я был ведущим сторонником «британства» в дебатах, которые вел Гордон Браун с большой страстью и достоинством. Но мы плыли против течения. Правда состоит в том, что шотландская и валлийская деволуция, темпы социальных изменений и падение доверия, которое, как мы видим, ускоряется на западе, спровоцировали кризис англичан. Вместо того, чтобы избегать этой проблемы, лейбористская организация должна решать, формировать и извлекать из нее омолаживающую энергию. Вот почему я страстно участвую в дебатах.

Голосование за Brexit было знаком того, что время терять нельзя. Потребность в коллективных решениях растет, но уровни социального доверия снижаются. Это экзистенциальная проблема для лейбористов, потому что мы являемся партией в британской политике, которая считает, что вместе мы добиваемся большего, чем в одиночку. Труд - это «мы». Мы верим в совместную работу. Но как мы вдохновляем людей сотрудничать в мире, где люди чувствуют, что сотрудничество делает их беднее? Как освежить братство в стране, которая, кажется, поворачивается внутрь?

Соединение с английской идентичностью - один из способов, который поможет. Юваль Ной Харари так хорошо выразился в своем бестселлере «Сапиенс: краткая история человечества»: «Воображаемые порядки [например, национальная принадлежность] не являются злыми заговорами или бесполезными миражами. Скорее, они являются единственным способом эффективного сотрудничества большого числа людей». И больше сотрудничества, а не меньше, это то, что нужно нашей стране сегодня.

Теперь мы будем осторожны. Нам должно быть ясно, что патриотизм и национализм - это две совершенно разные вещи. Наш патриотизм, наше англичанство должно быть по определению инклюзивными, верными своим радикальным традициям и в равной степени касаться нашего будущего потенциала, как и нашего прошлого. Шарль де Голль довольно хорошо выразил это, когда заметил, что патриоты - это люди, которые первыми любят свою страну; националисты ставили свою ненависть к другим на первое место.

Мы также не должны проявлять особого интереса к пыльной истории, когда именно английские идеалы могут дать нам столько энергии. Это то, что мы должны обсудить.

¹²⁷ Источник: *Labour is taking on the crisis of Englishness with a bold campaign* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jul/19/labour-party-taking-crisis-englishness-bold-campaign>

Англия - зеленая и приятная земля. Поэтому английский лейбористский труд должен быть зеленым во всех отношениях, способствуя сохранению, низкоуглеродной энергии и контролю изменения климата. Английский лейборист должен создать гордый, смелый проект по охране природы, который защищает сельскую местность и озеленяет наши города и поселки.

Лучшей из английской политики был ее радикализм о власти. Английский лейборист должен быть честлюбивым для радикального распределения власти посредством передачи полномочий и кооперативов. Наш парламент должен эффективно защищать Англию - не просто голосами англичан за английские законы, но и путем поиска путей, чтобы защищать Англию, от Камбрии до Корнуолла, с региональными министрами на постоянной основе, комитетом английских регионов и - надеюсь, однажды - реформа лордов это закрепит в региональных списках представителей.

Мы должны быть великими поборниками английского языка и заботиться о нем так сильно, что хотим, чтобы он распространялся здесь, дома, с надлежащим финансированием английского языка для носителей других языков и по всему миру, с серьезными инвестициями в Всемирную службу BBC и Британский Совет. Поскольку мы являемся одним из важнейших в мире мест научной революции, страной, которая похоронила своих ученых вместе со своими носителями верховной власти с тех пор, как мы похоронили Исаака Ньютона в Вестминстерском аббатстве, мы должны быть величайшими поборниками науки.

Мы должны творчески подходить к включению. Для меня, члена парламента Бирмингема, это означает усердную работу, чтобы остановить экстремистов, определяющих англичанство в отличие от ислама, и вместо этого помочь создать пространство для развития английского ислама. Это дух, отстаиваемый такими мыслителями, как Тимоти Винтер, который недавно выразил это хорошо: «Мусульманство», писал он, «всегда переносится через дефис, потому что никакая религия не может существовать голой без одежды, предоставленной временем и местом».

Наконец, давайте не будем забывать о необходимости развития партии в поисках прогресса. Новым праздничным днем у работников банка, чтобы отметить то, что у нас общего, должен стать День Святого Георгия. У вас может быть другой список традиций и идеалов. Но это именно английская рабочая сеть может помочь в обсуждении.

Именно Джордж Оруэлл писал: «Патриотизм не имеет ничего общего с консерватизмом. Это на самом деле противоположность консерватизму, поскольку это преданность чему-то, что постоянно меняется и все же ощущается мистически одинаковым. Это мост между будущим и прошлым». Я думаю, что именно этот мост в будущее поможет создать английскую рабочую сеть.

ДЕБАТЫ О БУДУЩЕМ АНГЛИИ НАЧИНАЮТСЯ В СОЕДИНЕННОМ КОРОЛЕВСТВЕ¹²⁸

Конституционное собрание по вопросам будущего Англии в Соединенном Королевстве начнет свою работу. В письме к The Daily Telegraph сторонники этого предложения определяют современное политическо-территориальное устройство страны как «несправедливое» по отношению к Англии, будущее которой остается нерешенным на протяжении восьми лет с даты создания шотландского парламента и Уэльской ассамблеи.

Подписанты, в том числе министр труда лорд Стоддарт, и профессор Роджер Скрутон, являющийся писателем и философом, призывают к созданию Английского парламента. В их записке содержится следующее: «Прошло почти 10 лет с тех пор, как народ Шотландии и Уэльса принимал решение по передачи полномочий регионам. «Никакая такая вежливость не была оказана народу Англии, и наши политики, похоже, даже не допускают обсуждений на эту тему», - подчеркивается в письме.

Кристина Констебл, одна из руководителей собрания, сказала, что первый этап рассмотрения будет включать в себя ознакомление людей с основными предметами раздора. К ним относится вопрос о Западном Лотиане, согласно которому шотландские парламентарии могут голосовать по вопросам, которые затрагивают Англию, но не оказывают прямого влияния на ее избирателей.

«Англия просто является наблюдателем конституционной реформы», - сказала она. «С нами не консультировались по поводу передачи полномочий. Если шотландский парламент подходит для Шотландии, почему английский парламент так плох для Англии?»

Конвенция впервые будет рассмотрена сегодня в Вестминстере. Одним из спикеров будет доктор Кеньон Райт, который председательствовал на шотландской конституционной конвенции, положившей начало новому устройству страны.

Он будет призывать к созданию «сильного английского парламента, который будет обладать равными полномочиями с Шотланским парламентом и законодательным органом Уэльса, что приведет к созданию более здоровой политической обстановки в Великобритании».

Кеньон Райт утверждает, что запрет шотландским депутатам голосовать по английским вопросам, приведет к возникновению еще больших проблем. «Теперь после референдума на Северо-Востоке стало ясно, что региональное правительство не является стартовым в обозримом будущем, и мы не можем ждать дальнейших изменений».

«Я убедился в том, что в Англии растет чувство национальной идентичности, столь же сильное, как и у нас, и поэтому английский парламент, если люди в этом

¹²⁸ Источник: *Debate opens on England's future in UK* [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20070904232711/http://www.telegraph.co.uk/news/main.jhtml?xml=/news/2006/10/24/nuk24.xml>

заинтересованы, является таким же их правом в той же степени, в какой он является нашим», - утверждает Райт.

Участники собрания планируют совершить поездку по стране с целью подготовки доклада к концу следующего года.

ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОСТИ ВДОХНОВЛЯЮТ НОВЫЕ НЕРЕШАЕМЫЕ ВОПРОСЫ¹²⁹

Левые восхваляют национальность. Но посещение фестиваля английской идентичности вызвало у них приступ тошноты.

Я провел субботу в аудитории южного Лондона, украшенной флагами Святого Георгия, на мероприятии, на котором присутствуют вокальные фракции английских демократов и Кампания за английский парламент. Объявленный как праздник английскости под названием «Англия, моя Англия», этот день включал рыбу с жареным картофелем и демонстрацию ограждения с широким мечом, и был завершен стаканом английского эля.

Я был не единственным, кто испытывал тошноту от всего этого. На самом деле, день был не совсем таким, каким казалось. Он был организован левым Институтом исследований государственной политики и British Future, директор которого Сандер Катвала является бывшим главой Фабианцев. Его отправной точкой стало исследование IPPR, которое подтвердило увеличение числа англичан, идентифицирующих себя как англичан, а не британцев, и обнаружило, что те, кто это делают, с большей вероятностью будут антиевропейцами, обиженными на шотландцев и склонными к UKIP (Партия независимости Соединенного Королевства). Хотя и не оформленные таким образом, обе организационные группы явно опасаются, что, если левые не обратятся к английскому языку и не будут восхищаться им, это оставит открытую цель для правых. Следовательно, день - это не «конференция», а «фестиваль».

Не случайно, по большей части разбирательства звучал тон нежной, самоуничижительной иронии. Несколько человек в культурной сессии (два романиста, поэт, Ванесса Уитберн из «Лучников» и я) оспаривали предпосылку дня. На комедийной сессии выяснилось, что для англичан три самых характерных комедийных персонажа - Дель Бой, Бэзил Фолти и Гиацинт Бакет - либо социально незащищены, либо плохи в своей работе, либо оба варианта. Спортивная сессия приветствовала героический провал Эдди Орла, предполагая, что победа на чемпионате мира 1966 года отбросила британский футбол на 20 лет назад. Как и в речи Эда Милибэнда об английскости в 2012 году, общее желание затронуть эту тему («мы слишком нервничали, чтобы говорить о английской гордости и английском характере») сопровождалось несколькими предложениями по политике. Чаще всего предлагались выходной день Святого Георгия, гимн Англии и исключение шотландских и валлийских депутатов из голосования по вопросам, переданным из Вестминстера.

¹²⁹ Источник: David Edgar, *Questions about Englishness raise more problems than they can solve* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/oct/21/questions-about-englishness-raise-problems>

Есть, конечно, причина для того, чтобы это было расплывчатым. Если вы исключите те конституционные и институциональные механизмы, которые применяются по всей Великобритании (которые дают нам демократию, верховенство закона и наши с трудом завоеванные свободы), а затем вычеркните те радушные характеристики, которые мы хотели бы заявить как наше исключительное владение (как будто канадцы были нетерпимы, финны недобросовестны, перуанцы неприличны), тогда вам остается вопрос не о том, есть ли какое-то осмысленное определение английской культуры, а о том, какое определение выбрать.

Это «глубокая Англия» сельской местности, англиканская церковь или, действительно, лучники? Или Англия свободных радикалов, левеллеров, чартистов, мучеников Толпуддла и суфражисток? Это городская, рабочая Англия в ее различных, а иногда и противоречивых проявлениях, от пабов и мюзик-холла до северного несоответствия (и комедии)? Или любовь к языку и его литературе (и, если да, обесценивается ли это более интернациональным отношением к художественным формам, которые не наталкиваются на неспособность англичан говорить на иностранных языках)? И празднует ли Англия как место, открытое и гостеприимное для посторонних - достойное восхищения и зачастую истинное - действительно ли это определение того, что характерно для его характера?

Правда состоит в том, что большинство сторонников английскости - в том числе тех, которые перечислены выше - это записи не на консенсус, на конкурс, тогда и сейчас. Сегодняшняя культура рабочего класса - это то, что пережило в значительной степени нападение английского правительства на его рабочие места, его институты и сообщества. Кантрисайд альянс был создан не для того, чтобы оспаривать европейские или шотландские предрассудки против убийства мелких животных, а против городской Англии. Поклонники не жалуются на то, что Лучники становятся слишком похожими на австралийские или бразильские «мыла», но слишком похожи на Ист-Эндерс или Эммердейл. И, конечно же, права свободно рожденных англичан были выиграны не у французских или немецких правительств, а у других англичан, которые потратили все ресурсы британского государства на их отрицание.

Таким образом, проблема, лежащая в основе дебатов, - звонкий исторически сложившийся вопрос: «Кто говорит за Англию?». - это не просто естественное подозрение на любой вопрос, ответом на который может быть Борис Джонсон. Вопрос в том, о чем идет речь в Англии, и в том, достаточно ли согласованна любая из этих возможных «Англий», чтобы превзойти как то, что отделяет некоторых английских жителей от других, так и растущие разногласия внутри самой Англии.

Конечно, английская нация One Nation могла бы стать удобным знаком для кампании против зияющих различий в богатстве, опустошения местных демократических институтов и демонизации бедных. Ясно, что были успешные попытки вернуть союзный флаг и флаг Св. Георгия в правый угол. Но неприятие этих символов остается. Как было сказано в субботу, у многих чернокожих и азиатов оба флага вызывают воспоминания о маршах и нападениях Национального фронта в 1970-х годах, а также о демонстрациях EDL сегодня. Мысль о том, что в глубине души все еще нет черных в «Юнион Джек», повторяется каждый раз, когда лидер

консерваторов вызывает мрачную дистопию Эноха Пауэлла - из «заболоченного» заявления Маргарет Тэтчер в 1978 году в «путешествии Уильяма Хейга в 2001 году». «Речь в предупреждении Дэвида Кэмерона 2011 года против «дискомфорта и разобщенности», создаваемых иммигрантами в оседлых кварталах. И это еще до того, как правительство начало переписываться с подозреваемыми надзирателями и посылать фургоны по Лондону с просьбой отправиться домой.

Мне нравятся кусочки английскости, которые я могу оставить в покое. Я люблю побережье, но не кухню. То, что я живу в Уэст-Мидлэндсе, вовсе не означает, что я должен предпочесть прерафаэлитов импрессионистам или Элгара Бетховену. Я рад, что и технология, и миграция дали большинству людей гораздо более широкий культурный выбор. Теперь давайте приступим к построению более справедливого общества, не потому что это англичане, а потому что это правильно.

Деволуция - огромный шаг вперед для Англии.

Дела о национальном самоуправлении Шотландии и Уэльса уже были рассмотрены и приняты. В интересах демократии и справедливости тот же принцип должен применяться и к Англии.

Цель Конвенции о конституции данной территории состоит в том, чтобы содействовать обсуждению и внесению предложений о законном и справедливом конституционном урегулировании для всех жителей Англии.

Английская конституционная конвенция - это проект, созданный при общем содействии Британской демократической партии и Компании за английский парламент.

Нынешнее правительство гарантирует передачу полномочий Уэльсу, Шотландии и Северной Ирландии. Голосование, на котором жители могли реализовать свои гражданские права, было проведено во всех трех регионах страны.

Данный референдум обошёл стороной лишь народ Англии.

Гордому и консервативному народу Англии не была предоставлена возможность каких-либо значительных деволуционных дебатов. Граждане не были поставлены в известность о возможности создания независимого правительства. Им так же не предоставили возможности голосовать за вариант, который они считают предпочтительнее. Решение правительства по данному вопросу (в части, касающейся Англии) состоит в том, чтобы разделить территорию Англии на 9 искусственных европейских регионов и лишить ее статуса «нации». Термин, используемый в настоящее время правительством для описания структуры Соединенного Королевства, - это «нации и регионы Британии», где Англия является «регионом».

Английская конституционная конвенция (ЕСС) - это растущая коалиция политических и неполитических организаций, которые считают, что жители Англии имеют такие-же гражданские права, как и жители других регионов, и, согласно этому, могут участвовать в обсуждении и принимать решения о той форме организации власти, которая наилучшим образом удовлетворяет потребности общества и отвечает воле большинства избирателей.

Становится очевидным, что к Англии и ее жителям относятся иначе, чем ко всем остальным частям Великобритании. Это просматривается в различиях в порядке совещаний, уровне демократических свобод, количестве государственных расходов и уровне доверия. Ясно, что если политическая система намеревается сохранить доверие народа Англии, то его требования должны быть учтены, и все те, кто стремятся к этому, должны должным образом организовать достойные демократические дебаты о будущем Англии. Те, кто стремятся править от имени

¹³⁰ Источник: *English Constitutional Parliament* [Электронный ресурс].
URL: <https://web.archive.org/web/20070708090225/http://englishconstitutionalconvention.com/>

народа Англии, должны надлежащим образом закрепить национальный статус региона и в будущем поддерживать его стабильность.

ЕСС приветствует активное участие всех тех групп и учреждений, которые поддерживают принципы ЕСС и верят в необходимость демократии, свободного голосования и открытых дебатов.

Сразу после запуска программы, будет организовано несколько последовательных встреч и конференций. Именно в ходе этих совещаний будет приниматься окончательное решение о принятии конституции, а также будут рассмотрены идеи о будущем Англии. Работа ЕСС заключается в информировании широких слоев населения, а также убеждении правительства в необходимости дебатов.

В интересах демократии и справедливости, дело о национальном самоуправлении Англии должно быть рассмотрено и принято в том же порядке, что и дела о самоуправлении Шотландии и Уэльса.

Главной целью Конвенции является содействие дискуссиям и внесению положений, которые будут содействовать справедливому конституционному регулированию общества и обеспечит защиту прав и свобод граждан.

Основатели Английского конституционного собрания считают, что Англии необходимо обладать такими характеристиками как:

- «Паритет» отдельного региона Великобритании
- «Признание» национальной государственности Англии
- «Равенство» в уважении культурных и исторических особенностей региона
- «Справедливое финансирование» и устранение дискриминации в отношении Англии

ЕСС организует форум для обсуждения различных вариантов передачи полномочий, поощряя всех, кто заинтересован в будущем Англии, выдвигать последовательные предложения, которые в последствии с большой долей вероятности будут учтены при принятии окончательного решения. Затем принятые варианты конституции будут представлены на референдуме, где народ Англии сможет выбрать наиболее подходящий вариант. Условия будут такие же, как и у жителей Шотландии и Уэльса, которые в свое время получили возможность избрать Ассамблею и Парламент.

НЕДОБРЫЕ ТАЙНЫ АНГЛИИ¹³¹

Текст Роберта Уиндера «Bloody Foreigners» стал увлекательной попыткой найти источники английскости. Во времена национального кризиса это иногда можно было выразить словами. В 1941 году, заявив, что «высоко цивилизованные люди летят над головой, пытаясь убить меня», Джордж Оруэлл сел сочинить «Льва и единорога», классическое эссе о «английском гении». Он заметил, со своей обычной терпкостью, что «мы называем наши острова не менее чем шестью разными именами: Англией, Британскими островами, Великобританией и, в очень возвышенных моментах, Альбионом», и поинтересовался, как понять этого пэворка. Оруэлл также нарисовал сентиментальную картину довоенного мира: «Старые девы, едущие на велосипедах к Святому Причастию сквозь туман раннего утра», описание, которое стало примером сатиры.

Спустя почти 80 лет, когда в эфире бушуют битвы за Брексит, в книгах об англичанах наблюдается мини-бум, в том числе продолжение знаменитых Кровавых Иностранцев Робертом Уиндером. Хорошо продуманный, рефлексивный и довольно личный, Последний волк также оригинален и глубоко проработан. Не то, чтобы это гарантировало что-либо, когда дело доходит до анализа этих «скрытых источников». Как справедливо замечает Уиндер: «пытаться пригвоздить любого национального персонажа - все равно что пытаться схватить дым».

Он может сказать это снова. Недавняя история популярных попыток определить, кто мы есть, продемонстрировала всю серьезность деревенского паба во время закрытия. Когда в 2007 году Гордон Браун попытался определить наш национальный характер, его дразнили за риторический эквивалент попытки связать хвост ослу. Одна газета спонсировала кампанию за «британский» девиз, который соответствовал бы «Liberté, Égalité, Fraternité»; что-то немного менее смущающее, чем «Крутая Британия». Предложения читателей включали, например: «Алкоголик. Толстяк. Бинго. Санкции. Tesco». За ним следует «Нет, пожалуйста, девиз: мы британцы».

Короче говоря, наша национальная идентичность остается противоречивой темой, в которой важно не упоминать то, что не сказано. У многих британцев поднятая бровь может быть такой же значимой, как и заявление национальной миссии, за исключением, конечно, кризиса. Кризисы напоминают нам, кто мы на самом деле: 1066, например.

Один из традиционных ответов на загадку англичан - обвинять норманнов. Есть веские основания утверждать, что англосаксонская реакция на французское вторжение является ключом ко многим качествам английской жизни.

---

¹³¹ Источник: *The Last Wolf: The Hidden Springs of Englishness review – England's sheepish secrets* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/aug/06/the-last-wolf-hidden-springs-of-englishness-robert-winder-review>

После этого исторического поражения обычный мужчина (и женщина) ушел в подполье, воспитывая национальную гордость и местную самобытность через язык и культуру и сосуществуя с ненавистным захватчиком в условиях страдания. Англосаксонские женщины могут брать норманнских мужей и воспитывать англорманнских детей. Однако, среди населения в целом, закон, церковь и корона находились в презрении и подозрении. Английское отношение к государственной власти остается глубоко амбивалентным.

Уиндер кивает на национальную травму завоевания, но ставит перед собой цель - 1209 год - как переломный момент в создании Англии, которую мы знаем сегодня. Это был год, когда рыцарь из Шропшира, по поручению короны, убил последнего волка в западных графствах, спонсируя овечье фермерство.

Уиндер любит шерсть. Без хищных волков Англия могла бы стать «гигантским овцеводческим хозяйством». Землевладение стало коммерческим: овца плюс трава равняется золоту. Вскоре зарождающаяся национальная культура становилась застенчивой. Согласно Уиндеру, даже национальная игра, крикет, была изобретена игривыми пастухами. «Память о шерсти, - пишет он, - скрывается в кривых переулках Англии, мощеных площадях, каменных впадинах, выючных мостах и тропах водителей».

Шерсть была движущей силой перемен, но пшеница, вода и уголь были доминирующими чертами нашего ландшафта. По этой версии, политические и социальные перемены сформировали не скалы, а небо. Для Уиндер этот пейзаж играл динамичную роль в нашей «островной истории» уже более 1000 лет. В то же время он тщательно ориентируется в вопросах «замкнутости», предпочитая сосредоточиться на плодородном и плодотворном характере графства и их постоянном взаимодействии с «самым основным из ресурсов»: дождевой водой.

Английскость для Уиндер, происходит от природы, так же, как портреты Гейнсборо связывают английских землевладельцев с их обширными акрами. Наряду с празднованием «любимого мира Бленхейм, Лонглит и Хэмптон-корт», кивая на Брайдсхед и Даунтон Аббатство, Уиндер вправе определить в сельской местности качество устойчивости, характерную черту, которая больше всего определяет наше общество, что-то, к чему многие британцы будут цепляться за эти годы брексита. Именно «устойчивость» поглотила сейсмические потрясения индустриализации и смазала колеса постиндустриальной английской жизни. Там, где мы до сих пор празднуем эпоху шерсти, мы уже забыли эпоху угля. И все же именно эта географическая удача, те пласты железа и угля, которые переделали английское воображение в 19 веке.

Является ли «воображение» таким же, как «национальный характер»? Как известно Уиндеру, историки давно презирают его, и, возможно, он сообразителен, чтобы избежать подобных вопросов. К концу этого захватывающего перехода через лабиринт отражающих зеркал он признает, что лоскутное одеяло истории, которое он так ловко сшил вместе, больше не составляет объединяющее повествование. Тема его подзаголовка просто неуловима для этого. Возможно, последнее слово должно

принадлежать Джорджу Оруэллу: «Огромные просторы Англии поглотят тебя... разнообразие этого хаоса! Но какой узор получается из этой мешанины?».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ю.С. Бобкова

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Е.А. Игнатович

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Д.Е. Иноземцев

студент, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Д.Э. Исакова

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

С.И. Жетлухина

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

М.В. Курчанов

д-р ист. н., доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

217

К.С. Пахомова

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В.В. Поголоцкая

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

А.Н. Рудакова

студентка, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В.О. Шаламов

студент, 2 курс, направление 41.03.01 «Зарубежное регионоведение» (бакалавриат), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

К.А. Федотова

студентка, 1 курс, направление 41.04.01 «Зарубежное регионоведение» (магистратура), профиль «Европейские исследования», Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»